

Том 16, № 2 • 2026

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Вестник
Финансового университета

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Bulletin
of Financial University

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Vol. 16, No. 2 • 2026

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-практический журнал
Том 16, № 2 (80), 2026
Издается с 2016 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

Подписной индекс

в каталоге «Пресса России»: 44090

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-6707 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

**Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации**

125167, Российская Федерация, Москва,

Ленинградский проспект, 49

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» — рецензируемый научно-практический журнал в области общественных и гуманитарных наук, сочетающий в себе фундаментальные исследования и практическую составляющую, в котором публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы на русском языке по актуальным вопросам социологии (структура, институты, процессы), истории и теории политики, политических процессов (технологии, отрасли, институты), международных отношений, философии (история, социальная и политическая философия).

Журнал «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» включен в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список», индексируется в базах данных: РИНЦ, Ebsco, RePec, eLibrary.ru Специальности ВАК:

5.4.2. Экономическая социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Главный редактор **А.Б. Шатилов**

Выпускающий редактор **А.А. Извекова**

Корректор **Н.В. Колобова**

Верстальщик **Е.А. Смирнова**

Переводчик **И.М. Евстратов**

Отпечатано в ООО «Коми Республиканская типография», г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81.

Тираж 500 экз. I завод — 50 экз.

Формат 60 x 84 1/8.

Заказ № 26-2292

Подписано в печать: 15.04.2026

Дата выхода в свет: 15.05.2026

© Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории НИЯУ МИФИ, Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, иностранный член РАН РФ, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор, председатель диссертационного ученого совета Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расулинежад Э., доктор экономических наук, доцент кафедры исследований России, Кавказа и Центральной Азии, факультет глобальных исследований, Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

Силласте Г.Г., заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шапавалов В.Л., кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, Москва, Российская Федерация

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Южно А.С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. Sci (Pol.), Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of History of the National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. (Pol.), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodovskaya E.V., Dr. Sci. (Pol.), Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. Sci (Hist.), Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. (Law), Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Osipova N.G., Dr. Sci. (Soc.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Polevaya M.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. (Pol.), Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rasoulizhad E., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Studies of Russia, the Caucasus and Central Asia, Faculty of World Studies, University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

Sillaste G.G., Dr. Sci. (Philosophy), Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. Sci. (Pol.), Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Fedorov V.V., Cand. Sci. (Pol.), Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cand. Sci. (Pol.), Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Comparative Political Science, MGIMO MFA of Russia; Project Manager, Expert Institute for Social Research, Moscow, Russian Federation

Eskindarov M.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. (Law), Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State Studies, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Scientific and practical journal

Vol. 16, No. 2 (80), 2026

Published Since 2016

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Founder and Publisher:

**Financial University under the Government
of the Russian Federation**

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167,

Russian Federation

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Aims and Scope: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*

is a peer-reviewed journal in the social sciences and humanities which blends rigorous research with practical insights. It publishes original articles, reviews, and analyses in Russian on contemporary issues in sociology, including structure, institutions, and processes. The journal also explores the history and theory of politics and political processes, with a focus on technologies, industries, and institutions. It delves into international relations and philosophy, covering history and social and political philosophy.

The journal *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* is included in the Unified State List of Scientific publications – the «White List», is indexed in the following databases: RISC, Ebsco, RePEC, eLibrary.ru

Editor-in-Chief **A.B. Shatilov**

Managing editor **A.A. Izvekova**

Proofreader **N.V. Kolobova**

Design & layout **E.A. Smirnova**

Translator **I.M. Evstratov**

Printed in Komi Republican Printing House LLC,

Syktvykar, Savina St. 81

The edition is 500 copies.

I factory – 50 copies.

Format is 60 x 84 1/8.

Order No. 26-2292

Passed for printing: 15.04.2026

Issue Date: 15.05.2026

© *Financial University
under the Government of the Russian
Federation*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Деникина Э.Д., Деникин А.В., Ореховская Н.А.

Историческая память как предмет философского анализа 6

Балаклеец Н.А.

Генезис будущего в условиях «мемориального поворота»,
или Как возможна история будущего 17

Свинцова М.Н., Дерябина Д.А.

Генезис и историческая динамика информационных войн:
этапы, механизмы, трансформации 32

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Степанюк Д.Д., Селезнев П.С.

Геоклиматические и когнитивные сдвиги:
анализ взаимовлияния в эпоху глобального кризиса 41

Родачин В.М.

Методологический анализ проблематики и понятия лингвистической безопасности 48

Чжоу Чжэньхуа

Цивилизационный суверенитет и будущий международный порядок 59

Мухаев Р.Т., Чубаров А.И.

Структура и механизмы цифрового господства 68

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Rasoulnezhad E.

Sanctions, Nuclear Ambition and the Architecture of Economic Resistance in Iran 83

Мухаметов Д.Р.

Модель нового социального контракта в условиях роботизации и внедрения искусственного
интеллекта 95

Noori A.S.

International Non-governmental Organizations in Afghanistan (2020–2025): Humanitarian Activities
and Operational Challenges 103

Комов В.Э.

Краудсорсинг в муниципальном управлении — современные механизмы инновационного
развития и регулирования 110

Бикбулатов А.И., Судоргин О.А.

Государственное программно-целевое управление в гражданских отраслях промышленности
Российской Федерации в первой четверти XXI века 120

Мельничук М.В., Стародубцева Е.А.

Эволюция парадигмы «язык - мышление» как теоретический фундамент новой модели
профессионально ориентированного языкового образования 132

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Карапетян Е.А.

Культура советской песни в годы Великой Отечественной войны:
от пропагандистских образов к формированию личностных нарративов 142

Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т., Музашвили Д.З.

Национальное проявление экзистенции 150

CONTENTS

COVER STORY: HISTORICAL MEMORY AS A POLITICAL, SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

Denikina Z.D., Denikin A.V., Orekhovskaya N.A.

Historical Memory as a Subject of Philosophical Analysis 6

Balagleets N.A.

The Genesis of the Future in the Context of the “Memorial Turn”,
or How the History of the Future Is Possible. 17

Svintsova M.N., Deryabina D.A.

The Genesis and Historical Dynamics of Information Warfare:
Stages, Mechanics and Transformations 32

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Stepanyuk D.D., Seleznev P.S.

Geoclimatic and Cognitive Shifts:
An Analysis of Their Interrelationship in the Era of Global Crisis 41

Rodachin V.M.

Methodological Analysis of the Problems and Concepts of Linguistic Security 48

Zhou Zhenhua

Civilizational Sovereignty and the Future International Order 59

Mukhaev R.T., Chubarov A.I.

The Structure and Mechanisms of Digital Domination 68

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Rasoulnezhad E.

Sanctions, Nuclear Ambition and the Architecture of Economic Resistance in Iran 83

Mukhametov D.R.

Model of a New Social Contract in the Context of Robotization and Introduction of Artificial
Intelligence. 95

Noori A.S.

International Non-governmental Organizations in Afghanistan (2020–2025): Humanitarian Activities
and Operational Challenges 103

Komov V.E.

Crowdsourcing in Municipal Government – Modern Mechanisms of Innovative Development and
Regulation. 110

Bikbulatov A.I., Sudorgin O.A.

State Program-Targeted Management in the Civilian Industries of the Russian Federation in the First
Quarter of the 21st Century. 120

Melnichuk M.V., Starodubtseva E.A.

Evolution of the “Language-Thought” Paradigm as the Theoretical Foundation for a New Model of
Professionally Oriented Language Education 132

HISTORICAL DIGRESSION

Karapetyan E.A.

The Culture of Soviet Song During the Great Patriotic War:
From Propaganda Images to the Formation of Personal Narratives 142

Makhamatov T.M., Makhamatov T.T., Muzashvili D.Z.

The Existence of the Search for Harmony 150

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

УДК 930,1+101.1:316(045)

Историческая память как предмет философского анализа

З.Д. Деникина, А.В. Деникин, Н.А. Ореховская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставляются сущностная, контекстная и системная концепции исторической памяти. В первой историческая память мыслится в интервале «истина – ценность» и включенности в структуру национальной идентичности. Во второй ценностное содержание исторической памяти зависит от градации условий, что ведет к плюрализму интерпретаций. В этом случае с позиций гносеологического холизма историческая память трактуется как вид коллективного знания, а с точки зрения онтологического холизма выражается в intersубъективной реальности, во взаимоотношениях «Я» и «Другого». В статье делается вывод о том, что в настоящее время перспективна системная проекция изучения исторической памяти. Предлагается аутопойетический вариант системного анализа, в котором историческая память выступает одним из способов самонаблюдения государства-системы и рефлексии внешней среды. Историческая память определяется как способность государства-системы поддерживать и воспроизводить холистические смыслы при любых состояниях внешней среды. Различаются абстракции коллективного субъекта и системного субъекта. Коллективный субъект может оставаться таковым, не будучи системным субъектом, например, при потере государством суверенитета. Логика деятельности коллективного субъекта может быть ценностно нейтральной и инструменталистской. В то время как система-субъект выступает носителем исторического общего и поддерживает внутреннюю целостность. Таким образом, сочетание субъектной и системной онтологии в понимании исторической памяти снимает оппозицию гносеологического и онтологического холизма.

Ключевые слова: историческая память; сущностная концепция исторической памяти; контекстная концепция исторической памяти; системная концепция исторической памяти; коллективный субъект; система-субъект

Для цитирования: Деникина З.Д., Деникин А.В., Ореховская Н.А. Историческая память как предмет философского анализа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

ORIGINAL PAPER

Historical Memory as a Subject of Philosophical Analysis

Z.D. Denikina, A.V. Denikin, N.A. Orekhovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article compares the essential, contextual and systemic concepts of historical memory. In the first, historical memory is thought of in the interval of truth-value and inclusion in the structure of national identity. In the second case, the value content of historical memory depends on the gradation of conditions, which leads to a pluralism of interpretations. In this case, from the standpoint of epistemological holism, historical memory is interpreted as a kind of collective knowledge, and from the point of view of ontological holism it is expressed in intersubjective reality, the relationship of the Self and the Other. The article concludes that a systematic projection of the study of historical memory is currently promising. An autopoietic variant of system analysis is proposed, in which historical memory acts as one of the ways of self-observation of the state-system and reflection of the external environment. Historical memory is defined as the ability of a state system to maintain and reproduce holistic meanings under any environmental conditions. The abstractions of the collective subject and the systemic subject differ. A collective entity may remain such without being a systemic entity, for example, when a State loses sovereignty. The logic of the collective subject's activity can be value-neutral and instrumentalist. While the subject system acts as a carrier of the historical common and maintains internal integrity. Thus, the combination of subjective and systemic ontology in the understanding of historical memory removes the opposition of epistemological and ontological holism.

Keywords: historical memory; essential concept of historical memory; contextual concept of historical memory; systemic concept of historical memory; collective subject; system-subject

For citation: Denikina Z.D., Denikin A.V., Orekhovskaya N.A. Historical memory as a subject of philosophical analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Одна из проблемных ситуаций в изучении феномена исторической памяти заключается в недостаточной взаимосвязи дисциплинарно-теоретического и философско-метатеоретического знания. В исторической, политической и социологической науке историческую память можно отнести к разряду социально-психологических понятий, которые пополняют семейство цивилизационных концептов [1–4].

Со своей стороны, философия не может ограничиться подобными содержательными рамками. В последнее время мы наблюдаем всплеск интереса к национальной идентичности и сопутствующим темам¹ [5–7]. Попутно происходит научная проблематизация феномена исторической памяти, но в концептуальном оформлении и методологическом обеспечении мы находимся еще в начале пути.

Можно, конечно, возразить: а что, разве в русской философии XIX в. и в советский период никто не занимался подобной проблематикой? В философии проблема транслируется через столетия, при этом меняются способы ее решения. Последнее обстоятельство связано с логикой развития самих учений, сменой методологий и, самое главное, с изменением представлений о реальности.

Когда в первой четверти XXI в. говорят об исторической памяти, исследователи находятся в другой точке научного поиска, в которой историческое и социальное бытие подлежит осмыслению с позиций различных парадигм.

Методологическая основа исследования строится на сопоставлении трех ключевых концептуальных проекций исторической памяти, соответствующих различным типам научной рациональности по В.С. Степину: сущностной (классической), контекстной (неклассической) и системной (постнеклассической). В работе применяются методы сравнительно-исторического анализа философских концепций, системного и аутопойетического анализа, а также интеграция субъектного и холистического подходов для преодоления эпистемологических противоречий в понимании коллективной памяти.

СУЩНОСТНАЯ И КОНТЕКСТНАЯ КОНЦЕПЦИИ

Согласно различным типам научной рациональности, обозначим следующие концептуальные проек-

ции исторической памяти. Сущностная проекция практиковалась в России до конца 80-х гг. XX в. Для нее важны поиск и экспликация логики исторического процесса и его познания. Историческая память мыслится в интервале «истина — ценность» и включается в структуру национальной идентичности. При проведении историко-философской аналогии историческая память ассоциируется с первичной материей Аристотеля. Она позволяет народу развиваться по заданной программе, поскольку олицетворяет потенциальную способность выполнения сущности.

Контекстная концепция понимания исторической памяти появляется в эпоху перестройки. По своим характеристикам такой тип объяснения коррелирует с методологическими посылами аналитической философии Л. Витгенштейна. Неклассическое мышление отходит от поиска стационарной сущности. Описание исторических событий накладывается на матрицу определенных условий, имеющих и онтологический, и гносеологический характер. Соответственно, ценностное содержание исторической памяти зависит от данной группы условий.

Применение любого термина определяется типом языковой игры. В этом смысле значение исторической памяти многослойно и плюралистично. Теперь историческая память локализуется в понятиях истинности, что неизбежно приводит к историческому релятивизму. Примечательно, что в таком типе исследовательского мышления разброс методологических позиций в конечном счете отождествляется с градацией онтологических условий, формами выражения одного и того же исторического события. Так, например, альтернативные представления об эпохе правления Петра I укладываются в русло соответствующего столетия и не отменяют некую общность онтологических установок. Как показало время, это «смягчающее» обстоятельство в какой-то степени нейтрализовало отрицательный эффект плюрализма интерпретаций [8].

Настоящие онтологические «подвохи» еще были впереди, когда множественность интерпретаций была заменена представлениями о множественной реальности одного и того же исторического бытия.

В начале 2000-х гг. российская философия зафиксировала и концептуально оформила «поворот» гносеологии и методологии в сторону онтологических следствий. Как оказалось, становление предметной области научного анализа во многом зависит от применяемых гносеолого-методологических средств. Методология формирует ракурс исследования, допустимые границы предметного бытия.

¹ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Издательство «Весь мир», 2017.

Соответственно, смена подходов влечет за собой изменение аналитического угла зрения и высвечивает новые грани изучаемой реальности.

Неклассический теоретико-познавательный парадокс заключается в решении проблемы истинности высказываний и согласования исследовательских позиций. Ответ был найден за счет постулирования множественности истин. Их эпистемологическая судьба решалась с помощью применения принципа дополнительности в ходе полноценных дискурсов.

При такой гносеологической диспозиции феномен исторической памяти также локализовался в предметных сферах гносеологии, а в частнодисциплинарном знании — в рамках истории, культурологии, социологии. Историческая память выглядела как знание о прошлом, чьи вариации в значительной степени отражали одни и те же исторические события и факты.

СИСТЕМНАЯ ПРОЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: АУТОПОЙЕЗИС И ХОЛИЗМ

В настоящее время для определения философской специфики исторической памяти перспективной представляется системная проекция. Системная методология используется в любых типах научной рациональности, но не всегда играет роль онтологической схемы. В последние годы наблюдается эволюция системного исторического мышления.

В эпоху глобализации историческая память имела культурно-цивилизационное содержание и отражала специфику отдельного государства, включавшегося в универсальные экономико-политические связи. На предыдущем этапе глобализации для стабильной системы-государства международная среда не воспринималась как разрушающая его специфику реальность.

Если государство входило в ситуацию бифуркации и сильной неравновесности (например, во время цветных революций), историческая память могла быть утрачена вместе с организующей структурой. Дальнейший поиск аттрактора приводил либо к воспроизводству исторической памяти, либо к ее деформации — к тому, что Гегель называл видимостью.

Аутопойетический вариант системного анализа исторической памяти наиболее интересен для исследовательского внимания, особенно если он опирается на онтологию холизма. Для концептуализации исторической памяти нужно: а) определить специфику общего и целого; б) обозначить тенденции развития национального государства как системы-субъекта с исторической памятью.

В такой системе отсчета государство-система и окружающая геополитическая и геоэкономическая среда становятся равнозначными конкурентными реальностями. Задача государства-системы — не отмежеваться от среды, а сделать ее онтологически однородной для себя. Это важный момент сочетания единичного и общего в историческом процессе.

Страны БРИКС, обладающие собственной исторической памятью, выстраивают общее средовое пространство — возникает региональная глобализация. Историческая память — один из способов самонаблюдения государства-системы и рефлексии внешней среды. Она призвана устранить следствия неравновесного государственного развития и локализуется в понятиях смысла и значимости системного бытия.

Формирование однородных межсредовых смыслов — результат осознанной деятельности государства, продолжение внешней политики. Неискаженная историческая память играет системообразующую роль, формируя субъектность государств (тождественную суверенности) и позволяя системам-государствам находиться в едином онтологическом поле. Пример — внутриполитические задачи Венгрии в рамках европейского пространства.

Современная историческая наука и социология функционируют в условиях полураспада онтологии холизма. Заслуга российской философии — в попытках противостоять гегемонии номинализма. Возникает вопрос: допустим ли плюрализм онтологий, исключающих холизм? Как трактовать историческую память и национальную идентичность, если научные сообщества не признают общей предметной реальности? Дискуссии о победителях во Второй мировой войне — показательный пример.

Борьба онтологических взглядов нивелирует представления об истине. В перспективе затрудняется теоретико-методологическое моделирование исторической памяти: некоторые события Великой Отечественной войны могут отсутствовать в предметном поле научного дискурса.

Почему важно привнести холистскую установку в изучение исторической памяти? Понимание общего и единичного в истории как ипостасных форм недостаточно: общее может выступать единичным при соответствующих условиях, и наоборот. Закономерности исторического периода имеют ту же онтологическую силу, что и уникальные события. Уход от этих параметров означает забвение клас-

сической научной рациональности в определении феномена исторической памяти.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ АРИСТОТЕЛЯ К ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ

Согласно неклассическому мышлению, историческая память представляет собой реинтерпретацию единичных, неповторяющихся событий. Сохранение преемственности исторического знания должно вновь стать насущной теоретической и прикладной задачей.

Допущение многосущности исторического поля в неклассических схемах исследования еще не подрыывает позицию онтологического инварианта. Исследователи с различными гносеологическими установками не исключают наличия постоянных признаков изучаемого бытия. Отсылка к условиям и потенциальным свойствам исторического объекта влияет лишь на специфику описания. Пример тому — эпистемологические достижения аналитической философии. В выявляемых контекстах обсуждаются контуры правил предстоящего анализа.

Изучение исторической памяти как явления культуры или состояния коллективного сознания дает различные, но сопоставимые гносеологические результаты. В многомерном типе онтологии, описываемом неклассической рациональностью, еще нет бытийного антагонизма общего и единичного. Реальность общего не исключает реальности единичного, хотя они наделяются различными смыслами. Например, описание Сталинградской битвы советскими и немецкими историками XX в. опиралось на онтологическую установку: Сталинградская битва была на самом деле — это непреложный исторический факт.

С переходом к постнеклассической методологии внимание обращается на понятие исторического опыта. Наряду с концептом «историческая память» оно принадлежит к разряду холистичных понятий. В последние годы отечественные исследователи акцентируют проблему гибридного бытия [9] — симбиоза искусственного и естественного, актуального и виртуального. Развитие цифрового мира сместило акценты в сторону изучения цифровой реальности, оставив в «тени» проблему существования общего и целого.

Сопоставление цифровой реальности и реальности общего показывает эпистемологическую вторичность цифрового бытия. Признание цифрового бытия предполагает наличие общего цифрового бытия как такового, что отсылает нас

к гносеологической ситуации неклассической рациональности — множественности концептуального описания одной реальности.

Исторический опыт относится к понятиям, выражающим онтологию общего. Историческая память — способность государственной системы поддерживать и воспроизводить холистичные смыслы при любых состояниях внешней среды (в терминологии Аристотеля — первичная материя). Исторический опыт — содержательное накопление и обновление холистичных смыслов (в терминах Аристотеля — целевая причина). Он задает алгоритм системных операций и реакций на внешнюю среду, коррелирует дальнейшее целеполагание.

Вопросы о роли личности Сталина, например, укладываются в русло исторической памяти, а при накоплении исторического опыта ответы на них должны иметь системосберегающий характер.

Историческая память и исторический опыт актуализируются благодаря формальной причине (в терминологии Аристотеля) — национальной идентичности. Она служит точкой притяжения усилий на основе памяти и опыта, обеспечивает устойчивые онтологические рамки исторических событий. В феномене национальной идентичности представлены максимальные холистичные параметры, которые могут снизиться при искаженном целеполагании («напрасные причины» у Аристотеля).

Данное историко-философское описание исторического опыта, безусловно, сближается с рамками классического понимания устойчивой сущности. Трансформируется ли оно в рамках системного бытия и сильно неравновесных состояний? И да, и нет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМ — МЕЖДУ СУЩНОСТЬЮ И СОДЕРЖАНИЕМ

Ответы на данные вопросы разновекторны и относятся на стадиях различной степени обсуждения. Один из ответов, на наш взгляд, заключается в расширенной трактовке системного анализа в отношении исторического бытия. Точнее говоря, на этапе постнеклассического знания в нем обнаруживается новый методологический потенциал.

На протяжении 2000-х гг. в российском общественном сознании активно обсуждается проблема специфики социально-гуманитарных наук. Сторонники различия естествознания и гуманитарных наук, равно как и адепты их сближения, выдвигают многочисленные аргументы в пользу субъектности, ре-

лятивности гносеологических позиций в истории, политологии и т.д.

В настоящее время в социогуманитарном знании все более усугубляются вопросы онтологии и аксиологии коллективных субъектов (народ, государство, цивилизация). В преломлении к исторической науке белых эпистемологических «пятен» становится все больше. Этим объясняются дискуссии по поводу памяти и войны памяти [10, 11]. Остановимся на некоторых концептуальных затруднениях.

Если современная общественная жизнь представляет собой «текущую реальность» с нелинейным развитием и «клиповой» онтологией, можно ли для ее описания применять эссенциалистские классические понятия, такие как «память» и «идентичность»? Существует ли такая линия детерминации, как формальная, материальная, целевая причины, в условиях разрыва устойчивых онтологических связей, в чередующихся геополитических кризисов?

Другой эпистемологический парадокс заключается в том, что при синергетическом описании сильно неравновесных систем внимание обращается на невозможность возврата к прошлым состояниям. Да и, в конечном счете, в диссипативных структурах прошлое не влияет на будущее. Как в таких случаях характеризовать историческую память и исторический опыт?

Попробуем дать промежуточный ответ, используя гегелевский понятийный ряд. Скорее всего, мы имеем дело не с «текучей» сущностью, а с «текучим» содержанием, которое интенсивно расширяется в сжатое историческое время. Рефлексия такого «разбухшего» содержания выступает одним из видов формы, структурности содержания. В современном мире она может не поспевать осмысливать огромный объем информации. Создается иллюзия неконтролируемого исторического и социального бытия. Выход заключается в поиске адекватной формы рефлексии. Она должна опираться на сущность, а не на содержание, и при такой системе эпистемологического отсчета можно вычленять для анализа любые содержательные явления.

Представляется, что историческая память относится к разряду рефлексии сущности. Она задает стационарное онтологическое поле при любом содержательном развитии событий. В свою очередь, исторический опыт выражает наличие этой стабильной линии в меняющемся содержании. Как видим, эти классические понятия вполне применимы для экспликации современного процессуального бытия.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ХОЛИЗМА: ИДЕИ РИКЕРА И ХАЛЬБВАКСА

Для экспликации исторической памяти следует приветствовать исследовательские усилия в области анализа онтологии коллективных субъектов [12–14].

В труде «Память. История. Забвение» [15] П. Рикер объясняет феномены личной и коллективной памяти, применяя историко-философский экскурс и методологические ресурсы феноменологии и герменевтики. Он останавливается на «тотальной объективации человеческой реальности» при «рождении наук о человеке» и сопоставляет эпистемологические модели «методологического индивидуализма» и «методологического холизма». «Для социологии начала XX века коллективное сознание было одной из реальностей, онтологический статус которых не вызывал сомнения». В результате «индивидуальная и коллективная память стали соперницами».

Рикер предлагает философский способ их сопряжения через понимание того, «каким образом историография сочленяет свой дискурс с дискурсом феноменологии памяти». Новый уровень отношений возникнет, когда история возведет себя «в ранг субъекта самой себя» и станет трактовать память «в качестве одного из объектов исторического познания». Используя феноменологическую методологию, Рикер делает «аналогический перекус» от индивидуальной к коллективной памяти: на интерсубъективность падает «тяжесть конституирования коллективных сущностей». Для подтверждения этой позиции он ссылается на труд М. Хальбвакса «Коллективная и историческая память»².

Подведем итоги. Во-первых, в рамках неклассической рациональности философии нужно было пройти путь феноменологического прочтения исторической памяти — это осуществил П. Рикер. Оправдано понимание исторической памяти через интерсубъективное бытие. Предел феноменологической интерпретации не исчерпан. Во-вторых, идеи раннего М. Хальбвакса послужили предпосылкой становления онтологического холизма (термин «социальные рамки памяти»). В-третьих, в границах системного анализа многие феноменологические подходы «приглушены», что позволяет по-новому взглянуть на историческую память через призму онтологического холизма.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/a2.html>

Любое приращение семейства холистичных понятий способствует углублению философского анализа феномена исторической памяти.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В 2020 г. состоялся круглый стол по теме «Индивидуальная и коллективная память в контексте современных социальных трансформаций», где поднимались вопросы о соотношении индивидуальной и коллективной памяти с привлечением ресурсов социальной психологии. Отдельные выступления участников были опубликованы.

Так, например, по мнению О.Е. Труфановой, «индивидуальная память часто выступает объектом естественно-научных дисциплин и эпистемологии, а коллективная память используется политологией, социологией, историей и другими социогуманитарными науками» [16]. Трудно не согласиться с ее утверждением о «продуктивности совместных исследований индивидуальной и коллективной памяти на общих методологических основаниях».

На наш взгляд, возможен следующий шаг прояснения этих методологических оснований. Несмотря на социогуманитарный «ореол» вокруг понятия исторической памяти, он не исключает ее предметного изучения в границах эпистемологии. Тогда функция памяти определяется не только естественно-научным образом — «как специфическая когнитивная функция организма» [16], — и мы выходим на способы бытия исторического общего и целого.

При системном, аутопойетическом понимании исторической памяти некоторые исследовательские проблемы могут быть переформулированы. Иначе воспринимается тезис о том, что «из исторического сознания исчезает идея будущего, которое казалось совершенно пластичным для человека эпохи модерна, что его можно было предвидеть на основе научных разработок, смоделировать и активно трудиться над его реальным воплощением» [17].

В современной исследовательской литературе (не только в русскоязычном сегменте интернета) популярно сопоставление стилей мышления эпохи модерна и постмодерна [18]. Такое деление пересекается с предложенным В. Степиным различием типов научной рациональности [19]. Оппозиция модерн-постмодерн более однолинейна и узка, а сопоставление классического, неклассического и постнеклассического мышления позволяет выявить существенные нюансы. С позиций постне-

классического исторического анализа идея будущего не исчезает, исторический опыт наращивается. Более того, историческая память способствует пролонгации системных целей, их коррекции из будущего и устойчивому состоянию системы.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ: ПРОБЛЕМА СТАТУСА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Еще одна переформулированная проблема касается статуса так называемого гносеологического и онтологического холизма. Под гносеологическим холизмом мы понимаем определение статуса целого и общего через механизмы познания. Статус онтологического холизма предполагает, что целое и общее существуют объективно — как в человеческой деятельности, так и за ее пределами.

Если функция исторической памяти закрепляется за профессиональной деятельностью историков, то ее бытие локализуется в наличном историческом знании. По замечанию М.М. Федоровой, остается неясным решение проблемы взаимосвязи инстанций нашего отношения к прошлому — историей и памятью. Различие между ними обостряется до предела: «объективное познание прошлого отвечает лишь за историческое знание» [17].

Зададимся вопросом: существует ли объективное знание в той части исторического знания, которая не является профессиональной? Как быть с историческим опытом, которому дважды отказано в значимой социальной роли? Первый раз — из-за отношения к прошлому в эпоху постмодерна, а во второй — из-за недооценки якобы нерациональной стороны исторического мышления.

О.Е. Труфанова предлагает гносеологический вариант холизма, трактуя «коллективную память как способ организации коллективного знания» и ссылаясь на идеи социальной памяти в работах И.Т. Касавина³, концепцию идеального у Э.В. Ильенкова⁴, «пространства смысла» У. Селларса⁵, «третий мир» К. Поппера⁶ [16]. Продуктивность такой позиции — в рассмотрении механизма бытия коллективной памяти через процессы эмпатии и диалоговой формы существования Я и Другого. Идея диалогового

³ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М; 2013. 560 с.

⁴ Ильенков Э.В. Идеальное. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия; 1962.

⁵ Sellars W., *Philosophical Perspectives*. William L. Harper; 1969.

⁶ Поппер К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. М.: Изд-во ЛКИ; 2008.

бытия привлекательна для описания межнациональных и внутригосударственных отношений.

При изучении онтологии исторической памяти желательно обратиться к другим линиям анализа после извлечения эпистемологической выгоды от изучения индивидуальной памяти в лоне номинализма и коллективной памяти как формы диалогового бытия.

СИСТЕМНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И КОНСТРУКТИВИЗМОМ

Еще один принципиальный вопрос остается не проясненным: если историческая память представляет собой системную реальность, зависит ли она от нашего познания? Насколько субъект может вмешаться в ход объективных процессов?

Интересно мнение В. Лекторского о том, что «реализм и конструктивизм в эпистемологии несовместимы». Автор предлагает позицию «конструктивного (деятельностного) реализма», согласно которой информация уже существует в окружающем мире, а познающий субъект берет «эту информацию при помощи своих активных действий в самом мире, таких действий, которые включают трансформацию окружения» [20].

В. Лекторский указывает на совпадение онтологии и гносеологии в рамках новой эпистемологии — так называемый «реалистический поворот», предполагающий отход от многовекового субъективизма. Он предлагает встроить субъект в бытие общего за счет его активной деятельности, совместимой с объективной реальностью. В контексте нашего исследования такой деятельностный реализм — часть механизма системной рефлексии.

В трактовке исторической памяти как системной рефлексии стираются границы между научным и ненаучным историческим знанием. Рефлексия включает рациональные и нерациональные способы понимания прошлого. Профессиональные историки и носители обыденного знания — носители исторической памяти. Знание, выработанное историками, остается в коллективной памяти, но может противоречить системной рефлексии: некоторые историки из-за идеологических разногласий снижают рациональный уровень объяснения или искажают описание. Тем не менее при сохранении государства как носителя исторической памяти сохраняется необходимый минимум рационального и нерационального выражения памяти.

Понимание российской цивилизации как коллективного субъекта определяет траекторию поиска

в вопросах национальной идентичности. В этой эпистемологической схеме задействована оппозиция единичного и множественного (например, взаимоотношения наций внутри государства) и анализ культурной специфики российской ментальности.

Онтология субъектности предполагает набор методологических средств: параметры конструктивной деятельности, влияющие на целеполагание, и картину индивидуального и коллективного сознания. Деятельность становится центрообразующей категорией субъектного подхода. Поиск детерминационных линий коллективного субъекта выявляет ее логику.

Сочетание субъектной и системной онтологии — перспективный вектор анализа исторической памяти. Одна из черт субъектного подхода — компонентное наполнение: коллективный субъект объясняется через взаимосвязи между «Я» и «Другим», с акцентом на многообразии позиций и обретении единства. Историческая память входит в массив смысловой логики коллективной деятельности по формуле «цель и результат».

Каковы же конструктивные стороны системного анализа исторической памяти? С одной стороны, укрупняется онтологический ракурс исследования. Система (нация, народ, государство, цивилизация) сама по себе является субъектом, чьи функции связаны прежде всего со способами саморефлексии, самонаблюдения и самовоспроизводства. В деятельностном подходе коллективный субъект имеет «вещную» природу: цивилизация как «большая вещь» отграничена от других исторических и социальных вещей [21].

С другой стороны, в абстракции системы-субъекта выражена структурная и процессуальная реальность, важная для понимания истории. Задача системного субъекта — поддержание внутренней целостности в противостоянии с внешней средой. При системном подходе актуализируются дополнительные аспекты исторического и социального холизма.

Коллективный субъект может оставаться таковым, не будучи системным субъектом. Потеря государством ценностного, военного, управленческого суверенитета сигнализирует об утрате системности. Думается, что коллективный субъект лишь в оптимуме обладает своей исторической памятью — она может быть замещена чужим «кодом» памяти.

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

В системной онтологии неравновесных структур при переходе от хаоса к порядку историческая память начинает стабилизировать бассейн аттракторов. В момент бифуркации она может послужить становлению решающего аттрактора и «временится» из будущего,

определяя системное целеполагание. Утрата структуры в таких системах объясняется в том числе постепенным исчезновением исторической памяти.

В аутопойезисе историческая память также не чуждый концепт:

- она образует социальную и историческую рефлексию, нейтрализуя единичные смыслы, разрушающие ее воспроизводство;
- трансформирует любые связи в системные коммуникации, возвращая им достоверность и эффективность;
- при ценностно-нейтральной логике деятельности коллективного субъекта заменяет эссенциалистский индикатор существования наций и государства, предотвращая замену органической целостности инструменталистскими идеями.

В эссенциалистском идеале коллективный и системный субъекты выступают ипостасями социального и исторического общего. Это важно для прогнозирования внутренней жизни государства и его бытия на внешней арене. Государство, нация, цивилизация как коллективные субъекты функционируют в рамках системного устойчивого бытия, сохраняя сущность, несмотря на флуктуации внешней среды. При такой диспозиции выражается холистическая роль памяти — в логике целеполагания, системных коммуникациях и содержании национальной ментальности [22].

ВЫВОДЫ

В статье проведен философский анализ исторической памяти через сопоставление трех концепций: *сущностной* (до 1980-х гг.): память трактуется как устойчивое явление, связанное с поиском исторической истины и формированием национальной идентичности (в духе эссенциализма, с отсылками к Аристотелю); *контекстной* (эпоха перестройки): акцент на плюрализме интерпретаций, зависимости смыслов от условий и контекста, влиянии языковой игры; *системной* (с 2000-х гг.): историческая память — механизм саморефлексии и самовоспро-

изводства государства, поддерживающий холистические смыслы в любой внешней среде.

Показана эволюция методологических установок — от классической рациональности к постнеклассической. Предложен аутопойетический вариант системного анализа: историческая память выступает способом самонаблюдения государства и рефлексии внешней среды. Разграничены понятия коллективного субъекта (может утратить системность, например, при потере суверенитета) и системного субъекта (носитель исторического общего, обеспечивающий целостность).

Системно-аутопойетический подход предлагает адекватный инструментарий для современных геополитических и социокультурных вызовов, трактуя историческую память как фактор устойчивости и суверенитета государства-цивилизации, что позволяет преодолеть оппозицию гносеологического и онтологического холизма через синтез субъектной и системной онтологии.

Ключевой результат — разработка интегративной модели с различием между коллективным субъектом и системой-субъектом, что проясняет механизмы, благодаря которым историческая память обеспечивает целостность и идентичность социокультурного образования, выступая механизмом его смысловой репродукции и коммуникации. Модель имеет практическое значение: она закладывает основы для стратегий в области образовательной, информационной и культурной политики, направленных на сохранение цивилизационной идентичности.

Предложенный подход открывает возможности для междисциплинарных исследований, создавая мост между философской рефлексией, исторической наукой и политическими исследованиями. Он позволяет анализировать механизмы функционирования исторической памяти в публичном пространстве, ее роль в условиях социальных трансформаций и значение для проектирования устойчивого будущего в эпоху глобальной нестабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ореховская Н.А. Формирование массового сознания советского народа в годы Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:111-129.
2. Шевченко О.В. Образ героя как социокультурный феномен. В сб.: Историко-философский взгляд на облик героя-воина. М.: Русайнс; 2024:56-65.
3. Волобуев А.В. Историческая память как конструкт. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:769-782.
4. Бондарева Я.В., Ильинская С.Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии. *Современные философские исследования*. 2024;2:64–75. URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-2-64-75>

5. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография]. Симферополь; 2022. 320 с. URL: <https://www.elibrary.ru/dnxgco>
6. Крючкова С.Е. Советская идентичность как фактор победы в Великой Отечественной войне. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025. С. 753-768.
7. Полежаев Д.В. Сохранение исторической памяти как механизм становления общероссийской гражданской идентичности: «сталинградский опыт» В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025. С. 733-752.
8. Петраш Е.В. Социокультурные аспекты интерпретации исторических событий в преподавании истории Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:899-911.
9. Бочкарев А.И., Канабеева Р.А. Генезис гибридного бытия современной экономики образования. Москва: КноРус; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/ugczae>
10. Деникин А.В., Деникина З.Д. Философско-методологический анализ фальсификации истории Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:783-793.
11. Замараева Е.И. Фальсификация истории Великой Отечественной войны как оружие в когнитивных войнах В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:837-849.
12. Доронина С.Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память. *Tempus et Memoria*. 2020;1(1-2):36-43. URL: <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.004>
13. Макарова Н.П., Глебова С.В. Культура памяти в цифровую эпоху: «герой эпохи», архив и канон. *Дискурсы этики*. 2024;2(22):35-54. URL: <https://www.elibrary.ru/dmkchx>
14. Горелов А.А. Некоторые фундаментальные направления Российского проекта цивилизационного развития и цивилизационные основы России. *Знание. Понимание. Умение*. 2024;3:82-92. URL: <https://doi.org/10.17805/zpu.2024.3.6>
15. Рикер П. Память, история, забвение. Пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы; 2004.
16. Труфанова Е.О. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения. *Вопросы философии*. 2020;6:18-22. URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
17. Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна. *Вопросы философии*. 2020;6:38-42. URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-38-42>
18. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс»; 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/qssdiv>
19. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности. *Философия, методология и история науки*. 2015;1:6-27. URL: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.s01>
20. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма. *Философия науки и техники*. 2018;23(2):18-22. URL: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
21. Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке. *Общественные науки и современность*. 2022;3:116-127. URL: <https://doi.org/10.31857/S086904992203008X>
22. Кафтан В.В. Диалектика социального хаоса и порядка. В сб.: Историко-философский взгляд на облик героя-воина. Москва: Русайнс; 2024:326-342. URL: <https://www.elibrary.ru/qjvkrg>

REFERENCES

1. Orekhovskaya N.A. Formation of mass consciousness of the Soviet people during the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:111-129. (In Russ.).
2. Shevchenko O.V. The image of the hero as a socio-cultural phenomenon. In: A Historical and Philosophical View on the Appearance of the Hero-warrior. Moscow: Rusains; 2024:56-65. (In Russ.).
3. Volobuev A.V. Historical memory as a construct. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:769-782. (In Russ.).
4. Bondareva Ya.V., Ilyinskaya S.G. Logic of the meaning of Russian civilization through the prism of Russian philosophy. *Modern philosophical research*. 2024;2:64-75. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-2-64-75>

5. National identity and collective memory: between the past and the future [collective monograph]. Simferopol; 2022. 320 p. URL: <https://www.elibrary.ru/dnxgco> (In Russ.).
6. Kryuchkova S.E. Soviet identity as a factor of victory in the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:753-768. (In Russ.).
7. Polezhaev D.V. Preservation of historical memory as a mechanism for the formation of all-Russian civic identity: "The Stalingrad experience". In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:733-752. (In Russ.).
8. Petrash E.V. Sociocultural aspects of interpretation of historical events in teaching the history of the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:899-911. (In Russ.).
9. Bochkarev A.I., Kanabeeva R.A. Genesis of hybrid existence of modern economics of education. Moscow: KnoRus; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/ugczae> (In Russ.).
10. Denikin A.V. Denikina Z.D. Philosophical and methodological analysis of the falsification of the history of the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:83-793. (In Russ.).
11. Zamaraeva E.I. Falsification of the history of the Great Patriotic War as a weapon in cognitive wars. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:837-849. (In Russ.).
12. Doronina S.G. The social structure of the past: individual and collective memory. *Tempus et Memoria*. 2020;1(1-2):36-43. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.004>
13. Makarova N.P., Glebova S.V. Culture of memory in the digital age: "hero of the epoch", archive and canon. *Discourses of Ethics*. 2024;2(22):35-54. URL: <https://www.elibrary.ru/dmkchx> (In Russ.).
14. Gorelov A.A. Some fundamental directions of the Russian project of civilizational development and the civilizational foundations of Russia. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2024;3:82-92. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17805/zpu.2024.3.6>
15. Riker P. Memory, history, oblivion. Translated from French. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2004. (In Russ.).
16. Trufanova E.O. Individual and collective memory: Points of intersection. *Questions of philosophy*. 2020;6:18-22. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
17. Fedorova M.M. Memorial phenomenon and the crisis of historical consciousness of modernity. *Questions of philosophy*. 2020;6:38-42. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-38-42>
18. Chestnov I.L. Postclassical theory of law. The monograph. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House; 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/qssdiv> (In Russ.).
19. Stepin V.S. Historical types of scientific rationality: Problems of demarcation and continuity. *Philosophy, methodology and history of science*. 2015;1:6-27. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.s01>
20. Lektorskiy V.A. Constructive realism as a modern form of epistemological realism. *Philosophy of science and technology*. 2018;23(2):18-22. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
21. Spiridonova V.I. "State-civilization" as a new formula of existence in the 21st century. *Social sciences and modernity*. 2022;3:116-127. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31857/S086904992203008X>
22. Kaftan V.V. Dialectics of social chaos and order. In: A historical and Philosophical View on the Appearance of the Hero-warrior. Moscow: Rusains; 2024:326-342. URL: <https://www.elibrary.ru/qjvkrq> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Zoya D. Denikina — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

zddenikina@fa.ru

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Anatoly V. Denikin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>

avdenikin@fa.ru

Наталья Анатольевна Ореховская — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Natalia A. Orekhovskaya — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Head of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8390-5275>

NAOrekhovskaya@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

З.Д. Деникина — концептуализация исследования, анализ сущностной и контекстной концепций исторической памяти в рамках классической и неклассической рациональности, философская интерпретация исторической памяти как рефлексии сущности.

А.В. Деникин — разработка системного и аутопойетического подходов к анализу исторической памяти, исследование исторической памяти как способа саморефлексии государства-системы, анализ оппозиции гносеологического и онтологического холизма.

Н.А. Ореховская — анализ исторической памяти в контексте национальной идентичности и коллективного субъекта, обзор и синтез современных дискуссий и источников, формулирование основных выводов и интеграция субъектной и системной онтологии в исследовании.

Authors` contributions:

Z.D. Denikina — conceptualization of the research, analysis of the essential and contextual concepts of historical memory within the framework of classical and non-classical rationality, philosophical interpretation of historical memory as a reflection of essence.

A.V. Denikin — development of systemic and autopoietic approaches to the analysis of historical memory, investigation of historical memory as a means of self-reflection of the state-system, analysis of the opposition between epistemological and ontological holism.

N.A. Orekhovskaya — analysis of historical memory in the context of national identity and collective subject, review and synthesis of contemporary debates and sources, formulation of the main conclusions and integration of subjective and systemic ontology in the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-17-31
УДК 316.75+304.2+008.2+304.9(045)

Генезис будущего в условиях «мемориального поворота», или Как возможна история будущего

Н.А. Балаклеец

Самарский государственный технический университет, Самара, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью конституирования устойчивой идентичности и укрепления целостности современного российского общества. Наряду с успешными коммеморативными практиками и грамотно проводимой политикой памяти этой задаче призвана служить работа с футурологическими смыслами. Эффективное функционирование общества предполагает четкое понимание того, каким образом оно производит свое будущее. Целью статьи является экспликация способов генезиса будущего, характерных для общества позднего модерна, под влиянием событий новейшей истории пережившего разочарование в масштабных социально-политических проектах. Исследование основано на методологических принципах и установках социальной философии и междисциплинарном подходе. Применяются методы интеллектуальной истории и истории понятий. В статье эксплицирован теоретический потенциал такой области знаний, как история будущего (Zukunftsgeschichte), практически не представленной в отечественной гуманитаристике. За свое многовековое существование человечество выработало множество способов работы с будущим и освоило различные способы его представления, которые стали достоянием истории. Значимым исследовательским приемом, реализуемым в рамках современной интеллектуальной истории, является смещение акцента с содержания футурологических проектов/сценариев на условия и способы их генезиса. В статье раскрываются причины мемориального поворота, приведшего к доминированию в сознании наших современников образов и смыслов прошлого в ущерб способности проектировать будущее. Императивы постоянной активности и следования высоким профессиональным и жизненным стандартам могут служить факторами, провоцирующими эскапизм в прошлое. К способам генезиса будущего обществом позднего модерна автор относит, во-первых, выстраивание будущего на основе прошлого; во-вторых, возможен сценарий ответа на чужое будущее (воспринимаемое в качестве «будущего риска»); в-третьих, будущее может являться плавной трансформацией настоящего (практика «малых дел»). Обосновывается вывод о политическом значении не только мемориального суверенитета, т.е. способности политического актора самостоятельно интерпретировать собственное прошлое, но и футурологического суверенитета — права и способности определять собственное будущее.

Ключевые слова: будущее; прошлое; время; история; мемориальный поворот; социально-политическое проектирование; футурологический суверенитет

Для цитирования: Балаклеец Н.А. Генезис будущего в условиях «мемориального поворота», или Как возможна история будущего. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-17-31

ORIGINAL PAPER

The Genesis of the Future in the Context of the “Memorial Turn”, or How the History of the Future is Possible

N.A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of this article stems from the need to establish the stable identity and to strengthen the integrity of contemporary Russian society. Along with successful commemorative practices and a well-conducted memory policy, working with futurological meanings is intended to serve this purpose. The effective functioning of a society presupposes

© Балаклеец Н.А., 2026

a clear understanding of how it produces its future. The aim of this article is to explicate the methods of generating the future characteristic of late modern society, which, under the influence of recent history, experienced disillusionment with large-scale socio-political projects. The study is based on the methodological principles and insights from social philosophy and an interdisciplinary approach. Methods from intellectual history and the history of concepts are applied. The article explicates the theoretical potential of the history of the future (Zukunftsgeschichte), a field of knowledge that is virtually unrepresented in Russian humanities. Over its centuries of existence, humanity has developed numerous ways of working with the future and mastered various ways of representing it, which have become part of history. A significant research approach implemented within the framework of contemporary intellectual history is shifting attention from the content of futurological projects/scenarios to the conditions and methods of their genesis. The article reveals the reasons for the memorial turn, which has led to the dominance of images and meanings of the past in the consciousness of our contemporaries and, simultaneously, to a lack of ability to project the future. The imperatives of constant activity and adherence to high professional and living standards can serve as factors provoking escapism into the past. The author attributes the following ways of generating the future in late modern society: firstly, the future can be constructed on the basis of the past; secondly, the future as a response to someone else's future (perceived as "risk future"); and thirdly, the future can be a minor transformation of the present (the practice of "small deeds"). The conclusion is substantiated that not only memorial sovereignty (the ability of a political actor to independently interpret its own past) has political significance, but also futurological sovereignty – the right and ability to generate its own future.

Keywords: future; past; time; history; memorial turn; socio-political design; futurological sovereignty

For citation: Balakleets N.A. The genesis of the future in the context of the "memorial turn", or How the history of the future is possible. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):17-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-17-31

ВВЕДЕНИЕ

Будущее представляет собой загадочный и сложный объект для теоретизирования. Еще Августин Блаженный задается вопросом: как можно исследовать то, чего еще нет [1, с. 226]? Онтологический статус будущего стал значимой проблемой в рамках философского дискурса. Будущее стало и полноправным объектом научных исследований. По свидетельству Карла Ясперса, «начиная с XVIII в. будущее стало предметом сознательных размышлений и эмпирически обоснованного видения» [2, с. 155]. Правомерность футурологической направленности ряда наук вполне объяснима их интенцией дать максимально точные прогнозы развития человечества, исключив из него возможные риски и катастрофические сценарии, а также создать объекты, выходящие за рамки наличного опыта. Для науки будущее — объект технологического конструирования и управления.

Цель настоящей статьи — эксплицировать способы генезиса будущего в условиях кризиса масштабных социально-политических проектов и «мемориального поворота», характерного для современной культуры. При этом мы последовательно рассмотрим идеи представителей таких направлений мысли, как интеллектуальная история и история понятий, обосновывающих теоретическую валидность понятия «история будущего». Кроме того, в статье раскрыты истоки и суть поворота к прошлому, характерного для современной культуры, а также обоснована необходимость не только мемориального, но и футурологического суверенитета как условия эффективного развития общества.

МЕТОДЫ

Исследование проведено с опорой на методологические принципы и установки социально-философской и междисциплинарной методологии. Ведущий для настоящей статьи методологический принцип — исследование будущего не в его содержательном аспекте (т.е. конкретных идеологий или социально-политических проектов), но способов его генезиса. Иными словами, внимание автора сфокусировано на условиях рождения новых проектов/сценариев будущего. Опираясь на теоретико-методологические достижения истории понятий и интеллектуальной истории, автор раскрывает предметное поле молодой и практически не представленной в российском теоретическом дискурсе области знаний — истории будущего. Кроме того, обоснована методологическая значимость идей «мемориального поворота», влияющих на восприятие футурологических смыслов. Исследование коллективных представлений о будущем в их генетическом аспекте позволило выстроить авторскую классификацию способов генерации будущего.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как возможна история будущего

Если появление утилитарно-научного подхода к будущему вполне закономерно, то тем более удивительным является интерес к футурологическим конструкциям со стороны историков — представителей науки, конститутивными для которой являются события прошлого. Парадоксальным и заслуживающим исследовательского интереса представляется возникновение такой области научных исследований, как история будущего (Zukunftsgeschichte). Интеллек-

туальная история XX столетия совершила рывок из тесных рамок эмпирически верифицируемого прошлого и вовлекла в свою орбиту такие нетривиальные объекты исследования, как «прошедшее будущее» и «настоящее будущее». В данном контексте следует упомянуть, прежде всего, работы Райнхарда Козеллека [3, 4], Никласа Лумана [5], Лучиана Хельшера [6, 7]. Плодотворными для теоретико-исторических и философских исследований будущего оказались и идеи Франсуа Артога, предложившего концепцию режимов историчности, понимаемых в качестве способов связать прошлое, настоящее и будущее [8, с. XV]. Признанный исследователь мемориальной культуры Алейда Ассман, опираясь на конструктивистское понимание исторического времени, осмысливает кризис темпорального режима модерна и открывающиеся в подобных условиях возможности установления связи прошлого и будущего [9].

Строго говоря, выражение «история будущего» представляет собой метафору, допускающую ряд неоднозначных толкований. Написать историю тех событий, которые еще не наступили, невозможно. Однако вполне возможно и необходимо исследовать те *представления* о будущем, которые накопило человечество за свою историю. Эсхатологические картины будущего, масштабные социально-политические проекты, дерзкие утопические сценарии, некогда волновавшие умы человечества, сами стали элементами прошлого. Выражение Августина «долгое будущее», которое самому автору казалось бессодержательным [1, с. 226], сегодня приобретает смысл применительно к тем футурологическим сценариям, которые человечество пыталось воплотить в своей истории. Показательно, что в немецкоязычных исследованиях, которые могут быть отнесены к концептуальному полю «истории будущего», речь идет не о едином или единственном будущем (Zukunft), но о будущем во множественном числе (Zukünfte). Последнее существительное может быть переведено на русский язык как «варианты» или «сценарии будущего». Речь идет уже не о том неопределенном будущем, которое может или должно наступить, но о дифференцированных потенциальностях, оправдавшихся надеждах и несбывшихся ожиданиях, дискредитированных проектах и реализованных исторических смыслах. Будущее предстает в широком смысловом поле чаяний и пророчеств, планов и директив, утопий и дистопий. В исследовательское поле вошло несбывшееся будущее. При этом следует различать, с одной стороны, *нормативное*, с другой стороны, — *возможное и вероятное* будущее. В первом случае подразумеваются его желаемые варианты

или сценарии, связанные с надеждами или страхами, воплощаемые в утопиях или дистопиях. К нормативному будущему также относятся политические и социальные программы, несущие прагматический заряд (к примеру, программы политических партий). Во втором случае имеются в виду прогнозы (высказывания, которые относятся к ожидаемому будущему и отличаются точностью и конкретикой), а также сценарии, которые, будучи более открытыми, описывают возможные и альтернативные пути в будущее [10]. В рамках современного социологического знания развивается социология будущего (Soziologie der Zukünfte), предметом исследования которой являются способы представления будущего, имеющего дифференцированный и множественный характер [11].

Будущее может не только восприниматься субъектом в разных модальностях (быть источником надежды, страха или мечты), но и воплощаться в различных смысловых и языковых конструкциях. Еще в 1960-е гг. Георгом Пихтом были выделены три основные формы языковых конструкций, описывающих будущее: утопия, прогноз и планирование. Если в утопии представлено идеальное состояние будущего, то прогноз облечен в научную форму и основан на экстраполяции текущих тенденций развития в будущее. Планирование, в свою очередь, является утверждением о том, посредством каких действий и мер могут быть достигнуты или предотвращены определенные состояния в будущем [12, с. 502]. Эльке Зеефрид подчеркивает значимость исследований в области истории *политического* будущего — тех выдуманных, обсуждаемых и конкурирующих вариантов/сценариев будущего («politische Zukünfte»), которые в прошлом конституировали пространства возможностей [13, с. 8].

Еще один ракурс в раскрытии метафоры «история будущего» может быть внесен осмыслением того обстоятельства, что своими действиями в настоящем можно повлиять на будущее, приблизить реализацию его желаемых конструкций. Сознательная работа по выстраиванию нормативного будущего предполагает такую трансформацию наличного бытия, при которой ее игнорирование историческим дискурсом станет невозможным. В исследовательское поле «истории будущего» входят, таким образом, не только *представления* о будущем, но и способы его *генезиса*.

Для характеристики исторического времени Райнхарт Козеллек использует понятия «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», показывая, что именно в задаваемом их рамками событийном поле

и разворачивается конкретная история. Под опытом историк понимает «прошлое настоящего» — события, как подвергшиеся рациональной обработке, так и неосознаваемые и вытесняемые из знания. Ожидания, напротив, могут быть определены как «будущее настоящего», которое конституировано целой гаммой чувств и рациональных когнитивных образований. Пространство опыта и горизонт ожиданий являются подвижными элементами временной структуры, каждый раз устанавливая новые отношения между прошлым и будущим. Тезис, отстаиваемый Козеллеком, заключается в постулировании все возрастающего разрыва между опытом и ожиданием, характерного для Нового времени. Горизонт ожиданий в традиционном обществе, где доминировал труд крестьян и ремесленников, был обусловлен опытом предшествующих поколений. Фактором, который поддерживал тесную связь между событиями прошлого и горизонтом ожиданий, служила религия. С религиозных позиций радикальный разрыв прошлого и будущего в рамках посюстороннего, земного бытия, невозможен. Горизонты будущего уже определены и связаны с апокалиптическими ожиданиями. Однако и в традиционном обществе действовали факторы, способствующие отрыву будущего от событий прошлого. Речь идет о зарождающейся науке и политике экспансии (Крестовые походы, колониализм). Новое время ознаменовано возрастанием разрыва между пространством опыта и горизонтом ожиданий. Как отмечает Козеллек: «Новым было то, что ожидания, обращенные в будущее, оказались оторваны от всего, что предлагал прежний опыт. Новый опыт, связанный с завоеванием колоний, развитием науки и техники, был уже недостаточен для формирования ожиданий. С этого времени пространство опыта более не окружал горизонт ожиданий. Границы пространства опыта и горизонта ожиданий стали расходиться» [4, с. 162]. Именно в этих условиях, когда произошел разрыв между прошлым и будущим, и стало возможным появление новых форм духовного опыта, вдохновляющих человечество на исторические свершения. Стали возможны масштабное идеологическое выстраивание желаемого будущего и вдохновляемые идеологией социально-политические практики. Будущее стало мыслиться как радикальный разрыв с прошлым, отторжение традиций и опыта, накопленного поколениями. Вместе с тем именно отстраненное отношение к прошлому, которое стало восприниматься в качестве окончательно сформированного и преодоленного временного пласта, сделало возможным его научное исследование. По свидетельству Никласа Лумана, лишь в XVIII в. по-

лучил всеобщее признание ретрогрессивный способ исчисления времени «до нашей эры», благодаря чему прошлое освободилось от привязки к начальному событию (сотворению мира). Тем самым прошлое стало открытым для безграничных исторических исследований [5, с. 131]. Для того чтобы историческая наука могла работать с прошлым, оно должно предстать в застывших и кристаллизованных формах. Развивая идеи Р. Козеллека, Алейда Ассман подчеркивает, что предметом, с которым имеют дело историки, является то прошлое, которое полностью завершено и отрезано от любого настоящего [9, с. 52]. Таким образом, конституирование темпорального режима модерна предполагает не только утверждение разрыва между будущим и прошлым, но и реификацию последнего.

Значимость концепции Козеллека, на наш взгляд, заключается в том, что она раскрывает условия возможности выстраивания проектов будущего и появления его принципиально иных исторических форм. Та работа по приближению желаемого будущего, которая началась в эпоху модерна, стала возможной при условии невыводимости ожиданий из непосредственного опыта прошлого. Идеи знаменитого представителя «истории понятий» оказали значительное влияние на многих исследователей темпоральной культуры: Германа Люббе [14], Франсуа Артога, уже упомянутую Алейду Ассман и др. Вместе с тем применимость идей Козеллека, несмотря на их эвристическую привлекательность, ограничена рядом факторов. В первую очередь, они применимы для осмысления тех перемен в темпоральной культуре, которые охватывают страны Западной Европы в так называемое «седловое время» (*Sattelzeit*) — период с середины XVIII до середины XIX в. [15, с. 188]. Кроме того, отметим, что использование термина «горизонт ожиданий» сужает спектр модальностей нашего отношения к будущему. Будущее не только ожидается, но и планируется, предвосхищается, прогнозируется и т.д., а нежелательное или катастрофическое будущее внушает страх. Как утверждают Рюдигер Граф и Беньямин Херцог, отправные пункты для написания истории будущего XX в. могут быть найдены при условии отказа от концентрации исключительно на *содержании* проектов будущего. Исследование должно быть сфокусировано не на артикулированных в прошлом идеях и представлениях о будущем, но на том, *какими способами* поколения прошлого его порождали [12, с. 503].

Согласно выводам Р. Графа и Б. Херцога, прошедшее будущее следует рассматривать из перспективы форм его генерации. Авторы выделяют

четыре способа отношения к будущему (темпоральных модуса), которые они считают фундаментальными для истории будущего XX в.: ожидаемое будущее («Erwartungszukunft»), формируемое будущее («Gestaltungszukunft»), рискованное будущее («Risikozukunft») и сохраняемое будущее («Erhaltungszukunft»). Первый из упомянутых модусов представлен в политических идеологиях, масштабных проектах переустройства общества, грандиозных интеллектуальных конструкциях и технологических сценариях, но вместе с тем он воплощается и в индивидуальных жизненных траекториях на уровне связываемых с будущим надежд. История XX в. (за исключением определенных периодов) может быть написана как история разочарований в подобных представлениях о будущем. Вместе с тем возлагаемые на будущее ожидания, пусть и приведшие к разочарованиям и критике утопического мышления, и сегодня не могут быть полностью отброшены. Дальнейшая судьба ожидаемого будущего «зависит от того, насколько его носители смогут привить ему иммунитет от его всегда несовершенной реализации» [12, s. 508]. Второй модус — модус формируемого будущего — стал определяющим для общественного сознания начиная с середины XX в. Такое будущее «не предвосхищается и не ожидается, а определяется и устанавливается; оно не описывается и не представляется, а становится результатом решения» [12, s. 508]. Речь идет о планировании, связанном с ответственностью, четкими сроками и строго определенным пространством действий в политике, сфере управления и экономике, а также в организациях гражданского общества. От будущего, основанного на ожидании, и планируемого будущего следует отличать его третий модус — будущее, основанное на риске. К нему относятся те алармистские футурологические сценарии, которые разрабатываются с целью их предотвращения или, по крайней мере, принятия мер предосторожности против них. В отличие от самосбывающихся пророчеств ожидаемого будущего, гипотетические сценарии рискованного будущего способны функционировать как саморазрушающиеся пророчества. В силу своего вероятностного характера будущее риска выпадает из линейного временного горизонта. На смену ожиданию того, что должно наступить, приходят страх и усилия по противодействию тому, наступления чего необходимо избежать всеми доступными способами. Описываемый темпоральный модус, берущий свое начало в военном планировании на случай непредвиденных обстоятельств, страховых расчетах и технических экспертизах, в течение XX в.

приобрел значительное влияние на коллективные представления о будущем. Обозначенные выше модусы генерации будущего (ожидание, формирование и противодействие рискованным сценариям) характеризуются общей чертой. Будущее в них представлено в перспективе отличия от прошлого и настоящего, их преодоления. Данные темпоральные модусы основаны не на продлении тех событий и способов действий, которые уже стали достоянием истории или присутствуют в актуальном «сейчас», но на разрыве с ними. В отличие от них, четвертый способ генерации будущего — «сохраняющееся будущее» — основан не только на производстве футурологических смыслов и сценариев, но и на их продолжении и сохранении во времени. В рамках данного темпорального модуса осуществляется поиск такого нормативного проекта, который был бы достоин удержания во времени и ради которого индивид смог бы абстрагироваться от влияния настоящего на него лично и на его поколение. Таким проектом, направленным на сохранение будущего, ограждение его от деструктивного воздействия настоящего, является проект Всемирного наследия Юнеско [12, s. 504–512].

Таким образом, значимым исследовательским шагом Графа и Херцога является смещение акцента с содержания отдельных футурологических проектов на способы их порождения. Историю будущего применительно к событиям XX в. трудно писать в силу того, что по сравнению с более ранними историческими периодами возможность создавать будущее получили широкие слои общества. Кроме того, содержательный аспект анализа затруднен многообразием и неоднородностью порожденных в новейшей истории проектов (планов, сценариев) будущего [12, s. 514]. Ключевой в рамках предложенного указанными авторами подхода становится экспликация того, не «что» поколения прошлого думали о своем будущем, а «как» они производили это будущее [12, s. 500]. Как отмечают исследователи: «Должно ли будущее стать источником каких-либо ожиданий, планов или надежд, необходимо ли заблаговременно готовиться к нему или что-либо сохранять для него — все это является решающим для способов его представления и тем самым определяющим и для условий возможностей его содержания» [12, s. 503]. И в этом смысле будущее, действительно, способно выступать не только как «горизонт ожиданий» (что было показано Козеллеком применительно к «седловому времени»), но и в других темпоральных модусах (что демонстрируют Граф и Херцог применительно к истории XX в.). Несмотря на раскрытие Графом и Херцогом ограниченности концепции «простран-

ства опыта» и «горизонта ожиданий» Козеллека, на наш взгляд, всех указанных авторов объединяет интенция поиска трансцендентальных предпосылок, определяющих пути конструирования будущего. Простое перечисление того, какие представления о будущем уже стали достоянием истории, не вышло бы за рамки ее позитивистского понимания. Раскрытие условий того, как возможно будущее, невыводимое из опыта прошлого, относится к проблемному полю философии и интеллектуальной истории. Ниже мы разовьем эти идеи, выделив ряд способов современной генерации проектов будущего.

Возвращаясь к темпоральной концепции Райнхарда Козеллека и оценивая ее эвристический потенциал, обратим внимание на то обстоятельство, что даже стремление общества модерна осуществить радикальный разрыв с опытом прошлого не привело к его полному отрицанию или забвению. В данном контексте сошлемся на исследование Юргена Остерхаммеля «Преображение мира. История XIX столетия», раскрывающее присущие этому «долгому» столетию темпоральные парадоксы. По свидетельству автора, сформировавшееся в XIX столетии отношение к прошлому присуще и нашим современникам. С одной стороны, в обществе господствовали безоговорочная вера в научный и нравственный прогресс и восприятие старого как безнадежно отжившего свой век. С другой стороны, XIX столетие стало «великой эпохой историзма», не только не преодолевшей прошлое, но сохранившей его дух в музеях, архивах и исторических памятниках. Именно в позапрошлом веке возникли музеи в их привычной для нас форме. Век прогресса как преодоления отжившего себя прошлого парадоксальным образом стал одновременно веком археологических открытий и беспрецедентного роста исторического знания [16]. Именно XIX столетие не только дало человечеству массу исторических открытий, но и стало веком обоснования самостоятельного статуса исторических наук в их отличии от наук о природе. Резкое движение к новому, иному будущему, сопровождающееся ускорением темпа социального времени, не стало помехой для пристального интереса к прошлому, который усиливается в современном обществе.

От будущего к прошлому: мемориальный поворот в современной культуре

Современный философско-исторический дискурс демонстрирует кризис масштабных сценариев будущего. В целом ряде работ констатируется поворот темпоральной культуры от масштабных проектов будущего к ностальгически воспринимаемому

прошлому. Для обозначения психологической реакции современников на все ускоряющиеся темпы социальных перемен Элвин Тоффлер еще в 1970 г. предложил ставшее хрестоматийным выражение «Шок будущего» [17]. В исследовании Франсуа Артога подчеркивается та роль, которую начиная с 1980-х гг. приобрела идея памяти. Повышенное внимание стало уделяться вопросам сохранения, каталогизации, популяризации и переосмысления исторического наследия. Были воздвигнуты мемориалы, построены или отремонтированы музеи. Пробудился интерес к прошлому у широкой публики, которая стала посещать специализированные архивы [8, p. 6]. Алейда Ассман приходит к выводу о том, что для темпорального режима современности характерно беспрецедентное возвращение прошлого на фоне меркнувшего интереса к будущему [9, p. 5].

Итог трансформации темпоральной культуры современности подводит Герман Люббе, подчеркивая, что уникальность нашей цивилизационной эпохи заключается в ее масштабной ориентации на прошлое. По свидетельству ученого: «Ни одна из предшествующих цивилизационных эпох не предпринимала таких усилий интеллектуального и материального характера, как наша нынешняя, для сохранения прошлого в настоящем» [18, с. 13]. Апеллируя к реалиям современного немецкого общества, Люббе обнаруживает обозначенный повышенный интерес к прошлому в следующих социальных феноменах. Во-первых, речь идет о беспрецедентно высокой степени музеефикации общества, которой не препятствуют даже экономические проблемы. Во-вторых, Люббе указывает на массовый интерес к профессиональной историографии, рост числа исторических работ, которые приобрели статус бестселлера. Наконец, в-третьих, следует обратить внимание на обилие юбилеев, отмечаемых на разных уровнях социальной организации (широко отмечаются годовщины основания населенных пунктов, предприятий, университетов и т.д.) [18, с. 14–18]. Исследователь приходит к выводу о «сокращении настоящего» (*Gegenwartsschrumpfung*), присущего современному обществу. Указанное явление связано с повышением уровня нестабильности социальной жизни, вносимым многочисленными инновациями. Иными словами, сокращается период стабильного функционирования привычных для нас социальных институтов. Происходит постоянный рост числа инноваций за единицу времени во всех сферах социальной жизни. Вместе с тем прошлое сохраняется в качестве важнейшего структурообразующего элемента современного общества. Почему же общество, которое

сделало лейтмотивом своего развития перманентное обновление, не может отказаться от соблазнительной прелести эпох, архаическое содержание которых, казалось бы, противоречит ценностям современной социальной жизни? Или, по выражению Германа Люббе: «Почему именно так называемое общество выбрасывания больше ничего не выбрасывает, когда над чем-то проступает дух истории, и почему это потом музеефицируется?» [18, с. 23]. Автор дает ответ на свой же вопрос в соответствии с развиваемой им теорией компенсации. Представим городское пространство, небольшая часть которого (2–3%) ежегодно обновляется. Через 10–15 лет изменения будут существенными, так что человек, вернувшийся в свой родной город, столкнется с разительными и не обязательно приятными переменами. Таким образом, элементы исторического прошлого необходимы для сохранения узнаваемости того мира, к которому мы привыкли. Присутствие прошлого в настоящем служит средством поддержания привычной социокультурной среды, которая подвергается радикальным технологическим трансформациям. Стремление к сохранению элементов прошлого (в музеях, архивах, архитектурном облике городов) является способом «компенсировать утрату привычного, вызванную скоростью перемен, что позволяет нам связывать наше собственное прошлое, ставшее чужим, с нашим собственным настоящим» [18, с. 24]. Присвоение отчужденного прошлого — вектор, обратный тому, с которого начиналась эпоха модерна. Усугубление разрыва между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий» повлекло за собой противоположную тенденцию, которую можно обозначить как «поворот к прошлому». Подобная смена темпорального режима, на наш взгляд, обусловлена целым рядом факторов, кроющихся в накопленном человеческом опыте освоения конструкций будущего, а также императивах, предъявляемых настоящим.

«Поворот к прошлому» вызван крахом масштабных социально-политических проектов, реализация которых привела к разочарованию в их исторической привлекательности, повлекла за собой трагичные и/или насильственные последствия. Будущее, эмансипировавшееся от «пространства опыта» (которое стало восприниматься в качестве помехи на пути прогресса), не оправдало возлагаемых на него надежд. Оно оставило в истории человечества кровавые следы и трудно заживающие ментальные раны. Стремление к новому, лучшему будущему обернулось жертвами мировых войн и концлагерей, техногенными катастрофами и экологическими проблемами. На смену попыток воплощения

всемирно-исторического смысла пришли разочарование и усталость от идеи прогресса. Множество современных философских и научных исследований посвящены проблемам коммеморации и исторической памяти. Научный интерес к прошлому не может быть оторван от повседневных социальных практик и процессов. На уровне повседневных практик исторические феномены обнаруживаются в компьютерных играх, телесериалах и документальных фильмах, блогах и научно-популярной литературе. Коммеморативные практики, характерные для разных обществ современности, удерживают в настоящем такие разнящиеся между собой элементы прошлого, как героизм и национальная доблесть (с одной стороны) и коллективная вина и раскаяние (с другой стороны) [19]. Будущее в его нормативном и демистическом измерении покидает страницы научных исследований и утрачивает жизнеобразующий смысл для поколений, разочарованных катастрофическими попытками реализации дерзких футурологических проектов. Так, падение коммунизма в СССР и банкротство «реального социализма» в ГДР послужили для противников утопий поводом для провозглашения «конца утопической эры» [20, с. 281]. Размышляя о геополитических перспективах современной России, Л.Г. Ионин констатирует: «С глобальным советским проектом Россия распрощалась, видимо, навсегда» [21, с. 140].

Разочарование в «неопределенном» и «не внушающем доверия» будущем, приведшее к упованию на «смутно вспоминаемое прошлое» и наделению последнего ценностями «стабильности и надежности», Зигмунт Бауман обозначает термином «ретротопия» [22, с. 19]. Возникшая в результате отрицания своей предшественницы — утопии — ретротопия воплощается в идиллических представлениях о прошлом. Социальный теоретик создает удручающую картину современности, проводя явную аналогию с Гоббсовой «войной всех против всех». Будущее для наших современников перестало быть источником надежды. Напротив, его наступление связывается с угрозой личному и профессиональному благополучию. Возрастающая конкуренция на рынке труда, усугубляющееся неравенство как в границах отдельных государств, так и в мировом масштабе, разрушение социальных связей и прогрессирующее одиночество жителей крупных городов, террористические угрозы — все это отвращает от идеи прогресса. Как отмечает Бауман: «Теперь прогресс чаще всего ассоциируется со страхом перед надвигающейся катастрофой, а не с радостью от того, что жизнь вот-вот станет более комфортной» [22, с. 64].

Прошлое как конститутивный элемент исторической памяти стало убежищем от небывалых жизненных темпов, заданных стандартами модернизации, ритмами мегаполисов, предъявляющих по отношению к их жителям императив перманентной активности. Общество позднего модерна задает высокие жизненные стандарты, для соответствия которым необходимо демонстрировать высокую результативность в избранном виде профессиональной деятельности. В прошлое ушло созерцательно-рефлексивное отношение к миру. Социальное время дробится на множество отрезков, каждый из которых подлежит максимально эффективному заполнению. Каждый момент времени становится «пучком», в котором концентрируются разнообразные виды социальной активности. Системы учета индивидуальных достижений, введенные на современных предприятиях и в системе высшего образования, предполагают обнуление результатов, накопленных за определенный период. Результаты, достигнутые на определенных этапах профессиональной биографии, не могут быть сохранены в качестве пожизненных гарантий высокого профессионального статуса. Требование с началом календарного (или учебного) года «начинать все сначала», подтверждать уровень своего профессионализма или повышать профессиональные компетенции может стать стимулом для развития, но может оказаться и невыполнимым.

Характеризуя дисциплинарное общество, Мишель Фуко приходит к выводу о специфике его временных параметров. «Длительность» подразделяется на «последовательные или параллельные отрезки, каждый из которых должен быть наполнен определенной деятельностью и продолжаться определенное время» [23, с. 230]. Время разбивается на организованные ряды и серии, которые дробятся и разветвляются с целью более эффективного контроля над индивидами. Дисциплинарное время, согласно Фуко, пронизывает армейские будни и внедряется в систему обучения. Дисциплинарная власть не только организует аналитическое пространство, где каждому индивиду отводится своя ячейка, но и обеспечивает контроль над временем и его эффективное использование [23, с. 230–234]. Отталкиваясь от идей Фуко и одновременно преодолевая их, Бён-Чхоль Хан приходит к выводу о принципиальной трансформации социальной жизни, характерной для позднего модерна. По мнению философа, на смену фукольдианскому дисциплинарному обществу с его тюрьмами, работными домами и фабриками пришло «производительное общество», пространство которого заполнено стеклянными офисами, торго-

выми центрами и косметическими клиниками. Для производительного общества, описанного Ханом, характерна самоэксплуатация его членов: «Вместо эксплуатации со стороны другого — эксплуатация, которой я подвергаю себя сам. Производительный субъект эксплуатирует себя сам до тех пор, пока не рухнет в изнеможении» [24, с. 119]. В обществе позднего модерна самой строгой контролирующей инстанцией становится сам субъект, а свобода и принуждение сливаются воедино [24, с. 120]. Будущее при подобном способе организации социальной жизни связывается не с возможностью внести разрыв в текущий временной ряд событий, но со все большим ускорением социальной динамики. Разрыв во временной цепи, скорее, вызывает опасения, поскольку он связывается с негативными событиями (потеря работы, выпадение из активной социальной жизни и т.п.). Вполне объяснимой реакцией человека на императивы «производительного общества» становится бегство в прошлое. Эскапизм подобного рода у наших современников может являть себя в том, что в их сознании образцы, заложенные в прошлом, начинают заслонять смыслы будущего.

Однако способно ли прошлое как таковое обеспечить смысло-жизненные потребности человека и человечества? Историческая память, значительное внимание которой уделяется в современном философском и социально-гуманитарном дискурсе, безусловно, является одним из столпов национальной идентичности. Однако, как ни велика роль истории для настоящего, следует обратить внимание и на концептуализацию будущего в коллективном сознании. Нормативные представления о будущем обладают не только объединяющей, но и колоссальной мобилизующей силой. Прошлое, безусловно, может быть эффективным средством формирования социальной солидарности, источником национального самосознания и устойчивых традиций, но, вместе с тем, следует обратить внимание на угрозу его абсолютизации. Так, Арнольду Тойнби принадлежит трактовка феномена архаизма как одного из проявлений надлома цивилизации. Признаком распада цивилизации является поиск альтернативных стратегий существования, одной из которых является архаизм (наряду с футуризмом, аскетизмом, отшельничеством). Архаизм рассматривается Тойнби как форма бегства от ставшего бессмысленным (в условиях цивилизационного распада) существования [25, с. 529–543]. Примечательно, что симптомом надлома цивилизации, согласно британскому историку и философу, выступает не только архаизм, но и футуризм. Оба указанных феномена могут быть объе-

динены тем обстоятельством, что они представляют собой способы разрыва с настоящим. Их отличия кроются в их разновекторности: настоящее может подвергаться отрицанию из противоположных временных перспектив.

Вместе с тем оно не может не подпитываться смыслами прошлого и будущего — диктат настоящего столь же опасен для общества, сколь губельны для него крайности архаизма и футуризма. Вырванное из широкого горизонта временных пластов настоящее являет свою нежизнеспособность. Лишаясь опыта прошлого и смылосозидательного потенциала будущего, оно становится одномерным временным модусом. На уровне индивидуального сознания возникает ощущение, что время остановилось. О таком событийно разреженном времени П.Я. Чаадаев писал: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [26, с. 325]. Но возможна и иная установка по отношению к настоящему, предполагающая его осознанный выбор на уровне индивидуального жизненного проекта. «Самоопределение через настоящее» на уровне индивидуальной жизненной стратегии реализуется в гедонистической установке, несовместимой с тоской по прекрасному, но безвозвратно утраченному прошлому, и отсекающей императив жертвенности настоящим ради эфемерного будущего [27, с. 47–48]. Укорененность в настоящем, стремление получить от жизни все «здесь и сейчас», таким образом, служат проявлением индивидуализма и несовместима с общественными интересами. Невозможность ограниченности настоящим служить основанием властных отношений раскрыта Александром Кожевным на примере эксплицируемой им в концепции Аристотеля «Власти Вождя». В отличие от подвластных, поглощенных сиюминутными потребностями текущего дня, властитель-«вождь» обладает способностью проектировать будущее [28, с. 31–34]. Таким образом, «презентизм» как добровольный или вынужденный выбор настоящего в качестве доминирующего временного модуса является столь же односторонним, как архаизм или футуризм. Успешное функционирование общества предполагает как удержание в коллективной памяти смыслов прошлого, так и коллективную работу по приближению нормативного будущего.

Генезис будущего в условиях кризиса метанарративов: возможные сценарии

Далее мы исследуем различные способы генезиса будущего, релевантные современному обществу. При этом нас интересует, прежде всего, как будущее,

понимаемое в его генетическом измерении, связано с прошлым. Конструирование будущего никогда не начинается «с нуля», тем более в ситуации кризиса метанарративов модерна. Человечество уже накопило опыт фанатичной веры в «большие идеологии» и столь же неистового низвержения вдохновляемых ими политических конструкций. Возможен ли нормативный проект будущего в условиях дискредитации масштабных социально-политических конструктов модерна? Или же футурологические стратегии человечества безвозвратно утратили глобальный масштаб и не могут быть ничем иным, как редукцией к индивидуальным жизненным проектам? Иными словами, речь идет о возможности создания проектов коллективного будущего в условиях прогрессирующей индивидуализации общества. Размышления о возможности и целесообразности масштабного проектирования будущего связаны не только с кризисом метанарративов, но и с усугубляющимися межпоколенческими разрывами, которые затрудняют поиск объединяющих общество смыслов и идей. Поколения, воспитанные книжной культурой и способные воспринимать объемные и сложные тексты (с одной стороны), и те поколения, для которых доминирующим источником информации являются электронные масс-медиа (с другой стороны), очевидно, находятся в разных стартовых позициях для генерации проектов будущего. Цифровизация общества сопровождается его дезинтеграцией: появление множества источников производства информации приводит к значительному сокращению возможностей образования устойчивых и сплоченных социальных структур в настоящем, что затрудняет работу над совместным будущим. Проектирование будущего связано со стремлением к реализации не только личных, но и социально значимых, надличностных смыслов — в этом можно обнаружить проявление упомянутой выше «власти Вождя». В подобном проектировании всегда присутствует элемент эксклюзивности: немногим доступны высоты стратегического мышления, которое не ограничено реализацией индивидуального жизненного проекта, но и отводит другим их место в будущем. Эксплицируемые нами в настоящей части исследования способы генерации будущего учитывают его дифференциацию в соответствии с приведенной выше классификацией Р. Графа и Б. Херцога. Иными словами, нас интересует, сохраняются ли возможности для производства таких темпоральных модусов, как ожидаемое, формируемое, рискованное и сохраняемое будущее, в настоящем.

Первый выделяемый нами способ генерации будущего связан с экстраполяцией на будущее представлений о прошлом. В условиях утраты мечты о светлом будущем (от которого ожидают если не «ухудшения», то «плавного продолжения настоящего») привлекательность вновь обретает прошлое, далеко не все смыслы которого были реализованы в истории [22, с. 125–126]. Алейда Ассман констатирует кризис темпорального режима модерна, основанного на четком разделении прошлого, настоящего и будущего [9]. Некогда углубляющийся разрыв между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий» начинает сокращаться. Это означает, что генезис будущего становится возможным не как отрицание прошлого, но как его продолжение (безусловно, с учетом того опыта конструирования метанарративов и разочарования в них, который приобрело человечество). Тем самым становится очевидной необходимость футурологических стратегий, связывающих будущее с прошлым.

И здесь обнаруживается существенная проблема. Как на основе прошлого выстроить проект будущего, предполагающий не просто воспроизводство схем, уже апробированных человечеством («сохраняемое будущее»), а реализацию принципиально новых, привлекательных для современников моделей развития? Иными словами, как возможен консервативный проект будущего? На основе прошлого в настоящем можно предложить сценарии будущего, дать прогнозы развития человечества или отдельных социально-политических акторов. Вместе с тем если сценарии будущего заложены в прошлом, то его проектирование становится весьма проблематичным. Показательно, что представления о будущем, формируемые на основе прошлого, присутствуют в различных теологических и историко-философских концепциях. Однако речь идет именно о представлениях, которые далеко не всегда несут в себе проективный социально-политический потенциал. Так, анализируя проективный потенциал евразийства, Л.Г. Ионин обращает внимание на его уязвимость в сравнении с конкурирующей концепцией атлантизма: «Если атлантисты располагают политическими, экономическими, социальными программами и готовыми институциональными моделями, которые можно трансплантировать в российскую действительность, то евразийцы не имеют по большому счету ничего, кроме философских, социософских и даже не политологических, а политософских рассуждений о настоящем и будущем России» [21, с. 138].

В рамках цивилизационного подхода к пониманию истории нормативность будущего вытекает из

реализации того исторического потенциала, который уже заложен в прошлом. Она также обусловлена возможностью наступления негативного будущего, которая вызвана отклонением от предначертанного исторического пути. Сошлемся на концепт «историческая псевдоморфоза» Освальда Шпенглера, обозначающий ситуацию, когда молодая культура усваивает формы чужой зрелой или стареющей культуры. «Историческая псевдоморфоза» и есть то негативное будущее, которого следует избегать для естественного развития культуры [29, с. 910–968]. Специфика отдельной культуры обусловлена заложенными в ней основаниями («душой»), в то время как ее жизненный цикл строго детерминирован общими формами жизни любой культуры. По Шпенглеру, жизнь культуры насчитывает максимум 1000–1500 лет [29, с. 79–86], при том, что существует возможность досрочного обрыва данного цикла. Аналогично мыслят и другие представители цивилизационного подхода — Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев. Таким образом, в рамках данного подхода (а также в рамках исторического детерминизма в целом) возможно создание сценария, но не проекта будущего. Принятие данного сценария не означает отказа от социальной активности — знание о том, что исторический путь цивилизации ограничен, не должно приводить к апатии и бездействию. Однако, на наш взгляд, в рамках рассматриваемого способа генезиса будущего целесообразность и эффективность социально-политической активности масс связана с ее соответствием исходным цивилизационным основаниям. Иными словами, принятие на вооружение в качестве нормативного такого будущего, которое несовместимо с базовыми принципами и ценностями цивилизации, ускоряет ее гибель. И наоборот, выстраивание будущего, соответствующего исходным началам цивилизации (отказ от губительного подражания), способствует ее полноценному развитию. В данной связи показательной является концепция В.И. Пантина, который полагает, что в условиях претензии США на глобальное господство «для выживания и развития мира необходим противочетр, который в какой-то мере способен уравновесить самоубийственный гегемонизм и стремление уничтожить все альтернативы и все многообразие, жизненно важные для развития и человека, и страны, и всего человечества» [30, с. 161]. Таким образом, на основе прошлого возможно выстраивание не только «сохраняемого», но и «формируемого будущего», при условии, что последнее не противоречит исконным ценностям общества.

Второй эксплицируемый нами способ генерации будущего основан на отрицании того нормативного футурологического сценария, который предложен другими и взят ими на вооружение как руководство к действию. В этом смысле будущее являет собой альтернативу другому, чужому будущему. Соревнование образов и моделей будущего, борьба за его привлекательность не только для членов собственного общества, но и (в предельном варианте) для всего человечества является элементом политической конкуренции. В эпоху модерна происходило соревнование социально-политических утопий, абсолютизирующих конечное состояние общества. В качестве альтернативы чужому «ожидаемому будущему» конструировалось собственное «ожидаемое будущее». Вместе с тем ответом на предложенные другими футурологические проекты, предполагающие радикальные социально-политические преобразования, могут служить и консервативные футурологические стратегии. Иллюстрацией данного тезиса служит появление идеологии консерватизма («сохраняемое будущее») как ответ на вызовы Французской революции 1789 г., которая подпитывалась либеральными идеями («ожидаемое будущее»). Соревнование образов, сценариев и проектов будущего, происходящее в современном обществе, является не менее острым. Возникают «охранительные» проекты и программы, которые служат ответом на «футурологическую экспансию», исходящую от радикальных социально-политических и технологических сценариев. Антиглобализм является закономерной реакцией на глобалистские проекты, основанные на поиске социокультурных предпосылок для легитимации политического единства мира. Биоконсерватизм служит ответом на трансгуманистические сценарии преобразования человечества, предполагающие радикальную трансформацию человеческого организма посредством Enhancement-технологий [31]. Таким образом, будущее может мыслиться как сохранение status quo, но правомерно говорить и об экспансионистских футурологических сценариях.

Взаимозависимость проектов будущего, конструируемых политическими конкурентами, прослеживается на таком историческом примере, как крах социалистической идеологии. Немецкий консервативный философ Гюнтер Рормозер, выражающий точку зрения интеллектуалов капиталистического общества, констатирует зависимость этого общества от существования социалистической идеологии: «Мы настолько жили в духовном, идеологическом отношении, а тем самым и политически за счет самого факта существования социализма, что даже

не задумывались над тем, что произойдет, если мы лишимся возможности оправдывать наше собственное существование ссылками на несказанную нищету реального социализма» [32, с. 19]. Подобное идеологическое противостояние характеризуется переплетением ожиданий, надежд и фобий. Возникают взаимозависимые структуры футурологических смыслов, подпитываемые каждым из политических акторов.

Конструирование алармистских сценариев будущего (в том числе, приписывание вины за возможное негативное будущее политическому противнику) может происходить с целью предотвращения их воплощения в жизнь. Социально-политическое противостояние предполагает масштабную работу с футурологическими смыслами. Конструирование собственных проектов предполагает учет того будущего, которое является для других предметом ожиданий и надежд. И здесь мы обнаруживаем перспективизм в конкуренции способов видения будущего. Один и тот же футурологический проект или сценарий предстает как желаемый или внушающий угрозу для разных политических акторов. То будущее, которое для одних выступает предметом ожидания, для других наполнено катастрофическими смыслами. В результате возникает соревнование не только проектов нормативного будущего, но и его негативных сценариев. «Будущее риска» выступает ответом на чужое «будущее риска». Еще Эрихом Фроммом была раскрыта роль знаково-символических инструментов производства страха в процессе военно-политического противостояния наций эпохи модерна [33, с. 171–172]. В современной военной теории «будущее риска» воплощается в «лестницах эскалации» — сценариях развития военных действий, которые следуют пошаговой логике интенсификации насилия, от его минимального уровня до абсолютного максимума. Смысл подобных лестниц эскалации заключается в том, чтобы, трезво оценивая свое положение и положение противника, не допустить фатального неуправляемого сценария конфликта [34, с. 221–222].

В современном обществе эффективность производства страха усиливается информационно-коммуникационными технологиями. Транслятором мифологизированных катастрофических сценариев будущего служит массовая культура. Угроза еще не наступившей опасности заставляет действовать «на опережение», что может привести в действие механизм «самосбывающегося пророчества». Генезис будущего, выступающего ответом на чужое будущее (воспринимаемое как «рискованное»), является, на

наш взгляд, значимым элементом темпоральной культуры современности.

Наконец, еще один — третий — способ генезиса будущего, востребованный в условиях современности, связан с отказом от выстраивания и воплощения масштабных надындивидуальных проектов и предполагает их редукцию к практике «малых дел». Разрыв между прошлым и настоящим (с одной стороны) и будущим (с другой стороны) при этом сохраняется, однако в данном случае речь идет не о резком отрицании того, что не вписывается в нормативную модель будущего, а о плавном его приближении. Члены индивидуализированного общества не готовы жертвовать собой ради построения «рая на земле». Они не готовы прикладывать массу усилий, чтобы «сказку сделать былью», отправляясь ради воплощения утопического будущего на гигантские «стройки века». Вместе с тем настоящее само по себе не способно стать источником полноты бытия. В данных условиях органичным способом трансформации настоящего становится пошаговая работа по его улучшению в соответствии с нормативными моделями ожидаемого и формируемого будущего — как индивидуального, так и коллективного. Будущее в данном случае не разоблачает онтологическую несамодостаточность настоящего, но лишь задает векторы для его преобразования. Строго говоря, любая человеческая деятельность в силу присущего ей целеполагания ориентирована на достижения определенного результата в будущем. Практика «малых дел» выходит за рамки уже реализованных целей и предполагает направляемое нравственными смыслами целеполагание, связанное с преобразованием настоящего. «Малые дела», ориентированные на трансформацию наличного бытия, могут воплощаться в волонтерстве, экологическом активизме, донорстве, бескорыстной заботе о ближних, профессиональном росте, направленном на благо общества. При этом приближаемое посредством «малых дел» будущее может выступать в различных модусах. «Сохраняемое будущее» (экологические проекты) сочетается с «планируемым будущим» (построение стратегии развития предприятия или индивидуальной профессиональной карьеры). Индивидуально-личностные смыслы и мотивы здесь переплетаются с надличностными: мой личный успех может принести пользу обществу и государству. Показательно, что значение «малых дел» и частного образа жизни для «большой политики»

было раскрыто такими разными в мировоззренческом и политико-философском отношении авторами, как Карл Ясперс и Иван Ильин. И.А. Ильин приходит к выводу о политическом значении воспитания, именуя семью «первичным лоном человеческой духовности, а потому и всей духовной культуры, и прежде всего — родины» [35, с. 156]. По мнению Ясперса, нравственное поведение в политике неотделимо от нравственного поведения в частной жизни (семье, взаимоотношении с ближними): «Каждое маленькое действие, каждое слово, каждое поведение среди миллионов и миллиардов является значимым. То, что происходит в больших масштабах, — это лишь симптом того, что делается втайне многими... Нет ничего в человеческой природе и поступках, что не имело бы политического значения» [36, с. 50].

ВЫВОДЫ

Таким образом, способы генерации будущего, релевантные современному обществу, предполагают отсылку к прошлому, иному будущему и настоящему как источникам футурологических смыслов и стратегий. Предлагаемая классификация (будущее из прошлого, будущее как ответ на другое будущее, будущее как трансформация настоящего) открыта для дополнения или уточнения. Развиваемый в статье подход, проясняющий рождение представлений о будущем, может определить направления развития российского общества. Понимание того, как рождается будущее и становится достоянием истории, значимо для идентичности общества в настоящем.

На наш взгляд, политическое значение имеет не только *мемориальный суверенитет*, т.е. способность политического актора интерпретировать собственное прошлое, но и *футурологический суверенитет* — право определять собственное будущее. Устойчивость политического и социального целого зависит не только от коллективной памяти, но и от разделяемых членами общества представлений о желаемом будущем, на приближение которого оно готово тратить силы и энергию.

Представленные положения призваны внести вклад в осмысление темпоральной культуры российского общества, способствовать формированию его устойчивого футурологического суверенитета в условиях конкуренции между акторами мировой политики за доминирующие образы и стратегии будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Августин Блаженный. Исповедь. Москва: РИПОЛ Классик; 2019. 416 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: Политиздат; 1991. 527 с.

3. Koselleck R. *Futures past: On the semantics of historical time*. New York: Columbia University Press; 2004. 317 p. URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/09/Futures-Past.-On-the-Semantics-of-historical-time-by-Reinhart-Koselleck.pdf>
4. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории. *Социология власти*. 2016;(2):149-173. URL: <https://elibrary.ru/wfrybp>
5. Luhmann N. The Future cannot begin: Temporal structures in modern society. *Social Research*. 1976;43(1):130-152. URL: <https://doi.org/10.2307/40970217>
6. Hölscher L. *Die Entdeckung der Zukunft*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag; 1999. 262 S. URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/lucian-hoelscher/die-entdeckung-der-zukunft.html>
7. Hölscher L. (Hrsg.) *Die Zukunft des 20. Jahrhunderts. Dimensionen einer historischen Zukunftsforschung*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 2017. 322 S. URL: https://www.campus.de/uploads/tx_campus/leseproben/9783593506951.pdf
8. Hartog F. *Regimes of historicity. Presentism and experiences of time*. New York: Columbia University Press; 2015. 262 p. URL: <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231163767.001.0001>
9. Assmann A. *Is time out of joint?: On the rise and fall of the modern time regime*. Ithaca: Cornell University Press and Cornell University Library; 2020. 251 p. URL: <https://signale.cornell.edu/books/is-time-out-of-joint-on-the-rise-and-fall-of-the-modern-time-regime/>
10. Seefried E. *Geschichte der Zukunft. Docupedia-Zeitgeschichte*. 2023 Mar 10. URL: <https://doi.org/10.14765/zzf.dok-2464>
11. Altstaedt S, Egbert S, Mundt I. Von der Soziologie der Zukunft zur Soziologie der Zukünfte. *Polarisierte Welten: Verhandlungen des 41. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie 2022*. Deutsche Gesellschaft für Soziologie (DGS); 2023:1-9. URL: <https://doi.org/10.21241/ssoa.99149>
12. Graf R., Herzog B. Von der Geschichte der Zukunftsvorstellungen zur Geschichte ihrer Generierung. *Probleme und Herausforderungen des Zukunftsbezugs im 20. Jahrhundert. Geschichte und Gesellschaft*. 2016;(42):497-515. URL: <https://doi.org/10.13109/gege.2016.42.3.497>
13. *Politische Zukünfte im 20. Jahrhundert. Parteien, Bewegungen, Umbrüche* / E. Seefried (Hg). Frankfurt/New York: Campus Verlag; 2022. 387 S. URL: <https://www.ifz-muenchen.de/en/publications/individual-publications/politische-zukuenfte-im-20-jahrhundert/parteien-bewegungen-umbrueche>
14. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016. 456 с. URL: https://id.hse.ru/data/2016/01/11/1134756591/Люббе_текст_сайт.pdf?ysclid=mmbpe5tc2d518194547
15. Ингерфлом К.С. Как осмыслить перемены, не пользуясь категориями разрыва и преемственности: герменевтический взгляд на революцию 1917 г. в свете истории понятий. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;(3):171-204. URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-3-171-204>
16. Остерхаммель Ю. *Преображение мира. История XIX столетия. Т. I: Общества в пространстве и времени*. Москва: Новое литературное обозрение; 2024. 652 с.
17. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Москва: ООО «Издательство АСТ»; 2004. 557 с.
18. Lübbe H. Der Fortschritt von gestern. Über Musealisierung als Modernisierung / U. Borsdorf, H. Th. Grütter, J. Rüsen (Hg.). *Die Aneignung der Vergangenheit Musealisierung und Geschichte*. Bielefeld: transcript Verlag; 2004:13-38.
19. Балаклеец Н.А. От героя к жертве: коммеморативные практики постгероического общества. *ДИСКУРС*. 2025;11(5): 5-18. URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-5-18>
20. Berghahn K.L. Ende Des Utopischen Zeitalters? Ein Vorwort. *Monatshefte*. 1996;88(3):280-288. URL: <https://doi.org/10.2307/30159571>
21. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2010. 304 с. URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-0762-9>
22. Бауман З. *Ретротопия*. Москва: ВЦИОМ; 2019. 160 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/298783607?ysclid=mmbpr6fg22576505438>
23. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem; 1999. 479 с.
24. Хан Б.-Ч. *Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна*. Москва: Издательство АСТ; 2024. 192 с.
25. Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. Москва: Академический проект; 2021. 800 с.
26. Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I*. Москва: Наука; 1991. 800 с.

27. Лишаев С.А. Декаданс и современность. *Логос*. 2025;2(165):35-52. URL: <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-2-35-52>
28. Кожев А. Понятие власти. Москва: Праксис; 2006. 192 с.
29. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, Москва: АСТ; 2000. 1376 с.
30. Пантин В.И. Глобальная история, циклы и мировая динамика: Цивилизации, центры силы, Россия. Москва: Политическая энциклопедия; 2025. 319 с.
31. Compagna D., Şahinol M. Enhancement technologies and the politics of life. *Nanoethics*. 2022;(16):15-20. URL: <https://doi.org/10.1007/s11569-022-00416-z>
32. Рормозер Г. Кризис либерализма. Москва: ИФ РАН; 1996. 292 с.
33. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва: Республика; 1994. 447 с.
34. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. 227 с.
35. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Москва: Институт русской цивилизации; 2011. 1216 с.
36. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München: R. Piper & Co Verlag; 1958. 506 S.

REFERENCES

1. Saint Augustine. Confessions. Moscow: RIPOL klassik; 2019. 416 p. (In Russ.).
2. Jaspers K. The Origin and Goal of History. Moscow: Politizdat; 1991. 527 p. (In Russ.).
3. Koselleck R. Futures past: On the semantics of historical time. New York: Columbia University Press; 2004. 317 p. URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/09/Futures-Past.-On-the-Semantics-of-historical-time-by-Reinhart-Koselleck.pdf>
4. Koselleck R. "Space of experience" and "horizon of expectation": Two historical categories. *Sotsiologiya Vlasti*. 2016;(2):149-173. URL: <https://elibrary.ru/wfrybp> (In Russ.).
5. Luhmann N. The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society. *Social Research*. 1976;43(1):130-152. URL: <https://doi.org/10.2307/40970217>
6. Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag; 1999. 262 S. URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/lucian-hoelscher/die-entdeckung-der-zukunft.html> (In Germ.).
7. Hölscher L. (Hrsg.) Die Zukunft des 20. Jahrhunderts. Dimensionen einer historischen Zukunftsforschung. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 2017. 322 S. URL: https://www.campus.de/uploads/tx_campus/leseproben/9783593506951.pdf (In Germ.).
8. Hartog F. Regimes of historicity. Presentism and experiences of time. New York: Columbia University Press; 2015. 262 p. URL: <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231163767.001.0001>
9. Assmann A. Is time out of joint?: On the rise and fall of the modern time regime. Ithaca: Cornell University Press and Cornell University Library; 2020. 251 p. URL: <https://signale.cornell.edu/books/is-time-out-of-joint-on-the-rise-and-fall-of-the-modern-time-regime/>
10. Seefried E. Geschichte der Zukunft. Docupedia-Zeitgeschichte. 2023 Mar 10. (In Germ.). URL: <https://doi.org/10.14765/zzf.dok-2464>
11. Altstaedt S, Egbert S, Mundt I. Von der Soziologie der Zukunft zur Soziologie der Zukünfte. Polarisierte Welten: Verhandlungen des 41. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie 2022. Deutsche Gesellschaft für Soziologie (DGS); 2023:1-9. (In Germ.). URL: <https://doi.org/10.21241/ssoar.99149>
12. Graf R., Herzog B. Von der Geschichte der Zukunftsvorstellungen zur Geschichte ihrer Generierung. Probleme und Herausforderungen des Zukunftsbezugs im 20. Jahrhundert. *Geschichte und Gesellschaft*. 2016;(42):497-515. (In Germ.). URL: <https://doi.org/10.13109/gege.2016.42.3.497>
13. Politische Zukünfte im 20. Jahrhundert. Parteien, Bewegungen, Umbrüche / E. Seefried (Hg). Frankfurt/New York: Campus Verlag; 2022. 387 S. URL: <https://www.ifz-muenchen.de/en/publications/individual-publications/politische-zukuenfte-im-20-jahrhundert/parteien-bewegungen-umbrueche> (In Germ.).
14. Lübke H. In the train of time: A shortened stay in the present. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ehkonomiki; 2016. 456 p. (In Russ.).
15. Ingerflom C.S. How to understand change without using the categories of rupture and continuity: A hermeneutic view of the 1917 revolution in light of the history of concepts. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. 2018;(3):171-204. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-3-171-204>

16. Osterhammel J. The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Vol. I: Societies in space and time. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2024. 652 p. (In Russ.)
17. Toffler A. Future shok. Moscow: AST; 2004. 557 p. (In Russ.)
18. Lübbe H. Der Fortschritt von gestern. Über Musealisierung als Modernisierung / U. Borsdorf, H. Th. Grütter, J. Rüsen (Hg.). *Die Aneignung der Vergangenheit Musealisierung und Geschichte*. Bielefeld: transcript Verlag; 2004:13-38. (In Germ.)
19. Balakleets N.A. From hero to victim: Commemorative practices of a post-heroic society. *DISKURS*. 2025;11(5): 5-18. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-5-18>
20. Berghahn K.L. Ende Des Utopischen Zeitalters? Ein Vorwort. *Monatshefte*. 1996;88(3):280-288. (In Germ.). URL: <https://doi.org/10.2307/30159571>
21. Ionin L.G. Update of conservatism. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ehkonomiki; 2010. 304 p. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-0762-9>
22. Bauman Z. Retrotopia. Moscow: VTSIOM; 2019. 160 p. URL: <https://publications.hse.ru/books/298783607?ysclid=mmbpr6fg22576505438> (In Russ.).
23. Foucault M. Discipline and punish: The birth of the prison. Moscow: Ad Marginem; 1999. 479 p. (In Russ.).
24. Han B.-Ch. Topology of violence: A critique of the positivity society of late modernity. Moscow: AST; 2024. 192 p. (In Russ.).
25. Toynbee A.J. A Study of history. Moscow: Akademicheskii proekt; 2021. 800 p. (In Russ.).
26. Chaadayev P. Ya. Complete works and selected letters. Vol. I. Moscow: Nauka; 1991. 800 p. (In Russ.).
27. Lishaev S.A. Decadence and modernity. *Logos*. 2025;2(165):35-52. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-2-35-52>
28. Kojève A. The notion of authority. Moscow: Praxis; 2006. 192 p. (In Russ.)
29. Spengler O. The decline of the west. Minsk: Harvest, Moscow: AST; 2000. 1376 p. (In Russ.).
30. Pantin V.I. Global history, cycles and world dynamics: Civilizations, centers of power, Russia. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya; 2025. 319 p. (In Russ.).
31. Compagna D., Şahinol M. Enhancement technologies and the politics of life. *Nanoethics*. 2022;(16):15-20. URL: <https://doi.org/10.1007/s11569-022-00416-z>
32. Rohrmoser H. The crisis of liberalism. Moscow: IF RAN; 1996. 292 p. (In Russ.).
33. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. Moscow: Respublika; 1994. 447 p. (In Russ.).
34. Kokoshin A.A. Issues of applied theory of war. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ehkonomiki; 2019. 227 p. (In Russ.).
35. Plyin I.A. The way of spiritual revival. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; 2011. 1216 p. (In Russ.).
36. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München: R. Piper & Co Verlag; 1958. 506 p. (In Germ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Александровна Балаклеец — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Институт инженерно-экономического и гуманитарного образования, Самарский государственный технический университет, Самара, Российская Федерация

Natalia A. Balakleets — Cand.Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Engineering, Economics, and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

bnatalja@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.12.2025; после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 25.12.2025; revised on 05.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Генезис и историческая динамика информационных войн: этапы, механизмы, трансформации

М.Н. Свинцова, Д.А. Дерябина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Информационная война как явление уходит корнями глубоко в историю, проходит ряд этапов и переживает череду трансформаций, неразрывно связанных с технологическим развитием общества и особенностями массового сознания. В работе исследуется эволюция информационных войн – как устойчивого элемента межгосударственного и военно-политического противоборства – на протяжении истории человечества: от эпохи Древнего мира, где основной целью было запугивание противника и обращение его в бегство с поля боя, до изощренных методов психологического воздействия в настоящее время. Последние призваны влиять не только на информационное поле, но и на глубинные механизмы человеческого сознания. С течением времени появляются новые методы и технологии влияния на сознание людей – при этом старые сохраняют свою эффективность. Актуальность темы обусловлена возрастающей значимостью результатов информационной войны в современном информационном пространстве: сегодня она уже не просто сопровождает военные кампании, а ведется перманентно. Цель настоящего исследования – проанализировать ключевые этапы развития информационных войн с акцентом на изменение форм, средств и масштабов противоборства в зависимости от уровня технологического и социального развития общества. В работе: реконструирован процесс трансформации целей и методов ведения информационной войны (от древности до конца XX в.); рассмотрены технологии влияния; приведены исторические примеры информационного взаимодействия, иллюстрирующие изменения на каждом этапе. Авторы приходят к выводу, что информационные войны представляют собой неотъемлемую часть межгосударственного и военно-политического противоборства, эволюционирующую на протяжении почти всей истории человечества. Начиная с примитивных форм дезинформации и психологических ловушек в эпоху Древнего мира и Средневековья, информационные войны постепенно трансформируются в системный инструмент стратегического воздействия, охватывающий военную сферу; общественное сознание; политические институты; историческую память. Если на протяжении долгой истории развития информационные войны обретали системность только в период конфликтов, то во второй половине XX в. формируется теория и методика их ведения. С этого момента они ведутся постоянно, а их развитие становится приоритетным направлением государственной политики в ходе достижения геополитических интересов.

Ключевые слова: информационная война; психологическая война; история информационной войны; дезинформация; массовое сознание

Для цитирования: Свинцова М.Н., Дерябина Д.А. Генезис и историческая динамика информационных войн: этапы, механизмы, трансформации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):32-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-32-40

The Genesis and Historical Dynamics of Information Warfare: Stages, Mechanics and Transformations

M.N. Svintsova, D.A. Deryabina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Information warfare as a phenomenon has deep historical roots, passing through several stages and experiencing a series of transformations inextricably linked to the technological development of society and the characteristics of mass consciousness. This paper examines the evolution of information warfare as a persistent element of interstate and military-political confrontation throughout human history, from the Ancient World, where the primary goal was to intimidate the enemy and force them to flee the battlefield, to sophisticated methods of psychological influence in the present day,

designed to influence not only the information field but also the deep mechanisms of human consciousness. Over time, new methods and technologies for influencing people's consciousness have emerged, while existing ones remain effective. The relevance of this topic is determined by the growing significance of the results of information warfare in the modern information space, which no longer simply accompanies military campaigns but is ongoing. The purpose of this study is to analyze the key stages in the development of information warfare, emphasizing the changing forms, means, and scale of confrontation depending on the level of technological and social development of society. The paper reconstructs the transformation of the goals and methods of waging information warfare from antiquity to the end of the 20th century, including influence technologies. Historical examples of information interaction are provided, illustrating these changes at each stage. The authors conclude that information warfare is an integral part of interstate and military-political confrontation, evolving throughout almost the entire history of mankind. Beginning with primitive forms of disinformation and psychological traps in the Ancient World and the Middle Ages, information warfare is gradually transforming into a systemic tool of strategic influence, encompassing not only the military sphere, but also public consciousness, political institutions, and historical memory. While throughout its long history, information warfare acquired a systemic nature only during periods of conflict, in the second half of the 20th century, the theory and methodology of waging information warfare were formed; they are waged continuously, and their development becomes a priority area of state policy in the pursuit of geopolitical interests.

Keywords: information warfare; psychological warfare; history of information warfare; disinformation; mass consciousness

For citation: Svintsova M.N., Deryabina D.A. The genesis and historical dynamics of information warfare: Stages, mechanics and transformations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):32-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-32-40

ВВЕДЕНИЕ

В условиях стремительной цифровизации и трансформации глобального информационного пространства все большую научную и практическую значимость приобретает проблема информационных войн. Современные конфликты выходят за рамки традиционного вооруженного противоборства, смещаясь в сферу управления информацией, общественным сознанием и исторической памятью. Намеренное искажение исторических фактов, выборочное распространение сведений и манипулирование восприятием событий становятся основными инструментами достижения политических и военных целей без прямого применения силы.

Исследованием происхождения и преобразования информационного противоборства занимаются различные отрасли гуманитарного знания: история, политология, психология, журналистика. Это подтверждает междисциплинарный характер изучения информационной войны.

Говоря об истории информационной войны, прежде всего стоит очертить ряд используемых терминов. Из-за давности возникновения явления нужно определять исторические события, относящиеся к теме информационного противоборства: зачастую они отличаются от современных лишь тем, что тогда их не называли информационной войной. В исследовании будут использоваться принятые в науке понятия: «информационное противоборство», «психологическая война», «информационная война».

«Информационное противоборство — это соперничество социальных систем в информационно-

психологической сфере с целью усиления влияния на определенные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые для дальнейшего развития, а другие их утрачивают», — так определяют термин авторы Ш.С. Сулейманова и Е.А. Назарова.

Термин «психологическая война» появился в 1942 г. в книге Л. Фараго «Психологическая война в Германии», а «информационная война» был введен Т. Роней в 1976 г. в докладе «Системы оружия и информационная война» для компании «Боинг» [1]. Официально понятие закрепилось в директиве министра обороны США 21 декабря 1992 г. и рассматривалось как одна из форм радиоэлектронной борьбы. В 1998 г. Комитет начальников штабов ВС США в «Доктрине проведения информационных операций» расширил трактовку: информационная война включает комплекс мероприятий технического (воздействие на информационные инфраструктуры противника) и психологического (воздействие на сознание) характера [2].

Информационная война — скоординированная совокупность действий для достижения информационного превосходства путем деструктивного воздействия на информационные системы противника при одновременной защите собственной инфраструктуры [3]. Она понимается как радикальная форма информационного противоборства [4] и составная часть гибридных войн.

Исследователи по-разному подходят к сегментации гибридных войн. Одни выделяют три элемента: информационную, когнитивную и цифро-

вую войны [5], другие объединяют когнитивную и информационную войны в понятие «психологических войн» [6, 7]. В настоящей работе авторы склоняются к разделению когнитивной и информационной войн. Согласно исследованию итальянских ученых, их можно различить по методам и целям:

- **информационная война** включает избирательное распространение информации, ее искажение и цензуру; цель — влияние на общественное восприятие и принятие решений;

- **когнитивная война** направлена на формирование мышления и поведения людей через психологические операции и когнитивные манипуляции [8].

Обращение к историческим этапам становления информационных войн позволяет выявить устойчивые механизмы воздействия, проследить их эволюцию и определить преемственность методов разных эпох.

Цель исследования — анализ ключевых этапов развития информационных войн с акцентом на изменение форм, средств и масштабов противоборства в зависимости от уровня технологического и социального развития общества.

МЕТОДЫ

Историю информационных войн как явления, непрерывно присутствующего в истории человечества с древности, необходимо рассматривать диалектически и на основе принципа историзма. Важная задача исследования — проследить трансформацию методов и целей информационной войны от древности до современности в теории и на конкретных исторических примерах, а также обобщить исследовательский опыт по этому предмету. Историко-генетический метод позволит логично изучить развитие явления в его связи с политикой, идеологией на определенных этапах и другими сторонами жизни общества.

На сегодняшний день существует обширный пласт научной литературы, посвященной изучению феномена информационной войны, ее методов и структуры, детально исследующей современные процессы информационного противоборства за возможность доминировать в информационном поле, формировать массовое сознание и траекторию поведения населения своей страны и страны-противника. Меньшее внимание уделяется истории формирования информационных войн, что обедняет общую картину. Исторический аспект информационного противоборства важен не только

в плане содержания, но и в плане трансформации целей и стратегий тех, кто эти войны ведет.

Исторический сегмент исследования представлен в диссертациях, посвященных роли средств массовой информации в информационных войнах (Н.Н. Волковский, Ш.К. Рахимзода, О.В. Мухин, Д.Б. Фролов). Информационно-коммуникационной эволюции и элементам истории информационного противоборства уделяют внимание Ш.С. Сулейманова, Е.А. Назарова, В.В. Барабаш, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева, М.В. Приходько [9], Е.П. Олейников [10], Л.Ю. Медовкина [11] и другие. В.В. Кафтан, Д.Б. Фролов посвящают важную часть своих исследований определению периодизации исторического развития феномена информационной борьбы.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ОТ ПИСЬМЕННОСТИ ДО ИНТЕРНЕТА

С течением времени появляются новые методы и технологии влияния на сознание людей, при этом старые сохраняют эффективность. Приемы информационной войны трансформируются вслед за изменением каналов трансляции информации — в зависимости от научно-технического прогресса, законов распространения информации в обществе, уровня сознания и свойств мировоззрения.

Доступность информации играет немалую роль в возможностях ведения информационной войны. Появление письменности не повлияло кардинально на ее свойства из-за низкой грамотности населения и недоступности текстов. Зато изобретение печатного станка И. Гуттенбергом в середине XV в. и влияние религии в Средневековье вывели информационную войну на новую ступень: печатное слово стало доступнее и убедительнее.

М.В. Приходько отмечает зависимость методов информационной войны от каналов трансляции информации: в Древнем мире (звуковой и устный каналы) основной формой было создание мифов; в Средневековье (книги и книжная культура) появился метод пропаганды; в Новое время (газеты) добавились агитация и информирование; в Новейшее время (листочки, радио, телевидение) стало возможно формировать идеологию масс; сегодня (компьютерные и сетевые ресурсы) открывается путь для манипуляции сознанием и формирования образа жизни [9].

Д.Б. Фролов делит развитие информационного противоборства на четыре этапа по технологиям доставки информации: вербальный, печатный, технический и информационно-коммуникационный [7].

В. В. Кафтан, соглашаясь с М. Маклюэном и М. Кастельсом, описывает информационно-коммуникативную эволюцию как смену «галактик», вызванных эволюцией способов коммуникации: этап «письменного слова» (с появлением письменности); «галактика Гуттенберга» (с изобретением печатного станка); «галактика Маркони» (с созданием электронных средств коммуникации); «галактика интернета» (с распространением всемирной паутины) [2].

ИСТОКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА ДРЕВНОСТИ

Наиболее ранние проявления информационного противоборства возникли еще в период первобытно-общинного строя — вместе с началом боевых действий между племенами. Тогда они носили сопровождающий характер и не осознавались как отдельный метод: основной задачей было устрашение противника. Искусственно производимый шум и движение создавали впечатление высокой численности и вооруженности войска.

В эпоху Древнего мира военачальники (например, ассирийцы и египтяне) уже связывали успех противостояния с психологической устойчивостью своих бойцов и деморализацией врага, используя в том числе дезинформацию.

Одним из первых примеров военной хитрости стал «троянский конь» (XIII в. до н.э.): ахейцы ввезли его в Трою якобы в дар богине Афине. Благодаря дезинформации город был захвачен, а сам «троянский конь» стал символом хитрости.

Для деморализации противника применяли «боевое запугивание»: сильные акустические звуки имитировали численное превосходство. Военачальникам помогали мифотворчество, религия и визуальные средства устрашения — яркие штандарты, маски, шумовые эффекты. Подобную тактику использовал, например, Александр Македонский (IV в. до н.э.).

Древние Греция и Рим применяли селективное распространение слухов для подрыва морального духа врага. Так, в ходе Саламинского сражения (480 г. до н.э.) афинский военачальник Фемистокл отправил к войскам Ксеркса своего раба Сикинна. Тот пообещал переход армии Фемистокла на сторону персов и выдал ложную версию стратегии — в результате армия Ксеркса попала в ловушку. Сам Ксеркс распространял слухи о мощи своей армии и воздействовал на жреческую верхушку Дельфов, пытаясь разлагать греческое общество изнутри.

Теоретический фундамент информационных войн заложил в V в. до н.э. древнекитайский стратег Сунь-Цзы в трактате «Искусство войны». Он определил войну как «путь обмана» и утверждал, что высшее мастерство полководца — «покорить врага без боя» через деструктивное воздействие на его планы и союзы [5]. Сунь-Цзы систематизировал использование шпионов для распространения дезинформации, предлагая демонстрировать противнику ложные образы силы или слабости.

В начале нашей эры в Древнем Китае появился новый прием: обоснование легитимности войны через объявление ее справедливой и обвинение врага в зверствах. Этот метод активно применялся и в Средневековье.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Следующая ступень развития стратегий информационных войн четко просматривается в Средние века. Этот период ознаменовался эволюцией форм информационного влияния, адаптированных к особенностям психики и социальной иерархии того времени. Наряду с античными способами стали использоваться имитационные отступления и постановочные атаки — они вводили противника в заблуждение и приводили к фатальным стратегическим ошибкам.

Тактика ложного отступления была характерна для монголов. Ее описал в своих записках о посещении Монгольской империи в XVIII в. итальянский миссионер-путешественник Плато Карпини [12]. При неудачном первом столкновении войско имитировало отступление с заманиванием противника, а затем его окружало и уничтожало. Монголы также направляли лазутчиков, распространявших сведения о силе и жестокости воинов.

Ш.С. Сулейманова и Е.А. Назарова приводят пример фальсификации документов при походе хана Батые в Венгрию*: завладев королевской печатью, Батый создал воззвание о прекращении сопротивления от имени венгерского короля и распространил его по стране, захват которой еще не был завершен.

Особое место занимает противоборство эпохи Крестовых походов, где религия стала идейно-пропагандистской основой для маскировки захватнических планов европейских феодалов и ка-

* Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность. Учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум»; 2017. 124 с.

толической церкви. Идеологический фундамент создавался через дискредитацию противника и распространение сведений о его зверствах. Мусульманский мир тоже использовал религиозное влияние, поддерживая у воинов состояние готовности к «священной войне».

Иезуиты внесли новое слово в методы информационной борьбы: они сделали влияние на противника организованным и системным, создав внутри ордена структуру для дискредитации врага в мирное и военное время. Средневековые также подарило военно-сакральную атрибутику (награды, символы, обряды посвящения) и образ идеального солдата (например, рыцаря как воина Христова).

Примитивные по современным меркам формы информационной войны значительно влияли на исход конфликтов и заложили основу дальнейшего развития концепции, доказывая, что контроль над информацией — ключевой элемент стратегии вне зависимости от уровня технологий.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

История Нового времени с нарастающими масштабными военными столкновениями выступила катализатором прогресса в методах информационных войн. С XVI в. информационные операции стали геополитическим инструментом — они навязывали определенный образ противника, преуменьшая его могущество и степень угрозы.

Российские ученые В.В. Барабаш, Е.А. Котеленец и М.Ю. Лаврентьева, исследуя генезис феномена, рассматривают события Русско-литовской войны 1512–1522 гг. В 1514 г. Россия потерпела поражение под Оршей, но это не повлияло на исход войны. Польские и литовские дипломаты, используя метод «выборочного абстрагирования», интерпретировали частные поражения московских войск как крах «варварского государства» [4].

В XVII–XVIII вв. появились новые приемы: фальсификация исторических документов и использование газет для создания нужной информационной повестки. Например, Наполеон I Бонапарт, по одной из версий, был причастен к написанию книги Шарля-Луи Лезюра «О росте русской державы от ее возникновения до начала XIX века» (1812 г.) с фальсифицированным «Завещанием Петра I». Цель — убедить европейскую общественность в агрессивных намерениях Российской империи накануне Отечественной войны 1812 г. Наполеон также активно использовал прессу для сокрытия собственных неудач и дезинформации противника,

в том числе через корреспондентов нейтральных стран [4, с. 82; 11, с. 10–13].

Крымская война 1853–1856 гг. стала примером полноценной информационной войны: коалиция Франции, Англии и Турции, имея преимущество в каналах коммуникации, убедила мировое сообщество в поражении России, несмотря на неоднозначные итоги кампании [10]. Это заложило основу для распространения дезинформации как центрального метода борьбы — не только против войск, но и против гражданского населения.

Первая мировая война (1914–1918) ознаменовалась индустриализацией информационных войн: возник термин «пропаганда», страны Антанты сбросили на позиции противника около 30 миллионов листовок и газет [10]. В этот период:

- в Великобритании (1914) создали Бюро военной пропаганды (позже — Управление военной информации);
- во Франции (1915) — Службу военной пропаганды при министерстве обороны;
- в США (1917) — психологическую секцию при службе разведки экспедиционных войск [11].

Во время Гражданской войны в России (1917–1922) обе стороны использовали листовки с песнями, плакаты с лозунгами для укрепления единства войск и населения, а также для демонизации врага.

В Первую мировую войну начало развиваться декодирование коммуникаций — новое направление информационных войн, дающее доступ к стратегическим данным противника.

Во Второй мировой войне методы информационного противоборства совершенствовались. В нацистской Германии под руководством Й. Геббельса пропаганда стала частью государственной политики: использовались митинги, радио и кино для внедрения идеологических установок [10]. Страны антигитлеровской коалиции создали специализированные ведомства:

- Британское Управление политической войны (1941);
- американское Управление военной информации (1942);
- в СССР — Бюро военно-политической пропаганды и 7-е управление ГлавПУР РККА.

Ключевыми достижениями стали:

- взлом кода «Энигмы» Блетчли-Парком, давший доступ к немецким планам;
- операция «Телохранитель» (1944) по дезинформации немцев: создание фиктивных армий для отвлечения внимания от реальных действий союзников.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ОТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ДО ЭПОХИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Период со второй половины XX в. по настоящее время в эволюции информационных войн характеризуется переходом от вспомогательного характера психологических операций эпохи холодной войны к тотальному противоборству в информационной и когнитивной сферах. Человеческий разум признается самостоятельной областью боевых действий наравне с сушей, морем, воздухом, космосом и киберпространством.

Холодная война (1946–1991) трансформировала информационную войну в перманентную форму стратегической конкуренции, направленную на подрыв морального духа и политических систем противника без открытого вооруженного конфликта. Ключевыми инструментами стали:

- «войны идей» через трансграничное радиовещание («BBC World Service», «Voice of America», «Radio Liberty»);
- скрытое искажение информации («активные меры» КГБ СССР);
- использование идеологических движений для дестабилизации противника [13, с. 123].

Средства массовой информации стали самостоятельным оружием этой войны.

Информационная война играла решающую роль в локальных конфликтах второй половины XX в.: в Корейской войне, войне во Вьетнаме и Афганистане, конфликте в Персидском заливе. «Агитационные снаряды» во многом определяли успех кампаний на фоне противостояния СССР и США. Задачи включали:

- деморализацию войск противника;
- подрыв авторитета его правительства;
- влияние на местное население через культуру и традиции.

Поражение во Вьетнамской войне стимулировало США к разработке новых стратегий. В Афганистане США использовали фальсификацию и слухи о зверствах советских солдат, а СССР — медицинскую и материальную поддержку афганцев.

В 1990-х гг. в США начали рассматривать сетевое командование и информационное превосходство как решающее преимущество на поле боя.

В XXI в., с развитием цифровых технологий и социальных платформ, информационные войны стали элементом гибридных войн, где размыты границы между миром и войной, внутренним и внешним пространством. Отличие современной инфор-

мационной войны — акцент на фундаментальные механизмы человеческого мышления: внимание, память, эмоции, процессы принятия решений [8, с. 2]. Углубляется взаимосвязь информационных и когнитивных войн.

Особую роль играют технологии искусственного интеллекта. Они автоматизируют сбор информации, но одновременно увеличивают риск искажения исторических и политических фактов, усложняя защиту истории от фальсификации и углубляя последствия информационных войн.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ эволюции информационных войн от древности до современности позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, информационное противоборство — явление, исторически присущее человеческому обществу: его истоки прослеживаются еще в первобытно-общинном строе (устрашение противника шумом и демонстрацией численности) и в Древнем мире (дезинформация, мифотворчество, «боевое запугивание»). Теоретический фундамент был заложен в V в. до н.э. Сунь-Цзы, определившим войну как «путь обмана».

Во-вторых, методы информационного воздействия последовательно трансформировались вслед за развитием каналов коммуникации. Согласно периодизации Д. Б. Фролова, выделяются четыре этапа: вербальный, печатный, технический и информационно-коммуникационный. В. В. Кафтан дополняет эту картину концепцией «галактик» М. Маклюэна и М. Кастельса: от «письменного слова» к «галактике интернета». Каждый технологический прорыв (печатный станок, радио, телевидение, цифровые платформы) расширял возможности влияния на сознание и поведение людей.

В-третьих, на разных исторических этапах информационные войны выполняли различные функции: в Античности и Средневековье — деморализация противника и обоснование легитимности войны; в Новое время — формирование национальной идеологии и пропаганда; в XX в. — индустриализованная пропаганда и стратегическая дезинформация (Первая и Вторая мировые войны, холодная война); в XXI в. — когнитивное воздействие и манипуляция массовым сознанием в рамках гибридных войн.

В-четвертых, современные информационные войны характеризуются: системностью и организованностью (создание специализированных структур — бюро военной пропаганды, управления

военной информации и т.д.); расширением целевой аудитории (не только войска, но и гражданское население); интеграцией технических и психологических методов (взлом шифров, операция «Телохранитель»); усилением роли цифровых технологий и искусственного интеллекта, что одновременно повышает эффективность воздействия и увеличивает риски искажения фактов.

Наконец, междисциплинарный характер изучения информационных войн (история, политология, психология, журналистика) подчеркивает сложность феномена и необходимость комплексного подхода к его анализу. Контроль над информацией остается ключевым элементом стратегии на любом этапе развития общества — от древности до эпохи цифровизации.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что информационные войны не являются феноменом исключительно эпохи Новейшего времени, а представляют собой устойчивый элемент межгосударственного и военно-политического противоборства, эволюционирующий на протяжении почти всей истории человечества. Начиная с примитивных форм де-

зинформации и психологических ловушек в эпоху Древнего мира и Средневековья, информационные войны постепенно трансформируются в системный инструмент стратегического воздействия, охватывающий не только военную сферу, но и общественное сознание, политические институты и историческую память.

Если на протяжении долгой истории развития информационные войны обретали системность только в период конфликтов, то во второй половине XX в. формируется теория и методика ведения перманентной информационной войны, она идет постоянно, а ее развитие становится приоритетным направлением государственной политики стран в ходе достижения геополитических интересов.

Современный этап их развития характеризуется интеграцией цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта, что существенно повышает масштаб и глубину информационного влияния. Динамика и сложность современных информационных войн, а также их тесная связь с когнитивными процессами и технологическими инновациями обуславливают необходимость дальнейшего, более глубокого изучения данной проблематики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований ВТК ФНИР в рамках государственного задания Финансовому университету по теме ФИ-31 «Формирование идейно-ценностных смыслов российской молодежи в условиях информационной войны», выполняемых в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации в 2026 г.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research conducted by the VTC of the Federal Research and Development Fund as part of the state assignment to the Financial University on the topic FI-31 “Formation of Ideological and Value-Based Meanings of Russian Youth in the Context of Information Warfare”, carried out at the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2026.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции. Дисс. докт. филол. наук. Санкт-Петербург; 2003. URL: <https://www.elibrary.ru/nmqvsj>
2. Кафтан В.В. Феномен современной информационной войны: сущность и информационно-коммуникативная эволюция. *Вестник адъюнкта*. 2018;2(2):17. URL: <https://www.elibrary.ru/pjlkcc>
3. Мухин О.В. Информационные войны в современной российской прессе: на примере вооруженных конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж; 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/cfvoep>
4. Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Информационная война: к генезису термина. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019;3(33):76-89. URL: <https://www.elibrary.ru/bxtacb>
5. Talyshinsky E. History of the development of the phenomenon of information wars. *Universum: Social Sciences*. 2024;10(113):42-45. URL: <https://doi.org/10.32743/UniSoc.2024.113.10.18486>
6. Рахимзода Ш.К. Информационная война и проблемы обеспечения национальной безопасности в Центральноазиатском регионе. Автореф. дис. ... канд. политических наук. Душанбе; 2021. 19 с. URL: <https://www.elibrary.ru/tddjop>

7. Фролов Д.Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений. Дисс. докт. полит. наук. Москва; 2006. 426 с. URL: <https://www.elibrary.ru/nokarz>
8. Gaeta A., Loia V., Lorusso A., Orciuoli F., Pascuzzo A. Computational analysis of information disorder in cognitive warfare. *Online Social Networks and Media*. 2025;(48):13. URL: <https://doi.org/10.1016/j.osnem.2025.100322>
9. Приходько М.В. Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен: в контексте репрезентации «торговой войны» в СМИ КНР и США. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва; 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/qzmyri>
10. Олейников Е.П. Некоторые аспекты истории информационных войн. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2023;(1):151-156. URL: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2023-1-151-156>
11. Карпини П. История монголов: Текст, перевод, комментарии. М.: ИДВ РАН; 2022. 383 с. URL: https://дгве.рф/bibl/Karpini_2022.shtml
12. Медовкина Л.Ю. История возникновения информационных войн. *Европейский журнал юридических и политических наук*. 2016;(3):10-13. URL: <https://www.elibrary.ru/wswgsn>
13. Котеленец Е.А. Пропаганда без правил, или информационное противостояние в условиях «Холодной войны». *Вестник РУДН. История России*. 2015;(4):120-129. URL: <https://www.elibrary.ru/tkpmyr>

REFERENCES

1. Volkovsky N.L. Journalism in information wars: Historical origins and modern trends. Diss. Dr. Sci. Philol. Saint Petersburg; 2003. URL: <https://www.elibrary.ru/nmqvsj> (In Russ.).
2. Kaftan V.V. The Phenomenon of modern information warfare: Essence and information-communicative evolution. *Vestnik Adyunkta = Adjunct Bulletin*. 2018;2(2):17. URL: <https://www.elibrary.ru/pjlkcc> (In Russ.).
3. Mukhin O.V. Information wars in the modern Russian press: A case study of armed conflicts in Afghanistan, Iraq, Libya, Syria, and Ukraine. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh; 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/cfvoep> (In Russ.).
4. Barabash V.V., Kotelenets E.A., Lavrentieva M.Yu. Information warfare: Towards the genesis of the term. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya = Sign: The Problem Field of Media Education*. 2019;3(33):76–89. URL: <https://www.elibrary.ru/bxtacb> (In Russ.).
5. Talyshinsky E. History of the development of the phenomenon of information wars. *Universum: Social Sciences*. 2024;10(113):42–45. URL: <https://doi.org/10.32743/UniSoc.2024.113.10.18486>
6. Rakhimzoda Sh. K. Information warfare and national security challenges in the Central Asian Region. Diss. Cand. Sci. (Politic.). Dushanbe; 2021. 19 p. URL: <https://www.elibrary.ru/tddjop> (In Russ.).
7. Frolov D.B. Information confrontation in the sphere of geopolitical relations. Diss. Dr. Sci. (Politic.). Moscow, 2006. 426 p. URL: <https://www.elibrary.ru/nokarz> (In Russ.).
8. Gaeta A., Loia V., Lorusso A., Orciuoli F., Pascuzzo A. Computational analysis of information disorder in cognitive warfare. *Online Social Networks and Media*. 2025;(48):13. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.1016/j.osnem.2025.100322>
9. Prikhodko M.V. Information warfare as a cognitive-discursive phenomenon: In the context of representing the “Trade War” in the Chinese and US Media. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow; 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/qzmyri> (In Russ.).
10. Oleynikov E.P. Some Aspects of the history of information wars. *Problemy Sotsial'no-Ekonomicheskogo Razvitiya Sibiri = Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. 2023;(1):151–156. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2023-1-151-156>
11. Carpini P. The History of the Mongols: Text, Translation, Comments. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IDV RAN); 2022. 383 p. URL: https://дгве.рф/bibl/Karpini_2022.shtml (In Russ.).
12. Medovkina L.Yu. The history of the emergence of information wars. *Evropeyskiy Zhurnal Yuridicheskikh i Politicheskikh Nauk = European Journal of Legal and Political Sciences*. 2016;(3):10–13. URL: <https://www.elibrary.ru/wswgsn> (In Russ.).
13. Kotelenets E.A. Propaganda without rules, or information confrontation during the Cold War. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii = RUDN Journal of Russian History*. 2015;(4):120–129. URL: <https://www.elibrary.ru/tkpmyr> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Николаевна Свинцова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций; старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina N. Svintsova — Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Humanities at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Senior Researcher at the Institute of Humanities Technologies and Social Engineering at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-9402-0816>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MNSvintsova@fa.ru

Дарья Александровна Дерябина — стажер-исследователь, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Daria A. Deryabina — Research Intern at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0001-3419-4582>

221006@edu.fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М.Н. Свинцова — формулирование темы, постановка проблемы исследования, характеристика теоретико-методологической базы исследования, анализ научной литературы, проведение анализа трансформации информационной войны в ходе исторической эволюции.

Д.А. Дерябина — обзор и анализ научной литературы по теме исследования, подбор, исследование исторических этапов развития информационного противоборства.

Authors' contributions:

M.N. Svintsova — formulation of the topic, formulation of the research problem, characteristics of the theoretical and methodological basis of research, analysis of scientific literature, analysis of the transformation of information warfare in the course of historical evolution.

D.A. Deryabina — review and analysis of scientific literature on the research topic selection, study of the historical stages of the development of information warfare.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-41-47
УДК 551.583+159.9+316.6(045)

Геоклиматические и когнитивные сдвиги: анализ взаимовлияния в эпоху глобального кризиса

Д.Д. Степанюк, П.С. Селезнев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается и анализируется типология глобальных геоклиматических сдвигов, классифицирующих типы экологических и климатических изменений, меняющих облик планеты. Авторами было выделено четыре типа геоклиматических сдвигов, такие как: постепенные климатические тенденции, экстремальные изменения погодных условий, переломные моменты земной системы, изменения в режимах биосферы и экосистем. Авторами также рассматриваются глобальные когнитивные сдвиги, классифицирующие изменения в поведении человека, ценностях и коллективной психологии в ответ на кризис в мире. Типы, выявленные авторами, следующие: климатическая тревога, экологическое горе и психология кризиса, цифровая трансформация и когнитивная перегрузка, изменения в ценностях, мировоззрении, моральных устоях. Для каждой категории в статье авторами были определены ключевые движущие факторы, их характеристики и наблюдаемые последствия для экологической стабильности, здоровья человека, продовольственной и водной безопасности, а также устойчивости инфраструктуры. Авторы опираются на современную научную литературу в области окружающей среды, поведенческих наук, когнитивной социологии и моральной психологии. Ключевым аналитическим вкладом является исследование эффектов взаимодействия между геоклиматическими и когнитивными сдвигами. В статье авторы проанализировали, как климатические стрессовые факторы – экстремальная жара, нехватка ресурсов, перемещение населения и подверженность стихийным бедствиям – могут усиливать психологическое напряжение, изменять моральные приоритеты и трансформировать институциональное доверие, в то время как когнитивные модели, такие как усиление риска, каскады дезинформации и неудачи коллективных действий, в свою очередь, могут влиять на результаты смягчения последствий и адаптации. В заключение авторы рассматривают, как данные сдвиги взаимодействуют между собой (например, как климатические стрессоры вызывают психологические реакции или социальные изменения), а также как подобная типология может помочь в исследованиях, разработке политики и планировании политической устойчивости. **Ключевые слова:** геоклиматические сдвиги; когнитивные сдвиги; экосистема; биосфера; изменение климата; климатический кризис; климатическая тревога

Для цитирования: Степанюк Д.Д., Селезнев П.С. Геоклиматические и когнитивные сдвиги: анализ взаимовлияния в эпоху глобального кризиса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):41-47. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-41-47

ORIGINAL PAPER

Geoclimatic and Cognitive Shifts: An Analysis of Their Interrelationship in the Era of Global Crisis

D.D. Stepanyuk, P.S. Seleznev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article examines and analyzes the typology of global geoclimatic shifts, classifying the types of environmental and climatic changes that change the face of the planet. The authors identified 4 types of geoclimatic shifts, such as gradual climatic trends, extreme changes in weather conditions, turning points in the Earth's system, and changes in biosphere and ecosystem regimes. The authors also consider global cognitive shifts that classify changes in human behavior, values, and collective psychology in response to the global crisis. The types identified by the authors are as follows: climate anxiety, environmental grief and the psychology of crisis, digital transformation and cognitive overload, changes in values, worldview, and moral principles. For each category in the article, the authors identified the key driving factors, their characteristics and the observed consequences for environmental stability, human health, food and water security, as well as the sustainability of infrastructure. The authors draw on modern scientific literature in the fields of the environment, behavioral sciences, cognitive sociology, and moral psychology. A key analytical contribution is the study of the effects of the interaction between geoclimatic and cognitive shifts. In the article, the authors analyzed how climatic stress factors – extreme heat, lack of resources, population displacement, and exposure to natural disasters – can increase psychological stress, change moral priorities, and transform institutional trust, while cognitive

© Степанюк Д.Д., Селезнев П.С., 2026

models such as increased risk, cascades of misinformation, and failures of collective action, in turn, can influence the results of mitigation and adaptation. In conclusion, the authors consider how these shifts interact with each other (for example, how climatic stressors cause psychological reactions or social changes), and also consider how such a typology can help in research, policy development, and political sustainability planning.

Keywords: geoclimatic shifts; cognitive shifts; ecosystem; biosphere; climate change; climate crisis; climate anxiety

For citation: Stepanyuk D.D., Seleznev P.S. Geoclimatic and cognitive shifts: An analysis of their interrelationship in the era of global crisis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):41-47. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-41-47

ВВЕДЕНИЕ

Антропогенные планетарные нарушения (от потепления климата до разрушения биоразнообразия) создают беспрецедентные проблемы для общества [1]. Эти глобальные геоклиматические сдвиги включают в себя глубокие изменения климатической системы и биосферы Земли, такие как: повышение температуры, экстремальные погодные явления и приближение к биосферным порогам, за которыми происходят необратимые изменения. В то же время человечество переживает глобальные когнитивные сдвиги. Происходят широкомасштабные изменения в том, как общество думает, чувствует и реагирует. Все это влияет на трансформацию коллективного поведения, ценностей и ментальных состояний. Например, климатический кризис привел к возникновению таких явлений, как экотревожность среди молодежи, в то время как цифровая эпоха способствовала формированию информационного потока постправды, который бросает вызов традиционным представлениям о доказательствах и авторитете [2]. Эти когнитивные и культурные сдвиги сложным образом взаимодействуют с геоклиматическими изменениями, влияя на общественную реакцию и политические действия. Более подробно рассмотрим и охарактеризуем каждую категорию глобальных геоклиматических и когнитивных сдвигов.

ТИПОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Глобальные геоклиматические сдвиги относятся к крупномасштабным изменениям климата, окружающей среды и геологических систем Земли. В *таблице 1* представлен обзор типологии геоклиматических сдвигов, суммирующий эти категории, их основные характеристики, а также приведены примеры глобальных геоклиматических сдвигов.

Более детально рассмотрим основные характеристики типологии глобальных геоклиматических сдвигов.

1. Постепенные климатические тенденции

Одним из фундаментальных типов геоклиматических сдвигов является постепенное изменение климата и системы геодезических параметров Земли, вызван-

ное антропогенными выбросами парниковых газов. За последнее столетие деятельность человека привела к устойчивому росту глобальной температуры, уровня моря и других климатических показателей. Средняя глобальная температура поверхности уже поднялась примерно на 1,1 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем — изменение, однозначно связанное с влиянием человека.

Эта тенденция сопровождается сопутствующими сдвигами: океаны накапливают тепло, ледники тают, уровень моря повышается. По данным Всемирной метеорологической организации, основные климатические параметры «движутся в совершенно неправильном направлении»: отмечается потепление и закисление океана, отступление ледников, рост концентрации CO₂, метана и закиси азота в атмосфере.

Такие изменения уже влияют на производительность сельского хозяйства и водоснабжение, повышают риски затопления и эрозии прибрежных районов. Изменение климата способствует засухам, сильным осадкам, волнам тепла — это создает угрозу нехватки продовольствия и воды для миллионов людей, наносит вред экосистемам (обесцвечивание кораллов, сокращение площади арктического льда, сдвиги ареалов видов). Отступление ледников и таяние вечной мерзлоты вызывают долгосрочные гидрологические изменения и трансформируют горные и арктические экосистемы.

Постепенные изменения климата связаны с рисками для физиологического здоровья (тепловой стресс, распространение трансмиссивных заболеваний) и психического состояния человека (стресс от деградации окружающей среды)¹.

2. Экстремальные изменения погодных условий

Вторая категория геоклиматических изменений включает сдвиги в экстремальных погодных условиях и изменчивости климата. Хотя штормы, засухи, волны тепла и наводнения происходили всегда, изменение климата меняет их частоту, интенсивность и географическое распределение.

¹ Early C. “Quantum leap” needed for climate action. URL: <https://dialogue.earth/en/climate/quantum-leap-needed-for-climate-action-ipcc-ar6>

Таблица 1 / Table 1

Типология глобальных геоклиматических сдвигов / Typology of Global Geoclimatic Shifts

Тип / Type	Основные характеристики / Main Features	Примеры глобальных геоклиматических сдвигов / Examples of global geoclimatic shifts
Постепенные климатические тенденции (потепление, повышение уровня моря, закисление океана)	<ul style="list-style-type: none"> • антропогенные выбросы парниковых газов; • вырубка лесов; • использование ископаемого топлива 	<ul style="list-style-type: none"> • потепление на +1,1 °С по сравнению с доиндустриальным периодом; • повышение уровня моря и затопление прибрежных районов; • снижение производительности сельского хозяйства; • отступление ледников
Экстремальные изменения погодных условий (волны тепла, наводнения, засухи, лесные пожары)	<ul style="list-style-type: none"> • более теплая атмосфера (большая влагоемкость, более высокая испаряемость); • измененная циркуляция 	<ul style="list-style-type: none"> • более частые рекордные волны тепла; • внезапные наводнения; неурожай; • разрушение инфраструктуры; • более высокие потери от стихийных бедствий
Переломные моменты земной системы (ледниковые щиты, отмирание Амазонки, коллапс АМОС, таяние вечной мерзлоты)	<ul style="list-style-type: none"> • преодоление порогов через устойчивое потепление, вырубку лесов и петли обратной связи 	<ul style="list-style-type: none"> • многометровое повышение уровня моря (разрушение ледяного щита); • нарушение муссонов; • выброс метана из вечной мерзлоты; • значительные сдвиги в биомах
Изменения в режимах биосферы и экосистем (коралловые рифы, сокращение численности насекомых, вымирание лесов)	<ul style="list-style-type: none"> • климатический стресс; • изменение землепользования; • загрязнение; • инвазивные виды 	<ul style="list-style-type: none"> • массовое обесцвечивание кораллов; • сокращение популяции опылителей, влияющее на сельскохозяйственные культуры; • коллапс экосистемных услуг (вода, хранение углерода, защита от штормов)

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Глобальное потепление увеличило частоту и интенсивность многих экстремальных явлений в последние десятилетия. Например, сильные ливни стали более интенсивными в большинстве регионов, повышая риск внезапных наводнений. Более частые или сильные засухи наблюдались в некоторых частях Африки, Южной Америки, Средиземноморья и Азии [3].

Последствия таких изменений остры и часто катастрофичны: волны тепла приводят к смертности и неурожаю, штормы и наводнения разрушают дома, нарушают работу инфраструктуры, вызывают травмы и вспышки заболеваний. Повторные катастрофы могут подорвать устойчивость сообществ. Таким образом, экстремальные погодные сдвиги создают более частые и серьезные опасности с последствиями от немедленных потерь до долгосрочных социально-экономических неудач.

3. Переломные моменты земной системы

Не все изменения климата постепенны. Некоторые могут быть резкими и потенциально необратимыми, если будут пересечены определенные пороги — часто называемые точками невозврата. Точки невозврата

земной системы относятся к критическим порогам в климате и геофизической системе, которые, будучи превышены, могут привести к серьезным, самовоспроизводящимся изменениям. Классическими примерами являются потенциальное разрушение западно-антарктического или гренландского ледяных щитов, внезапное отмирание тропических лесов Амазонки или остановка Атлантической меридиональной опрокидывающей циркуляции (АМОС, океанический конвейер).

Драйверами, подталкивающими Землю к точкам невозврата, служат антропогенные воздействия, особенно устойчиво высокие уровни парниковых газов. Элементы невозврата часто включают механизмы обратной связи: таяние ледяного щита снижает альбедо, что ведет к большему поглощению тепла и дальнейшему таянию. Вырубка лесов и засуха могут снизить устойчивость тропических лесов Амазонки, пока точка невозврата не вызовет переход к саванне с выбросом углерода. Эти процессы нелинейны: изменение ускоряется после преодоления порога и становится самораспространяющимся.

Особенности сдвигов точек невозврата — внезапное начало (от нескольких лет до десятилетий), потенциальная необратимость (например, распавшийся ледяной щит не восстановится в масштабах человеческого времени) и системные воздействия: смещение одного элемента вызывает каскадные эффекты. Ученые предупреждают, что переломные моменты взаимосвязаны, повышая риск каскадных изменений [4]. Например, талая вода в Гренландии может нарушить циркуляцию океана, а вымирание лесов усилит потепление за счет высвобождения углерода.

Подводя итог, переломные моменты в земной системе образуют категорию геоклиматических сдвигов с нелинейным пороговым поведением: изменение климата может привести не только к постепенным сдвигам и экстремальным ситуациям, но и к внезапным скачкам к новым, необратимым планетарным состояниям.

4. Изменения в режимах биосферы и экосистем

Параллельно с физической климатической системой биосфера претерпевает радикальные сдвиги. Изменение климата, землепользования, загрязнение и другие факторы вызывают кризис биоразнообразия, или «шестое массовое вымирание». Биосферный порог — это точка, в которой экосистемы или видовые сообщества трансформируются или коллапсируют. Примеры: обесцвечивание коралловых рифов при превышении критических температур или разрушение популяций насекомых из-за потери среды обитания и пестицидов.

Ученые определили «целостность биосферы» (здоровье экосистем и видовое разнообразие) как ключевую планетарную границу — и она уже нарушена, что указывает на превышение безопасных пределов потери биоразнообразия [6].

Факторы сдвигов биосферного режима разнообразны: изменение климата создает стресс для организмов, разрушение среды обитания и вырубка лесов фрагментируют экосистемы, загрязнение и инвазивные виды подрывают биоразнообразие. При превышении пределов адаптации экосистемы происходят сдвиги режима: чистое озеро превращается в мутное с водорослями, саванна — в пустыню. Многие сдвиги включают петли обратной связи (потеря деревьев сокращает осадки, препятствуя восстановлению леса). Особенности биосферных сдвигов — пороговое поведение: возрастающее давление вызывает внезапное снижение функции экосистемы.

Последствия огромны для природы и человечества. Коллапс экосистем подрывает услуги, от которых зависит общество: опыление, очистку воздуха и воды, связывание углерода, рыболовство. Массовое отми-

рание коралловых рифов лишает защиты от штормов и рыболовства, сокращение насекомых угрожает продовольственной безопасности. Вымирание видов — необратимо, оно ведет к эрозии биологического наследия и волновым эффектам в пищевых цепях. Ухудшение целостности биосферы снижает устойчивость Земли к изменению климата. Оценка планетарных границ в 2023 г. показала: шесть из девяти границ нарушены, целостность биосферы превышает безопасные пределы [5], что повышает риск крупномасштабных экологических потрясений.

ТИПОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ СДВИГОВ

Подобно трансформации внешней среды меняются коллективные когнитивные и социокультурные измерения общества. Глобальные кризисы, технологические изменения и социальная эволюция приводят к изменениям в мышлении, чувствах и поведении людей в масштабах общества. В табл. 2 представлена типология глобальных когнитивных сдвигов, их характеристики и примеры.

Более детально рассмотрим основные характеристики типологии глобальных когнитивных сдвигов.

1. Климатическая тревога, экологическое горе и психология кризиса

Значительным когнитивным сдвигом перед лицом глобальных экологических угроз является рост стресса, связанного с климатом, — климатической тревоги или экотревожности. Эти термины обозначают хронический страх или грусть из-за изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды.

Исследования выявили высокий уровень климатической тревоги, особенно среди молодежи. В опросе 2021 г. среди 10 тыс. молодых людей (16–25 лет, 10 стран) почти 60% сообщили, что сильно обеспокоены изменением климата, а более 45% заявили, что чувства по поводу климатического кризиса влияют на их повседневную жизнь². Это подчеркивает: изменение климата — не только физическое, но и психологическое явление, вызывающее предтравматический стресс.

Воздействие климатической тревоги многогранно. С одной стороны, высокий уровень стресса ухудшает психическое здоровье уязвимых групп: исследования связывают восприятие угрозы от изменения климата с тревожностью, депрессией, стрессом и суицидальными мыслями [6]. С другой стороны, это стимулирует

² Four in 10 young people fear having children due to climate crisis. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/sep/14/four-in-10-young-people-fear-having-children-due-to-climate-crisis>

Таблица 2 / Table 2

Типология глобальных когнитивных сдвигов / Typology of Global Cognitive Shifts

Тип / Type	Основные характеристики / Main features	Примеры глобальных когнитивных сдвигов / Examples of global cognitive shifts
Климатическая тревога, экологическое горе и психология кризиса	<ul style="list-style-type: none"> • осведомленность о климатическом кризисе; • непосредственный опыт катастрофы; • освещение в СМИ 	<ul style="list-style-type: none"> • 60% молодых людей во всем мире сообщают о высокой степени тревожности по поводу климата, напряженности в области психического здоровья, активизме и молодежных движениях по изменению климата
Цифровая трансформация и когнитивная перегрузка	<ul style="list-style-type: none"> • повсеместные смартфоны, приложения, алгоритмические ленты; • культура «всегда на связи» 	<ul style="list-style-type: none"> • более короткая продолжительность концентрации внимания; • уязвимость к упрощенным повествованиям; • снижение производительности; • рост тревожности и синдром упущенной выгоды (FOMO)
Изменения в ценностях, мировоззрении, моральных устоях	<ul style="list-style-type: none"> • климатический кризис; • изменение ценностей на глобальном уровне; • социальная справедливость 	<ul style="list-style-type: none"> • молодежь уделяет первостепенное внимание климату и равенству; • социальные переломные моменты в достижении устойчивого развития; • моральный ущерб от бездействия

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ет разговоры о психическом здоровье и устойчивости. В здравоохранении растет понимание, что поддержка психического здоровья должна входить в стратегии адаптации к изменению климата³. Беспокойство за климатический ущерб может мотивировать экологическое поведение и требования изменений в политике. Некоторые ученые утверждают, что определенный уровень «экологического бедствия» способен стимулировать общественные преобразования⁴.

2. Цифровая трансформация и когнитивная перегрузка

За последние два десятилетия смартфоны, интернет и алгоритмически управляемые платформы кардинально изменили обработку информации, фокусировку внимания и общение. Один из аспектов — когнитивная перегрузка в цифровую эпоху. Постоянный поток уведомлений и контента создает «непрерывное частичное внимание»: люди разделяют внимание между потоками информации и не концентрируются на одной задаче.

Эксперименты подтверждают, что чрезмерная многозадачность ведет к поверхностной обработке

информации, снижению памяти и росту стресса [7]. Архитектура цифровой среды (ленты с прокруткой, алгоритмические рекомендации, оповещения) меняет когнитивные привычки глобально. Движущие силы — технологические инновации и дизайн платформ для вовлечения пользователей. Пандемия COVID-19 ускорила цифровую зависимость (удаленка, онлайн-обучение), углубив эти привычки.

Характеристики когнитивных сдвигов цифровой эпохи:

- сокращенная продолжительность концентрации внимания;
- повышенная отвлекаемость;
- когнитивная разгрузка (опора на устройства вместо мозга);
- изменение социального познания через онлайн-сообщества;
- размывание границ между работой и личной жизнью.

3. Изменения в ценностях, мировоззрении и моральных устоях

Эта категория включает эволюцию общественных ценностей и морально-духовных основ в ответ на вызовы. Ценности адаптируются под давлением экологических кризисов, технологических изменений и культурного обмена.

В начале 2020-х гг. заметен сдвиг ценностей на глобальном уровне. Острота климатического кризиса проникла в сознание публики, формируя новую этику

³ Early C. “Quantum leap” needed for climate action. URL: <https://dialogue.earth/en/climate/quantum-leap-needed-for-climate-action-ipcc-ar6>

⁴ Studying social tipping points is hard and messy — humans and our societies are much less predictable than nature. URL: <https://www.uow.edu.au/media/2023/climate-change-can-drive-social-tipping-points-for-better-or-forworse.php>

ответственного отношения к среде, особенно среди молодежи. Опросы показывают: молодое поколение уделяет больше внимания климату и социальной справедливости, чем старшее, — это сдвиг в сторону планетарного благополучия⁵.

Вместе с тем страх и нестабильность способствовали возрождению национализма и ксенофобии в некоторых слоях общества.

Характерные черты когнитивно-культурных сдвигов:

- изменения норм приемлемого поведения;
- новые нарративы (например, борьба с изменением климата как моральная «справедливость»);
- расширение идентичности до планетарного уровня («гражданин мира»);
- интенсификация ценностного дискурса: старые предпосылки (экономический рост, господство над природой) подвергаются сомнению, новые (устойчивость, взаимозависимость) продвигаются, но традиционалистские взгляды сохраняются.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ демонстрирует тесную взаимосвязь глобальных геоклиматических и когнитивных сдвигов, вызванных антропогенным воздействием на планету.

Ключевые выводы о геоклиматических сдвигах

1. Постепенные климатические тенденции (+1,1 °C, повышение уровня моря, закисление океана) влияют на сельское хозяйство, водоснабжение, здоровье человека и экосистемы.

2. Экстремальные погодные явления (волны тепла, наводнения, засухи) становятся чаще, приводя к жертвам и экономическому ущербу.

3. Переломные моменты земной системы (таяние ледников, отмирание лесов Амазонки, коллапс АМОС) угрожают необратимыми изменениями с каскадными эффектами.

⁵ Four in 10 young people fear having children due to climate crisis. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/sep/14/four-in-10-young-people-fear-having-children-due-to-climate-crisis>

4. Изменения в биосфере (обесцвечивание кораллов, сокращение биоразнообразия) нарушают критически важные экосистемные услуги. По данным 2023 г., 6 из 9 планетарных границ уже нарушены.

Ключевые выводы о когнитивных сдвигах

1. Климатическая тревога распространена среди молодежи (60% обеспокоены климатом, 45% отмечают влияние на жизнь), что влияет на психическое здоровье и мотивирует проэкологическое поведение.

2. Цифровая трансформация вызывает когнитивную перегрузку: сокращается концентрация внимания, растет стресс.

3. Эволюция ценностей ведет к росту внимания к устойчивости и справедливости, но сопровождается поляризацией мировоззрений.

Общие закономерности

• Геоклиматические и когнитивные сдвиги взаимосвязаны: изменения климата провоцируют экотревожность, цифровая эпоха меняет восприятие рисков, а сдвиг ценностей влияет на политику адаптации.

• Драйверы — антропогенные факторы: выбросы CO₂, вырубка лесов, цифровая среда.

• Риски нелинейны: преодоление порогов (точек невозврата) может привести к резким изменениям.

Решение глобальных вызовов требует комплексного подхода: прежде всего — разработки интегрированных стратегий, охватывающих климатическую политику, охрану биоразнообразия и поддержку психического здоровья; далее — активизации образования и просвещения в целях формирования устойчивой экокультуры; и, наконец, укрепления международного сотрудничества для минимизации каскадных эффектов. Такой подход позволит системно учитывать как природные, так и социокультурные трансформации. А сдвиги в ценностях и мировоззрении, в свою очередь, зададут нужную траекторию развития: рост солидарности и ответственности станет катализатором перехода к устойчивому будущему.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2026 г. № ФИ-28 «Обеспечение экономического роста в условиях глобальных геоклиматических и когнитивных (духовно-нравственных) сдвигов». Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research conducted with budgetary funding under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2026, No. FI-28, “Ensuring Economic Growth under Conditions of Global Geoclimatic and Cognitive (Spiritual and Moral) Shifts”. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

REFERENCES

1. Erle C. Ellis. The Anthropocene condition: Evolving through social-ecological transformations. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2023;379(1893):20220255. URL: <https://doi.org/10.1098/rstb.2022.0255>
2. Essien O.E. Climate change disinformation on social media: A meta-synthesis on epistemic welfare in the Post-Truth Era. *Social Sciences*. 2025. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25440.60168>
3. Ebi K.L., Vanos J., Baldwin J.W., Bell J.E., Hondula D.M., Errett N.A., Hayes K., Reid C.E., Saha S., Spector J., Berry P. Extreme weather and climate change: Population health and health system implications. *Annual Review of Public Health*. 2021;42(1). URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-012420-105026>
4. Lenton T.M., Rockström J., Gaffney O.G., Rahmstorf S., Richardson K., Steffen W., Schellnhuber H.J. Climate tipping points – too risky to bet against. *Nature*. 2019.575(7784):592–595. URL: <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03595-0>
5. Richardson K., Steffen W., Lucht W., Bendtsen J., Cornell S.E., Donges J.F., Drüke M., Fetzer I., Bala G., Rockström J. Earth beyond six of nine planetary boundaries. *Science Advances*. 2023;9(37). URL: <https://doi.org/10.1126/sciadv.adh2458>
6. Ansari E., Kar S.K. Mental health amid climate crisis: A narrative review. *Indian Journal of Psychiatry*. 2024;66(11):987–996. URL: https://doi.org/10.4103/indianjpsychiatry.indianjpsychiatry_526_24
7. Shanmugasundaram M., Tamilarasu A., The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: A review. *Frontiers in Cognition*. 2023;2. URL: <https://doi.org/10.3389/fcogn.2023.1203077>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Данила Дмитриевич Степанюк — стажер-исследователь Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Danila D. Stepanyuk — Research Intern at the Institute of Global Studies at the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation <https://orcid.org/0009-0003-6215-2130>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
Danila-st2003@mail.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, декан факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Political Science at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>
pseleznev@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.09.2025; после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 11.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 17.09.2025; revised on 20.01.2026; accepted for publication on 11.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Методологический анализ проблематики и понятия лингвистической безопасности

В.М. Родачин

Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема лингвистической безопасности (ЛБ) как актуального теоретического и практического феномена, требующего глубокой научной проработки и систематизации терминологического аппарата. Автор анализирует парадоксальную ситуацию: несмотря на значительное число теоретических исследований по проблематике ЛБ с начала 2000-х гг., термин до сих пор не получил правовой формализации и не закреплен в стратегических документах РФ — включая утвержденные в июле 2025 г. «Основы государственной языковой политики Российской Федерации». В работе прослеживается эволюция понятия ЛБ — от первоначальной трактовки М.В. Горбаневского (2002 г.) как ответственности журналистов за высказывания в СМИ до более широких современных интерпретаций, включающих защиту языка от вытеснения, противодействие культурно-лингвистической экспансии, обеспечение коммуникативных норм и т.д. Особое внимание уделяется разграничению сфер лингвистической безопасности и лингвокультуры: если первая связана с реальными и потенциальными угрозами языку и языковым отношениям в обществе, то вторая охватывает вопросы культурно-языковых норм, культуры речи и речевой этики. Выделено два подхода к пониманию ЛБ: *узкий* — защита языка от вытеснения другими языками, сохранение норм литературного языка, противодействие лингвистической экспансии; *широкий* — включение вопросов языковой политики, коммуникативных норм, речевых правонарушений и языковых конфликтов. В статье критически анализируются различные классификации ЛБ (как части информационной, семантической, когнитивной, национальной безопасности) и аргументируется позиция, согласно которой наиболее обоснованным является отнесение ЛБ к цивилизационной безопасности. Язык, наряду с культурой и господствующим верованием, рассматривается как фундаментальная основа цивилизации, а его защита — как элемент устойчивости российской цивилизационной идентичности. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости методологического упорядочивания понятийного аппарата в сфере ЛБ; четкого разграничения смежных понятий (лингвосоциальная безопасность, лингвосоциокультурная безопасность и др.); разработки стратегических документов, закрепляющих статус и механизмы обеспечения лингвистической безопасности в России.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность; лингвокультура; языковая политика; цивилизационная безопасность; языковые угрозы; защита языка; коммуникативные нормы; терминологический аппарат; национальная идентичность; языковая идентичность

Для цитирования: Родачин В.М. Методологический анализ проблематики и понятия лингвистической безопасности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):48-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-48-58

Methodological Analysis of the Problems and Concepts of Linguistic Security

V.M. Rodachin

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article addresses the issue of linguistic security (LS) as a relevant theoretical and practical phenomenon that requires in-depth scholarly examination and systematisation of the terminological framework. The author analyses a paradoxical situation: despite a considerable number of theoretical studies on LS since the early 2000s, the term has not yet received legal formalisation and is not enshrined in Russian strategic documents — including the *Foundations of the State Language Policy of the Russian Federation*, approved in July 2025. The paper traces the evolution of the concept of LS — from M.V. Gorbanevsky's original interpretation (2002) as journalists' responsibility for statements in the media to

broader contemporary interpretations, which include protecting the language from displacement, countering cultural-linguistic expansion, ensuring communicative norms, and so on. Particular attention is paid to distinguishing between the domains of linguistic security and linguoculture: while the former is associated with actual and potential threats to the language and linguistic relations in society, the latter covers issues of cultural-linguistic norms, speech culture, and verbal ethics. The author identifies two approaches to understanding LS: narrow approach – protecting the language from displacement by other languages, preserving the norms of the literary language, and countering linguistic expansion; broad approach – incorporating issues of language policy, communicative norms, speech offences, and language conflicts. The article critically analyses various classifications of LS (as part of information, semantic, cognitive, and national security) and argues that the most justified approach is to classify LS as part of civilisational security. Language, along with culture and the dominant belief system, is viewed as a fundamental foundation of civilisation, and its protection is seen as an element of the stability of Russian civilisational identity. Based on the analysis, the author concludes that there is a need for: methodological streamlining of the conceptual framework in the field of LS; clear delimitation of related concepts (linguo-social security, linguo-sociocultural security, etc.); development of strategic documents that would establish the status and mechanisms for ensuring linguistic security in Russia.

Keywords: linguistic security; linguoculture; language policy; civilisational security; language threats; language protection; communicative norms; terminological framework; national identity; linguistic identity

For citation: Rodachin V.M. Methodological analysis of the problems and concepts of linguistic security. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):48-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-48-58

СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС ТЕРМИНА «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Тема «лингвистическая безопасность» (далее — ЛБ) имеет актуальное теоретическое и практическое значение, поскольку наряду с практически значимыми вопросами обеспечения ЛБ, требующими неотложного решения, остро ощущается недостаток ее глубокой теоретической проработки, систематизации терминологически-понятийного аппарата [1].

Обращает на себя внимание парадоксальная ситуация, связанная, с одной стороны, со значительным числом теоретических работ, написанных по проблематике ЛБ с начала 2000-х гг. по настоящее время, и, с другой стороны, с отсутствием правовой формализации термина «ЛБ», его общепризнанного юридического статуса. Нет ни одного правового акта, документа стратегического планирования, в котором бы применялся термин «ЛБ». Специалистами отмечается в этой связи «отсутствие глубоких научных изысканий в области правового аспекта и обоснования языковой (лингвистической) безопасности», а также назревшая потребность в «документе стратегического планирования, посвященном языковой безопасности» [2].

В июле 2025 г. Президентом России были утверждены «Основы государственной языковой политики Российской Федерации». Однако этот документ стратегического планирования, направленный на «сохранение, развитие и поддержку русского языка, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации, продвижение русского языка в мире», а также определяющий «современное состояние, цели, основные принципы реализации

и задачи государственной языковой политики Российской Федерации», не содержит ни термина «ЛБ», ни положений, раскрывающих его содержание.

В октябре 2022 г. заместителем секретаря Совета Безопасности Российской Федерации О. Храмовым было заявлено о планировании разработки концепции «обеспечения лингвистической безопасности», которая позволит предотвратить «латинизацию российского общества» и сохранить суверенитет страны. Но то ли угроза латинизации была преувеличена, то ли иная проблематика лингвобезопасности не нашла осознания на официальном уровне, то ли вследствие других причин, но данная концепция так и не вышла в свет из стен Совбеза¹.

Недостаточное внимание властных структур к теме ЛБ, вероятно, объясняется как неопределенностью той реальности, которая обозначается данным термином в толкованиях различных авторов, так и нерешенностью фундаментальных теоретико-методологических проблем, относящихся к исследуемому явлению.

ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МНОГООБРАЗИЕ ТРАКТОВОК

Изначально (в 2002 г.) основоположник термина «лингвистическая безопасность» — президент Гильдии экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), профессор, доктор филологических наук М.В. Горбаневский —

¹ URL: <https://vm.ru/news/1004128-v-sovbeze-soobshili-o-razrabotke-koncepcii-obespecheniya-lingvisticheskoy-bezopasnosti?ysclid=mmknpwcaae610808710>

ввел его в оборот для обозначения ответственности журналистов за свои высказывания, написанные или произнесенные в СМИ, причем ответственности не только морально-этической, но и гражданской, административной, а то и уголовной.

Суть ЛБ выражала фраза, вынесенная в заголовок его работы: «Будь осторожен, выбирая слово!» [3]. Речь идет, прежде всего, о недопустимости бранной лексики, оскорблений и клеветы, экстремистских высказываний, пропаганды расового, национального и иного превосходства над людьми и народами, разжигания милитаристской риторики, вербальной агрессии, прибегания к риторической манипуляции [4] в различных видах политической, межнациональной, деловой и иной письменной и речевой коммуникации [5]. Сама же ЛБ соотносилась с противодействием речевой агрессии и с залогом толерантности в коммуникациях, и прежде всего в СМИ [6].

В дальнейших исследованиях содержание ЛБ расширилось, и термину стали придавать другие значения:

- состояния текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю [7];
- борьбы с культурно-лингвистической экспансией Запада как одной из непосредственных угроз языковой безопасности России [8];
- языковой политики [9];
- обеспечения коммуникативных и языковых норм [10];
- речевых правонарушений и языковых конфликтов, девиантного коммуникативного поведения [11, 12];
- защиты русского языка [13];
- одного из факторов безопасности многонациональной России [14];
- фактора обеспечения устойчивого развития Российской Федерации [15];
- вида безопасности в системе национальной безопасности России [2] и т.д.

Как отмечает доктор филологических наук О.И. Колесникова, «нарушения лингвистической безопасности в сетевом дискурсе несовершеннолетних связаны с экстралингвистическими факторами: языковой молодежной модой с ее ориентацией на субстандарт, а также намеренным девиантным речевым поведением носителей языка возрастной группы 15–17 лет как следствием трансформации коллективного языкового сознания» [16].

Изучение всего круга перечисленных проблематик, относимых разными авторами к предмету ЛБ,

показывает, что в действительности имеет место смешение предметных областей лингвобезопасности, с одной стороны, и лингвокультуры — с другой. «Понятие „лингвокультуры“, будучи относительно новым в научном дискурсе, имеет различные толкования, обусловленные исследовательскими задачами» [17]. Однако в главном оно отражает взаимосвязь культуры и языка («язык — орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер» [18]).

Язык «в силу своей орудийной природы закрепляет в инвентаре культурозначимые смыслы и способы размышления о них, делает его максимально удобным именно для выражения этих смыслов» [19]. В коммуникативном плане «язык как система должен обладать необходимым и достаточным набором единиц и правил их сочетания для успешной коммуникации, предметами которой могут служить как объекты материальной и идеальной действительности, так и взаимодействие между индивидами» [20]. И с этой точки зрения проблематика ответственности за свои высказывания, о которой говорил М.В. Горбаневский, коммуникативных и языковых норм, речевых правонарушений и т.д. — это сфера лингвокультуры (далее — ЛК), а не ЛБ.

Учитывая различия между ними, следует, прежде всего, отграничить проблематику первой от второй. Они, безусловно, взаимосвязаны, обуславливают друг друга, но не являются тождественными. В сфере ЛК решаются проблемы культурно-языковых норм правильного [21] литературного языка и культуры речи, а также норм речевой этики, соблюдение которых гарантирует от каких-либо провокаций и конфликтов в отношениях людей, исключает обиды, недомолвки, взаимную враждебность. То есть лингвокультура создает предпосылки лингвобезопасности, сфера которой детерминирована возможными и реальными угрозами языку, языковым отношениям в обществе и в межгосударственных отношениях.

УЗКОЕ И ШИРОКОЕ ПОНИМАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследование проблем ЛБ, как показывает проведенный анализ, нуждается в методологическом упорядочивании, в уточнении объектно-предметной области и существующего понятийного аппарата.

Обобщение существующих представлений о ЛБ в отечественной литературе на основе вычлене-

ния ее объекта, с которым связана и предметная область данной безопасности, позволяет их свести к двум основным взглядам — узкому и широкому.

В первом случае объектом ЛБ выступает собственно язык, а предметом — его защита от вытеснения другими, более распространенными и востребованными в употреблении языками; предохранение от «расшатывания норм литературного языка как внутренней угрозы для языка, влекущей нарушение его целостности и способности к саморазвитию и саморегулированию» [22]; противодействие лингвистической экспансии в сферу межнационального общения [23]; предотвращение процесса умирания языка, его перехода из статуса «живого» в статус «мертвого» языка.

С распадом СССР реальностью стала угроза вытеснения русского языка и русской культуры из республик, вышедших из состава СССР, или дерусификации. Дерусификация обычно начинается с вытеснения русского языка из сферы госуправления. Ее расширению способствует перевод всех СМИ, сферы образования и других областей общественных отношений на язык титульной нации.

Так, в Узбекистане за 30 лет языковая ситуация изменилась кардинально. В стране выросло новое поколение, которое не знает русского языка. В конце 2022 г. сейм Латвии узаконил все преподавание в школах на латышском языке, хотя русскоязычных учеников в Латвии — около 25%.

О ситуации с русским языком на постсоветском пространстве можно косвенно судить по данным справочника по языкам мира *Ethnologue*².

На ситуацию во многом влияет различный статус русского языка (см. *таблицу*): в Беларуси он признан государственным (вместе с белорусским), в Казахстане и Киргизии — официальным (используется наряду с государственным языком в различных учреждениях), в Таджикистане — языком межнационального общения.

Достаточно острой сегодня является проблема вымирающих языков как в мире в целом, так и в Российской Федерации [24].

² Русский язык в бывших советских республиках. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5875938?ysclid=mmknykfloq98900418>; <https://www.ethnologue.com/language/rus/>

Таблица / Table

Доля жителей бывших советских республик, владеющих русским языком (2023, %) / Share of residents of former Soviet republics who speak Russian (2023, %)

Республика / Republic	Как родным языком / As a native language	Как вторым языком / As a second language
Беларусь	72	3
Латвия*	38	н/д
Украина	35	60
Эстония	29	56
Казахстан	16	79
Узбекистан	14	н/д
Туркменистан	12	н/д
Киргизия	9	34
Молдавия	8	44
Литва	7	86
Азербайджан	1	47
Грузия	1	63
Армения	1	54
Таджикистан	1	н/д

Источник / Source: составлено автором по данным «Коммерсантъ» и *Ethnologue* / Compiled by the author based on data from *Kommersant* and *Ethnologue*.

Примечание / Note: * Для Латвии данные центрального статистического управления республики / For Latvia, data from the Central Statistical Office of the Republic.

Всего в мире, по оценкам ЮНЕСКО, насчитывается 8324 языка, из них около 7 тыс. в обращении, остальные уже не используются. Более 40% населения Земли (3,6 млрд чел.) говорят на 20 ведущих международных языках. Таким образом, активно задействовано лишь 0,3% мирового языкового богатства.

Самые распространенные языки — английский и китайский. В десятку входит и русский.

Всего под угрозой исчезновения находятся 44% от общего числа языков мира, которые имеют менее 1 тыс. носителей каждый³. На территории России находится в опасности 131 язык из более 270 существующих языков и диалектов⁴.

Методологически не вполне обосновано еще одно узкое понимание лингвобезопасности, связанное с выделением такого ее объекта, как сознание личности. А его защита от нежелательных языковых воздействий составляет предмет безопасности.

Так, лингвобезопасность в узком смысле слова — отмечает доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института Пушкина П. Катъшев — это защита от воздействий на сознание при помощи языковых средств и знаковых систем⁵.

Данный предмет в понимании докторов филологических наук Г.Г. Слышкина (директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ») и Л.Е. Малыгиной (профессор Высшей школы (факультета) телевидения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова») составляет «минимизация травматического эффекта, оказываемого на адресанта, адресата, героя текста, потенциальная конфликтогенность которого практически стремится к нулю» [25].

Сомнение в правомерности подобного подхода можно выразить только одним вопросом: почему и на каком основании речь идет о лингвобезопасности (дословно означающей безопасность языка), а не о безопасности сознания личности?

Следует отметить, что в решении проблем лингвобезопасности есть одна существенная загвоздка. Когда речь идет о «живом» языке, то его сложно

отделить от носителей языка. Тем более что угрозы безопасности касаются не только языка, но и в гораздо большей степени его носителей, которых политически и экономически дискриминируют, ставят в положение изгоев и даже физически истребляют в обстановке политики геноцида.

Как известно, с 2014 г. в Украине проводится политика запрета русского языка. Напомним, что на второй день после государственного переворота в Киеве — 23 февраля 2014 г. — захватившие власть отменили закон «Об основах государственной языковой политики», закреплявший за регионами право наделять отдельные языки, в том числе русский, статусом региональных. Этот шаг спровоцировал отделение от Украины Крыма, где до 90% населения говорило на русском, и Донбасса, где русский в повседневном общении использовало более 80% жителей⁶.

В июле 2021 г. Конституционный суд Украины вынес вердикт, что «русских как отдельной национальной группы в стране не существует», и они не имеют права на юридическую защиту как этническая или языковая единица. В итоге миллионы жителей Украины были объявлены «политическим конструктом» и окончательно потеряли право на родной язык.

21 октября 2022 г. секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины Алексей Данилов заявил, что русский язык «должен исчезнуть с территории Украины вообще как элемент враждебной пропаганды и промывки мозгов населения»⁷.

С учетом социально-субъектной стороны проблематики языковой безопасности точнее следует говорить не о лингвобезопасности, а о лингвосоциальной безопасности (далее — ЛСБ).

Хотя рядом авторов высказываются представления о лингвобезопасности в широком смысле как о «комплексе мер по защите интересов государства, общества и личности в коммуникативном пространстве, противостоянию деструктивным информационным потокам с использованием арсенала средств лингвистической экспертизы»⁸.

⁶ Логинов В. Узурпация власть: 15 статей Конституции, которые нарушила Украина. Известия. URL: <https://iz.ru/1651547/valentin-loginov/uzurpatciia-vslast-15-statei-konstitutcii-kotorye-narushila-ukraina?ysclid=mmkm8yy03b48876821>

⁷ Глава СНБО заявил, что русский язык с Украины должен «исчезнуть вообще». РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/10/2022/6352a7b49a7947f3b9632b73?ysclid=mmkgmwnx3e311766817>

⁸ Научно-исследовательская лаборатория «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия». URL: <https://ilns.ranepa.ru/lingvolab/>

³ Языки счет любят. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7497443>

⁴ Сколько в России языков. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7941093?ysclid=mmkghnfboq811986251>

⁵ Катъшев П. «Говорим по-русски» о лингвобезопасности. URL: <https://m.ok.ru/group/70000000869724/topic/155432517967196>

Такой подход, строго говоря, нельзя считать научно обоснованным, поскольку его объектно-предметная область выходит за рамки безопасности только языка и затрагивает вопросы общественных отношений по поводу языка, его государственного или иного статуса, проводимой государством языковой политики, безопасности носителей языка и др.

Высказывается мнение о необходимости введения в оборот понятия «лингвосоциокультурной безопасности» (ЛСКБ), которое еще не концептуализировано в науке [26].

В понимании доктора культуроведения В.А. Ремизова и кандидата филологических наук Н.А. Янковой, словосочетание «лингвосоциокультурная безопасность» является методологически более предпочтительным и понятийно оправданным, поскольку предполагает выработку не узкоспециального (лингвистического), а междисциплинарного подхода, охватывает не только язык, но и мир социального, социокультурные отношения.

Таким образом, ЛСКБ определяется данными авторами как «способность социального субъекта сохранять социокультурные отношения, сложившиеся в пределах определенной социальной системы, посредством сохранения и развития языков (прежде всего национального языка и этнического языка) как источников, исторически структурирующих духовные основания таких отношений» [26]. Подобная позиция заслуживает внимания, но требует конкретизации с точки зрения объектов безопасности и угроз им.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И РОДО-ВИДОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Углублению понимания ЛБ, ЛСБ, ЛСКБ будет способствовать методологически правильное определение данных понятий на основе соблюдения требований формальной логики. В этом плане в литературе практически отсутствуют научные определения данных понятий. Дело в том, что их авторы раскрывают только содержательные признаки. Но понятие как форма мышления в логике имеет две стороны: содержание и объем. И эта вторая сторона не освещается. Для характеристики объема понятия следует указать на его связь с более общим — родовым понятием. То есть найти его место в классе однородных явлений. Применительно к ЛБ до сих пор не ясно, к роду какой именно безопасности она относится. По этому поводу высказываются различные мнения.

Ряд авторов рассматривает ЛБ как вид информационной безопасности. В частности, Л.Г. Лисиц-

кая считает «актуальным выделение лингвобезопасности как части информационной безопасности страны» [27].

Е.С. Палеха включает ЛБ в класс «информационно-коммуникативной безопасности», обосновывая «лингвистическую безопасность информационно-коммуникационной среды», под которой он понимает «состояние относительной защищенности индивидуального языкового сознания от воздействия текстов/сообщений, не входящих в поле коммуникативной желательности данной языковой личности и способных вызвать негативный эмоциональный эффект» [28].

С учетом компонента семантики в структуре лингвистики отдельные авторы относят ЛБ к семантической безопасности: «Владеть языком — это значит владеть его семантикой, т.е. значением слов и сочетаний слов. Носители языка овладевают языком для того, чтобы получать и передавать, соответственно оформляя, полученные знания» [29].

С этих позиций высказывается взгляд о ЛБ как виде когнитивной безопасности. «Выход на первый план информационной сферы как места столкновения интересов и отдельных общественных групп, и государств, и международных альянсов, — отмечает кандидат филологических наук С.М. Соболева, — привел к пересмотру роли слова в жизни человечества и формированию в российском экспертном и научном сообществе концепции лингвокогнитивной безопасности как защиты ментального пространства, обеспечивающего устойчивость исторической общности, называемой „Российская Федерация“» [30].

И действительно, сегодня недругами России с помощью семантических манипуляций предпринимаются активные попытки исказить суть ключевых для россиян и для нашей идентичности понятий: «Русь», «Россия», «славянская основа российского государства» и других.

Так, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман (ДУМ) России, ректор Московского исламского института (МИИ) Дамир Мухетдинов в докладе 14 ноября 2024 г. на II Международной научной конференции «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике» представил фальсифицированный вариант истории России, в которой русским отводится роль случайных пассажиров.

И первым делом Мухетдинов оспорил основополагающий постулат академической исторической науки о том, что «историю Российского государства принято выводить из истории Древ-

ней Руси, а следовательно, из истории древних славян».

Исламский функционер уверен, что верить нужно не Нестору, «которому принято чрезмерно доверять из-за почвеннических устремлений», а запискам современников — неких неназванных «арабских географов X века», которые застали славян «под властью хазар и скандинавов».

Также он отметил, что наряду со славянами русскую государственность якобы создавали и тюркские народы — болгары и авары, а также гунны, которые якобы упоминаются ранее славян. А Хазарский каганат — это едва ли не первый «хозяин» славян, которому они якобы подчинялись и который словно бы дал им нечто вроде общности.

Отсюда главный вывод: «Россия — исторически не земля русских»⁹.

Эту позицию критиковал известный историк Евгений Спицын, автор «Полного курса истории России IX–XX вв.»: «Хазария вообще никакого отношения к нашей стране не имела. Да, какое-то время они владели южными землями Древней Руси. Есть информация в источниках, что, например, киевляне были данниками хазар. Но какое это отношение имело, собственно говоря, к русской государственности? Абсолютно никакого. То же самое касается Золотой Орды. Да, у нас были отношения с Ордой. Но опять-таки русские земли выступали данниками. Если бы это было не так, то трудно объяснить многочисленные походы и сражения русских князей — Дмитрия Донского, Юрия Московского, да и других наших государей. Нет, это абсолютно ложные постулаты»¹⁰.

Многие эксперты рассматривают ЛБ как вид национальной безопасности (НБ) России: «Лингвистическую безопасность мы представляем, — пишет Ю.Н. Бирюкова, — как составную часть национальной безопасности государства, хотя это и не закреплено на законодательном уровне» [22].

Ф.С. Фролов исходит из того, что культурно-лингвистическая экспансия является угрозой для НБ России [31].

«Языковая (лингвистическая) безопасность, — по мнению К.В. Алексеева, — имеет гораздо большее значение, чем другие виды НБ», поскольку «государственный язык обеспечивает единство, межнациональное общение, определяет сознание и осо-

бенности менталитета». Однако «то место, которое отведено языковой безопасности среди других видов национальной безопасности, не отвечает современным требованиям», не имеет долгосрочных планов обеспечения и реализации [2].

На наш взгляд, отнесение ЛБ к виду НБ вызывает ряд сомнений.

Во-первых, язык, в том числе государственный, не является краеугольным элементом как нацигосударства, так и НБ, не выступает экзистенциальной угрозой существования определенной страны. Английский язык является государственным или официальным не только в Великобритании, но и в Индии, Ирландии, Новой Зеландии, Канаде, Филиппинах, США, Нигерии, Южной Африке, Кении, Гане, Уганде, Замбии, Ботсване и других странах. Трудно понять, с какой именно национальной безопасностью он связан.

Во-вторых, прекращение существования ни одной страны не было вызвано лингвистическими угрозами. Страны претерпевали крах, государства исчезали с политической карты мира, но языки, имевшие государственный статус и не утратившие его, продолжали существовать. Примером могут служить СССР (русский язык), ГДР (немецкий язык), Югославия (сербохорватский язык) и т.д.

Наиболее приемлемым родом безопасности как языка, включая его семантическую составляющую, так и носителей языка, на наш взгляд, является цивилизационная безопасность. Язык, наряду с культурой и господствующим верованием, является одной из фундаментальных основ цивилизации [32]. Он сохраняет свою ключевую роль в существовании и современной российской цивилизации [33].

Тем более что «в языке, посредством языка, за язык и против языка в настоящее время вполне оформленно реализуются процессы противоборства. Безопасность российской цивилизации испытывает воздействие, в том числе в языковом измерении, и в настоящее время это направление влияния специалистами оценивается как все более существенное, неразрывно связанное с другими типами безопасности» [34].

ВЫВОДЫ

Таким образом, ЛБ является актуальным, но еще недостаточно изученным явлением и понятием.

Тесная связь многогранной проблематики языка, языковых коммуникаций и отношений в обществе с проблемами культуры требует четкого разграничения сфер лингвобезопасности и лингвокультуры.

⁹ «Это не ваша земля»: Муфтий-отщепенец отказал русским в праве на Россию. Первый русский Царьград. URL: https://tsargrad.tv/investigations/jeto-ne-vasha-zemlja-muftij-otshhepenec-otkazal-russkim-v-prave-na-rossiju_1089457?ysclid=mmklsscpo833398400

¹⁰ Спицын Е. Откуда пошла Русь. Историк. 2016.

Многогранность аспектов самой сферы лингвобезопасности порождает множество сопутствующих, но не тождественных ей терминов: социолингвобезопасности, социолингвокультурной безопасности, лингвокогнитивной безопасности, информационно-лингвистической безопасности и т.д. Все они нуждаются в более строгом упорядочении и обоснованном соотношении.

Научное определение понятия ЛБ требует раскрытия не только его содержательной сторо-

ны, но и объема, что предполагает отнесение ЛБ к родовому классу однородных явлений. Национальная безопасность России не включает в себя в качестве вида ЛБ. Наиболее приемлемым в этом отношении является род цивилизационной безопасности, видом которого является ЛБ, а точнее говоря — лингвоцивилизационная безопасность.

Возрастает значение обеспечения лингвобезопасности в рамках цивилизационной безопасности России в условиях цивилизационного противостояния с Западом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харазия Е.Т., Конурбаев М.Э. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. *Вестник Евразийской науки*. 2023;15(1):29. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/56FLSK123.pdf>
2. Алексеев К.В. Языковая (лингвистическая) безопасность в системе национальной безопасности России. *Русская филология и национальная культура*. 2023;1(6):1-8. URL: <https://doi.org/10.37724/z8016-2905-1967-1>
3. Горбаневский М.В. Будь осторожен, выбирая слово! В сб.: Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Москва: Галерея; 2002.
4. Морозова А.А., Антропова В.В. Тексты социальных сетей с точки зрения медиабезопасности: лингвоэкологический, культурно-речевой аспект. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;20(375):17-22. URL: <https://www.elibrary.ru/vjmgkb>
5. Никова Л.О. Проблема лингвистической безопасности в деловом общении. *Научный лидер*. 2022;3(48):41-43. URL: <https://www.elibrary.ru/zymmfj>
6. Горячева О.Н., Гунько О.Г. Лингвистическая безопасность — залог толерантности в СМИ. *Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация*. 2016;6(73):42-50. URL: <https://www.elibrary.ru/ygwvrv>
7. Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2012;1:24-29. URL: <https://www.elibrary.ru/oooobh>
8. Звездин Л.А. К проблематике лингвистической безопасности России: философские аспекты языковой гегемонии Запада. *Вестник ВГУ*. 2016;3(21):50-59. URL: <https://www.elibrary.ru/xayglp>
9. Савченко И.А., Устинкин С.В. Языковая политика и лингвистическая безопасность. *Власть*. 2020;6:286-291. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7797>
10. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке. *Мир русского слова*. 2017;3:28-32. URL: <https://www.elibrary.ru/zqybh>
11. Богомазова В.В. Деструктивное общение в сети Интернет (на примере жанра интернет-комментарий). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022;1(164):225-230. URL: <https://www.elibrary.ru/toticq>
12. Строителев Н.М. Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения. *Ученые заметки ТОГУ*. 2013;4(4):663-668. URL: https://dm.togudv.ru/media/2013/TGU_4_141.pdf
13. Колин К.К., Кошкин Р.П., Сибиряков П.Г. Лингвистическая безопасность России и проблемы защиты русского языка. *Стратегические приоритеты*. 2019;1(21):91-128. URL: <https://www.elibrary.ru/dyadqr>
14. Грицко М.И. Лингвистическая безопасность — один из факторов безопасности многонациональной России. *Идеи и идеалы*. 2011;1(3(9)):63-71. URL: <https://www.elibrary.ru/oikphf>
15. Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации. *Власть*. 2015;23(10):32-41. URL: <https://www.elibrary.ru/umyehr>
16. Колесникова О.И. Особенности речи несовершеннолетних в современном онлайн-дискурсе: проблема лингвистической безопасности русского языка. *Филологические науки*. 2025;5(1):31-38. URL: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-25.031>
17. Федоров М.А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014;6-2:83-86. URL: <https://www.elibrary.ru/sbwwor>

18. Агапова И.Э. Язык как хранитель культур. *Декоративно-прикладное искусство и образование*. 2015;1(12):1-5. URL: <https://www.elibrary.ru/zrxzgx>
19. Федоров М.А. От лингвистической относительности к относительности культурной. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология*. 2013;2(23):181-185. URL: <https://www.elibrary.ru/rbwozz>
20. Федоров М.А. Язык как феномен культуры. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013;6:291-295. URL: <https://www.elibrary.ru/qcrckh>
21. Головин Б.Н. О качествах хорошей речи. *Русский язык в школе*. 1962;2.
22. Бирюкова Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте. *Правовая культура*. 2011;2(11):67-72. URL: <https://www.elibrary.ru/owuxrx>
23. Никонова Ж.В., Попова Т.Г. Лингвистическая безопасность как особый объект языкознания. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2024;1(650):73. URL: <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-73-85>
24. Осмаев М.К., Барзаева Б.Б., Хожалиева П.С. Исчезновение языков — проблема века. *Universum: филология и искусствоведение*. 2022;11(101):18-21.
25. Слышкин Г.Г., Мальгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений. *Верхневолжский филологический вестник*. 2022;1(28):64-69. URL: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-64-69>
26. Ремизов В.А., Янкова Н.А. Лингвосоциокультурная безопасность общества: обоснование понятия. *Вестник МГУКИ*. 2016;5(73):58-59. URL: <https://www.elibrary.ru/xsbxxb>
27. Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: филология и искусствоведение*. 2009;1:94. URL: <https://www.elibrary.ru/knvijn>
28. Палеха Е.С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2019;5(6):117-126. URL: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126>
29. Мачай Т.А. Лингвистическая безопасность языка в условиях интернет-общения специалистов. В сб: *Современные тенденции и инновации в науке и производстве*. Междуреченск. 2022;322.1-322.7 URL: <https://www.elibrary.ru/viwwfe>
30. Соболева С.М. Задачи и возможности лингвистической экспертизы в контексте лингво-когнитивной безопасности страны. *Известия Восточного института*. 2020;3:41-47. URL: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47>
31. Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия — угроза национальной безопасности России. Монография. Москва: Маска; 2014.
32. Мурадов Г. Язык — основа цивилизации. *Этнодиалоги*. 2012;4(41):47-49. URL: <https://www.elibrary.ru/xctfmx>
33. Кригер Б. Язык как основа цивилизации: аудиокнига. URL: <https://proza.ru/2025/03/30/141>
34. Звездин Л.А. Цивилизационная безопасность России в языковом измерении: сущность и обеспечение в современных условиях. Дис. ... канд. филос. наук. Москва: Военный университет Министерства обороны РФ; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/yrdvpg>

REFERENCES

1. Kharaziya E. T., Konurbaev M.E. Actual problems of linguistic security. *Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(1):29. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/56FLSK123.pdf> (In Russ.).
2. Alekseev K.V. Linguistic (linguistic) security in the Russian national security system. *Russian Philology and National Culture*. 2023;1(6):1-8. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.37724/z8016-2905-1967-1>
3. Gorbanevsky M.V. Be careful when choosing a word! In collection: *The price of a word: From the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation*. Moscow: Galeria; 2002. (In Russ.).
4. Morozova A.A., Antropova V.V. Texts of social networks from the point of view of media security: Linguoecological, cultural and speech aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2015;20(375):17-22. URL: <https://www.elibrary.ru/vjmgkb> (In Russ.).
5. Nikova L.O. The problem of linguistic security in business communication. *Scientific Leader*. 2022;3(48):41-43. URL: <https://www.elibrary.ru/zymmfp> (In Russ.).

6. Goryacheva O.N., Gunko O.G. Linguistic security is the key to tolerance in the media. *Socio-Economic and Technical Systems: Research, Design, Optimization*. 2016;6(73):42-50. URL: <https://www.elibrary.ru/ygwvvpv> (In Russ.).
7. Trofimova G.N. Linguistic security: Towards the problem of interpretation. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*. 2012;1:24-29. URL: <https://www.elibrary.ru/oooobh> (In Russ.).
8. Zvezdin L.A. On the problems of linguistic security in Russia: Philosophical aspects of the linguistic hegemony of the West. *VSU Bulletin*. 2016;3(21):50-59. URL: <https://www.elibrary.ru/xayglp> (In Russ.).
9. Savchenko I.A., Ustinkin S.V. Language policy and linguistic security. *Power*. 2020;6:286-291. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7797>
10. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Linguotoxic phenomena in speech and language. *The World of the Russian Word*. 2017;3:28-32. URL: <https://www.elibrary.ru/zqyqbh> (In Russ.).
11. Bogomazova V.V. Destructive communication on the Internet (using the example of the Internet commentary genre). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022;1(164):225-230. URL: <https://www.elibrary.ru/toticq> (In Russ.).
12. Stroitelev N.M. Trolling as a type of provocative speech behavior. *Academic notes of TOGU*. 2013;4(4):663-668. URL: https://dm.togudv.ru/media/2013/TGU_4_141.pdf (In Russ.).
13. Kolin K.K., Koshkin R.P., Sibiryakov P.G. Linguistic security of Russia and problems of protection of the Russian language. *Strategic Priorities*. 2019;1(21):91-128. URL: <https://www.elibrary.ru/dyadqp> (In Russ.).
14. Gritsko M.I. Linguistic security is one of the security factors of multinational Russia. *Ideas and ideals*. 2011;1(3(9)):63-71. URL: <https://www.elibrary.ru/oikphf>
15. Zhigalev B.A., Ustinkin S.V. Linguistic security as a factor of ensuring sustainable development of the Russian Federation. *Power*. 2015;23(10):32-41. URL: <https://www.elibrary.ru/umyehr> (In Russ.).
16. Kolesnikova O.I. Peculiarities of speech of minors in modern online discourse: The problem of linguistic security of the Russian language. *Philological Sciences*. 2025;5(1):31-38. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-25.031>
17. Fedorov M.A. The term "Linguoculture" in the aspect of cultural theory. *Bulletin of the Buryat State University*. 2014;6-2:83-86. URL: <https://www.elibrary.ru/sbwwor> (In Russ.).
18. Agapova I.E. Language as a guardian of cultures. *Decorative and applied arts and education*. 2015;1(12):1-5. URL: <https://www.elibrary.ru/zrxzgx> (In Russ.).
19. Fedorov M.A. From linguistic relativity to cultural relativity. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series: Philology*. 2013;2(23):181-185. URL: <https://www.elibrary.ru/rbwozz> (In Russ.).
20. Fedorov M.A. Language as a cultural phenomenon. *Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2013;6:291-295. URL: <https://www.elibrary.ru/qcrckh> (In Russ.).
21. Golovin B.N. On the qualities of good speech. *Russian language at school*. 1962;2. (In Russ.).
22. Biryukova Yu.N. Linguistic security and language policy in the modern Russian context. *Legal Culture*. 2011;2(11):67-72. URL: <https://www.elibrary.ru/owuxrx> (In Russ.).
23. Nikonova Zh.V., Popova T.G. Linguistic security as a special object of linguistics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov*. 2024;1(650):73. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-73-85>
24. Osmaev M.K., Barzayeva B.B., Khozhaliyeva P.S. The disappearance of languages is a problem of the century. *Universum: Philology and Art Criticism*. 2022;11(101):18-21. (In Russ.).
25. Slyshkin G.G., Malygina L.E., Pavlova E.S. Linguistic security in the aspect of value, ideological and social changes. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2022;1(28):64-69. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-64-69>
26. Remizov V.A., Yankova N.A. Linguistic and socio-cultural security of society: justification of the concept. *Bulletin of MGUKI*. 2016;5(73):58-59. URL: <https://www.elibrary.ru/xsbxxb> (In Russ.).
27. Lisitskaya L.G. Communicative norms and linguistic safety of modern media texts. *Bulletin of the Adygea State University. Series: Philology and Art Criticism*. 2009;1:94. URL: <https://www.elibrary.ru/knvijn> (In Russ.).
28. Palekha E.S. Linguoecology as a factor of information and communication security on the Internet. *Scientific notes of Kazan University. Ser. Humanities*. 2019;5(6):117-126. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126>

29. Machai T.A. Linguistic security of language in the context of online communication of specialists. In: Modern trends and innovations in science and production. *Mezhdurechensk*. 2022;322.1-322.7 URL: <https://www.elibrary.ru/viwwfe> (In Russ.).
30. Soboleva S.M. Tasks and possibilities of linguistic expertise in the context of linguistic and cognitive security of the country. *Izvestia of the Oriental Institute*. 2020;3:41-47. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47>
31. Frolov F.S. Cultural and linguistic expansion as a threat to Russia's national security. A monograph. Moscow: Mask; 2014. (In Russ.).
32. Muradov G. Language is the basis of civilization. *Ethnodialogues*. 2012;4(41):47-49. URL: <https://www.elibrary.ru/xctfmx> (In Russ.).
33. Krieger B. Language as the basis of civilization: An audiobook. URL: <https://proza.ru/2025/03/30/141> (In Russ.).
34. Zvezdin L.A. The civilizational security of Russia in the linguistic dimension: The essence and provision in modern conditions. Dis. Cand. Sci. (Philolog.). Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/yrdvpg> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры философии, Российский новый университет, Москва, Российская Федерация

Vladimir M. Rodachin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Prof. at the Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

rodvm@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.12.2025; после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 15.12.2025; revised on 10.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-59-67
УДК 327:321:316.74(045)

Цивилизационный суверенитет и будущий международный порядок

Чжэньхуа Чжоу

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются противоречивые политические элементы – национальная цивилизация, политическая структура и международный порядок – в рамках комплексного цепочечного подхода. Исследуются проблемы государства как носителя цивилизационного суверенитета и формирования будущего международного порядка, а также анализируются характеристики и тенденции перестройки национальной цивилизации и политических ценностей. В исследовании раскрываются особенности развития цивилизационного взаимодействия как стратегии. В данной работе предлагается не изучать указанные политологические концепции изолированно: для более эффективного решения этих вопросов их необходимо рассматривать в единой цепочке, анализируя взаимосвязь и характеристики цивилизационного суверенитета как политической единицы с национальной цивилизацией, международным порядком и политической структурой. Кроме того, на примере России и Китая раскрываются причины акцента на цивилизационном суверенитете, а также политические ценности и модели поведения, связанные с его укреплением. Примечательно, что основным новшеством данной статьи является исследование корреляции и гипотез, связывающих суверенитет цивилизации с политическими разломами. Это позволяет различным эпистемологиям цивилизации продемонстрировать гуманистическую заботу о законах национального выживания и совместно работать над уменьшением или устранением негативных последствий разделений и разломов.

Ключевые слова: цивилизационный суверенитет (文明主权); государство-цивилизация (国家文明); политический порядок; международный порядок; Китай; Россия; политические ценности; цивилизационное взаимодействие; международные отношения

Для цитирования: Чжоу Чжэньхуа. Цивилизационный суверенитет и будущий международный порядок. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):59-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-59-67

ORIGINAL PAPER

Civilizational Sovereignty and the Future International Order

Zhenhua Zhou

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper examines such contradictory political elements as national civilization, political structure, and international order using a comprehensive, holistic approach. It explores the problems of the state as a bearer of civilizational sovereignty and the formation of the future international order, and analyzes the characteristics and trends of the restructuring of national civilization and political values. The study reveals the specific features of the development of civilizational interaction as a strategy. This paper proposes not to study these political science concepts in isolation; to more effectively address these issues, they must be considered holistically, analyzing and exploring the relationship and characteristics of civilizational sovereignty as a political entity with national civilization, international order, and political structure. Furthermore, using the examples of Russia and China, the reasons for the emphasis on civilizational sovereignty, as well as the political values and behavior patterns associated with its strengthening, are revealed. It is noteworthy that the main innovation of this article is the exploration of the correlation and hypotheses between the sovereignty of civilization and political rifts, which allows various epistemologies of civilization to demonstrate humanistic concern for the laws of national survival, thereby working together to reduce or eliminate the negative consequences of division and rifts.

Keywords: civilizational sovereignty; State-civilization (国家文明); political order; international order; China; Russia; political values; civilizational interaction; international relations

For citation: Zhou Zhenhua. Civilizational sovereignty and the future international order. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):59-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-59-67

© Чжоу Чжэньхуа, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Являются ли цивилизационный суверенитет и международный порядок взаимопротиворечащими понятиями? Амитав Ачария в 2023 г. выдвинул положение о том, что изучение классических цивилизаций и мирового порядка может помочь исследователям международных отношений более полно включиться в исторические исследования и с различных сторон преобразовать изучение теорий и концепций международных отношений.

Исследование международных отношений с точки зрения истории и цивилизации и в рамках более широкой структуры мирового порядка открывает возможности для понимания материальных и идеологических отношений между государствами и обществами [1].

В эпоху, когда современная политика и международный порядок приобретают непредсказуемые и неконтролируемые черты, стратегическая конкуренция за власть и влияние на Евразийском континенте в условиях многополярного мирового порядка 2.0 обостряется [2].

Ученые разных стран начали выражать обеспокоенность по поводу развития политического порядка человечества в будущем, а постоянное совершенствование цифровых интеллектуальных технологий усиливает политические настроения людей. Вопросы государства и цивилизации, которые всегда актуальны, в последнее время вызывают все больше споров¹.

Стоит отметить, что Россия и Китай первыми выдвинули концепцию цивилизационного развития как долгосрочную стратегию, способствуя диалогу и взаимообогащению цивилизаций в международной дипломатии.

В 2023 г. в Российской Федерации принята Концепция внешней политики², четвертый пункт которой четко определяет особое положение России как самобытной цивилизации, мощной евразийской и европейско-тихоокеанской державы, а также способность российского народа, развивавшаяся на протяжении веков, обеспечивать гармоничное сосуществование различных национальных, этни-

ческих, религиозных и языковых групп на общей территории, объединяя их с другими народами, составляющими единое российское культурно-цивилизационное пространство.

В 2025 г. Си Цзиньпин заявил, что в современном мироустройстве увеличивается дефицит мира, гармоничного развития, безопасности и управления. Для решения этих проблем Си предложил построение сообщества единой судьбы человечества, а также глобальные инициативы³ по развитию, безопасности цивилизации, активно внедряя реформу глобальной системы управления на основе принципов справедливости и честности. Эти основы, продиктованные опасениями и ожиданиями относительно международного порядка, подчеркивают важность понимания суверенитета цивилизации [3].

Далее, необходимо задаться вопросом *связи между цивилизационным суверенитетом и международным порядком*. Очевидно, что эта тема пока еще не получила достаточного изучения.

Цель данной статьи — определение и раскрытие взаимосвязи и характерных черт цивилизационного суверенитета как политического образования в контексте международного порядка.

Стэнфордский университет (США) совместно с университетом Гёттингена (Германия) реализуют «Проект Цивилизационный». В октябре 2024 г. в Стэнфордском университете проведены конференции «Цивилизационизм, суверенитет и демократия» и «Новый цивилизационизм». Мероприятия посвящены политическому и интеллектуальному анализу цивилизационных нарративов о мировом порядке в контексте геополитики, цивилизационных государств, либерализма и глобального порядка⁴.

Марк Бассин считает, что концепция цивилизации в европейском контексте является частью евроцентризма и рассматривается как геополитический и цивилизационный проект. Применительно к России евразийство — это цивилизационный

¹ Андрей Кортунов. Глобальная инициатива цивилизаций: международная стратегия Пекина обретает завершенность. 18.03.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnaya-initsiativa-tsivilizatsiy-mezhdunarodnaya-strategiya-pekina-obretaet-zavershennost/>

² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/?ysclid=mncxb5s6nv388775445>

³ 中国政府网. 习近平: 推动落实全球发展倡议、全球安全倡议、全球文明倡议、全球治理倡议. 2025年10月15日. Си Цзиньпин. Содействовать реализации Инициативы глобального развития, Инициативы глобальной безопасности, Инициативы глобальной цивилизации и Инициативы глобального управления. 15.10.2025. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202510/content_7044457

⁴ Стэнфорд — Гёттинген — Проект «Цивилизация». URL: <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/events/global-studies-research-workshop/civilizationism-sovereignty-and-democracy/> <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/people/haiyan-lee>; <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/people/alexei-yurchak>

дискурс, рассматривающий Россию в качестве модели «Россия — Евразия» как многонациональное, полиэтническое, многоконфессиональное и мультикультурное образование, которое естественным образом сформировалось на протяжении веков совместного проживания на просторах Евразии⁵.

Проведенный Хайяном Ли анализ показывает, что в современном Китае существуют два пересекающихся философских дискурса: философско-идеологический дискурс *тянься* (天下), возглавляемый Чжао Тиньяном и др., и теория «цивилизационного государства», возглавляемая Чжан Вэйвэем и др. [4–8].

Первый предполагает иерархический мировой порядок, возглавляемый доброжелательным китайским государством, которое ценит мир, порядок, взаимность и гармонию и не уделяет приоритетного внимания свободе, равенству и конкуренции. Второй предполагает биполярный мировой порядок, при котором Китай будет равен Западу как в материальном благосостоянии, так и в технологическом прогрессе и культурном престиже⁶.

Исследования международного порядка демонстрируют, что нарративы цивилизаций и мировой порядок стали ключевыми темами для изучения. Даниэле Карамани утверждает, что функциональная теория и новая функциональная теория всегда находились на стыке международных отношений и сравнительной политологии, однако их ограничения привели к игнорированию проявлений политизации на глобальном уровне. Неравномерное распределение ресурсов на глобальном уровне, проявляющееся в экономической взаимозависимости, интеграции технологий, усилении культурного обмена и ограничении национального суверенитета, политизируется и создает условия для возникновения глобальных расколов. Различные подходы, такие как культурно-цивилизационный, макросоциологический и историко-экономический, при анализе глобальной системы подчеркивают региональные различия. Это указывает на необходимость дальнейших исследований для решения проблемы политизации глобального неравенства [9].

Институт современных восточноазиатских исследований Гёттингенского университета в июне 2025 г. провел конференцию «Цивилизация и концепции мирового порядка», темы и вопросы которой посвящались комплексному изучению

⁵ Размышления о «цивилизациях». URL: <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/people/mark-bassin>

⁶ Размышления о «цивилизациях». URL: <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/people/haiyan-lee>

концепций и представлений о цивилизационных нарративах и мировом порядке — как в рамках внутриазиатского контекста, так и в глобальной перспективе. Это мероприятие стало одним из наиболее масштабных международных форумов, где Восток и Запад коллективно исследовали феномен возрождения цивилизационных нарративов в глобальном и локальном измерениях⁷. Все сопутствующие исследования заложили реальную основу для данной статьи, демонстрируя неотложность и необходимость изучения соответствующих вопросов.

На втором Всемирном форуме по вопросам мира, проходившем в Университете Цинхуа Збигнев Бжезинский заметил, что: «В мире XXI века угрозы исходят не от сверхдержав или гегемонизма, а от дезорганизации мирового порядка»⁸.

По мнению Чжу Чэньцзина, выдвинутая Коммунистической партией Китая во главе с Си Цзиньпином концепция цивилизации новой эпохи, основанная на взаимном обучении и взаимодействии различных цивилизаций, демонстрирует, что цивилизация является вопросом практики, а различные взгляды на цивилизацию формируют различный мировой порядок [7]. Поэтому, независимо от изменений в международном порядке, цивилизационный суверенитет станет ключевым фактором для победы в глобальной конкуренции великих держав. В этом контексте под влиянием мощи великих держав цивилизационные парадигмы и цивилизационный суверенитет как проявление власти будут сосуществовать с цифровой эпохой.

ГОСУДАРСТВО КАК НОСИТЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ВЫЗОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Для оценки долгосрочной перспективы необходимо проанализировать вызовы и риски, стоящие перед суверенитетом цивилизаций и международным порядком, осуществить институциональное осмысление и выбор политических ценностей.

⁷ 哥廷根大学现代东亚研究中心.文明与世界秩序观念.2025年6月16日. Центр современных восточноазиатских исследований Гёттингенского университета. Концепции цивилизации и мирового порядка. 16.06.2025. URL: <https://www.cemeas.de/event/conference-announcement-civilization-and-conceptions-of-world-order/>

⁸ 清华大学.布热津斯基:中美两国建立良好的关系对全球稳定极为重要.2013年7月3日. Бжезинский З.: Прочные отношения между Китаем и США крайне важны для глобальной стабильности. 03.07.2013. URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1800/72900.htm>

1. Один из вызовов связан с *цивилизационным разломом*. Согласно теории политических расколов Даниэле Карамани, после анализа эволюции расколов в три этапа: «национализация, европеизация, глобализация» [9] — и с учетом текущей политики различных стран в таких сферах, как законодательство и управление, касающихся национальных цивилизаций, автор выдвигает гипотезу для ответа на вызовы будущего. Она заключается в переходе к четвертому этапу, отмеченному «цивилизационизацией», характерная особенность которого в том, что страны одна за другой демонстрируют инструменты, где главная роль отводится цивилизации, и в рамках политико-логической структуры реконфигурации расколов проводят «цивилизационизацию» на всех уровнях: «государство — общество — личность».

Даниэле Карамани, Сияна Гурова и другие считают, что эволюция глобального раскола в основном проявляется в разрывах социального и экономического неравенства [10]. В то же время оба этих фактора не только существенно влияют на цивилизацию, но и станут в будущем основными вызовами, которые необходимо будет решать в процессе развития цивилизации и трансформации международного порядка.

2. Еще одна проблема — *как переосмыслить трансформацию и интерпретацию идеологии в отношениях между традицией и современностью*. Развитие искусственного интеллекта побудило множество споров в области философии, политологии и социологии, касающихся ценностей, этики и других вопросов. При этом незаметно зарождаются новые общественные идеи. В контексте человеческой цивилизации между традицией и современностью возникли беспрецедентные противоречия и вызовы. Масштабные социальные преобразования либо уже назревают, либо уже происходят, и это может привести к прогрессу или регрессу как человека, так и общества.

В грядущих международных отношениях и мировой политической структуре ряд неопределенностей ограничивает понимание ценности как традиционных (классических), так и современных (новых) цивилизационных концепций. Это подразумевает предстоящее формирование и обновление эпистемологических и онтологических представлений о цивилизации, политике и мире. Например, в Китае ключевым термином в этих современных кампаниях является (文明社会), что переводится как «гражданское общество» [11].

Какие виды социальной власти будут присущи будущему международному порядку и как будут выгля-

деть современные властные структуры и отношения, определяющие социальную иерархию в будущем? В эпоху цифровых технологий и искусственного интеллекта происходят значительные трансформации в политическом и общественном устройстве. Эти изменения неизбежно ведут к усилению суверенитета в рамках традиционной и современной цивилизаций на уровнях государства, общества и личности. Впоследствии это порождает конкуренцию на глобальном уровне, охватывающую различные культуры и регионы.

Таким образом, политическая ценность цивилизационного суверенитета формирует взаимосвязанную блокчейн-структуру между людьми и государствами. В результате дискуссии и исследования, посвященные цивилизационному суверенитету и международному порядку, приведут к политизации глобальных проблем и появлению новой интегрированной глобальной политической системы.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

В 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о диалоге между различными цивилизациями, официально объявив 2001 г. «Годом диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций» [12]. Данная резолюция направлена на противодействие растущей взаимозависимости стран и снижение риска конфликтов между цивилизациями посредством диалога.

В ноябре 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Глобальную программу действий по диалогу между различными цивилизациями»⁹. Это результат столкновения и слияния множества ценностей, выходящий за рамки национальных границ и этнических ограничений и обладающий большей универсальностью [13].

На основе официальных документов и материалов, опубликованных Россией и Китаем за последние пять лет и касающихся цивилизации и международной дипломатии, в данной статье делается вывод, что Москва и Пекин подчеркивают цивилизационный суверенитет как единый, независимый, свободный и естественный, имеющий

⁹ Организация Объединенных Наций. Резолюция 56/6. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. 21.11.2001. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/56/6>

в качестве ключевой отличительной черты многонациональную культуру и обладающий позитивной эффективностью.

В мае 2025 г. Россия и Китай подписали совместное заявление¹⁰ о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху. Документ подтверждает общую поддержку культурного и цивилизационного многообразия. Стороны согласились, что уникальность является основой многополярного мира, и выразили уважение к самобытным системам ценностей каждой страны и ее народа. Они намерены развивать справедливое, равноправное, открытое и инклюзивное международное гуманитарное сотрудничество, способствовать обмену и взаимному обогащению цивилизаций, а также укреплять взаимопонимание между народами¹¹.

Кроме того, выступая в качестве независимой силы в процессе формирования многополярного мира, Китай и Россия стремятся совместно продвигать установление равноправной и упорядоченной многополярности мира и демократизации международных отношений, выстраивая более справедливый и разумный многополярный мир.

Д. А. Давыдов, анализируя различия между западной и восточной цивилизациями, приходит к выводу, что многие проблемы возникают из-за чрезмерно широких категорий и дихотомий, которые сложно применить к новым западным культурным тенденциям, отвергаемым российским руководством и обществом в целом [14]. Китай и Россия через цивилизационное взаимодействие тесно связывают стратегическое сотрудничество и геополитические отношения, играя поддерживающую роль в таких областях, как политика, экономика и технологии в различных нарративных системах¹².

Профессор И. А. Зевелев считает, что государственная цивилизация России связана с постоянной идентификацией, а используемая в международных отношениях «мягкая сила» является прояв-

лением географической и духовной цивилизации (включая российские границы, стремление к универсальности и всеобъемлющему гуманизму) [15]. Она представляет собой отражение многообразия существующих в мире цивилизаций, многосторонний диалог между ними и многогранность глобальной политики и реальности.

Отношения между США, Китаем и Россией, представляющие собой наиболее значимый геополитический треугольник, в значительной степени определяют контуры современного стратегического ландшафта. Как сохранить свою ценность в качестве ведущего игрока на мировой арене? Политика этих трех держав привела к формированию стратегического треугольника [16]. При этом действия в треугольных отношениях кардинально изменили глобальное геополитическое мироустройство [17].

Как следует интерпретировать эти цивилизационные политические волны?

Считаем, что необходимо анализировать их исходя из наиболее выраженных черт в процессе их взаимодействия. Данное исследование может рассматриваться как в качестве исследовательской гипотезы, так и в качестве эмпирического исследования, поскольку реальность, происходящая в данный момент, всегда оказывается неожиданной. Вопросы культуры и цивилизации стали приоритетными для лидеров государств как во внутренней, так и во внешней политике.

В Китае в 2023 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин в диалоге высокого уровня между Коммунистической партией Китая (КПК) и политическими партиями мира выдвинул «Глобальную инициативу цивилизации» (ГИЦ) [3]. Это стратегический шаг после того, как на двадцатом съезде КПК было заявлено о «всестороннем продвижении великого возрождения китайской нации посредством модернизации в китайском стиле». Инициатива подчеркивает, что модернизация Китая будет основываться на цивилизационных ценностях и способствовать прогрессу в политической, экономической и гуманитарной сферах [3]. Поэтому цивилизационный суверенитет, отстаиваемый Китаем, имеет черты модернизации.

Автор данной статьи утверждает, что будущий международный порядок объединит различные цивилизации в одном пространстве-времени и на одном уровне. Очевидно, что каждая страна знает, как делать мудрый выбор. Понимание ценности и значения различных цивилизаций в духе открытости и инклюзивности является основополагающим уважением к цивилизации страны, а достиже-

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309?ysclid=mnicyet8342922924859>

¹¹ 捍卫国际公平正义的宣言书。 2025年5月14日。 Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и китайская дипломатия в новую эпоху. Совместное китайско-российское заявление — это декларация против гегемонизма и защита международной справедливости. 14.05.2025. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-05/14/content_117873650.shtml

¹² URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-sinostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/

ние консенсуса посредством диалога и взаимодействия станет неизбежным путем к формированию глобальной цивилизации.

Взаимодействие китайской и российской цивилизаций проявляется прежде всего в создании механизмов межгосударственного гуманитарного сотрудничества. Это включает в себя формирование дружественных платформ для диалога цивилизаций на различных уровнях и в многостороннем формате. Примерами таких платформ и механизмов, ориентированных на глобальный диалог, являются Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), инициатива «Один пояс и один путь» и БРИКС.

Кроме того, это взаимодействие является совместным шагом Китая и России по реализации глобальной повестки дня ООН по диалогу между цивилизациями. Стороны объединяют усилия для повышения эффективности глобального управления в гуманитарной сфере, обмена ценностными концепциями и методологическим опытом, лежащими в основе их политики, а также для совместного поиска решений международных проблем.

Национальная цивилизация, являясь важной составляющей суверенитета, затрагивает не только принятие решений в политической, экономической, научно-технической и других сферах, но и готовность государств отстаивать свою национальную идентичность и политические ценности.

Профессор Пекинского университета Тан Ицзе считает, что в контексте сосуществования мировых цивилизаций конфуцианские идеи, такие как всеобщее согласие, могут служить ценным источником для разрешения современных противоречий человечества [6]. Каждая цивилизация содержит элементы общечеловеческих ценностей. Взаимодействие цивилизаций направлено на поиск общего знаменателя этих ценностей различными путями.

Китайская традиционная цивилизация, с ее концепцией «гармонии при различиях», представляет собой идеальное состояние единства и общности, имеющее глубокое и широкое значение. Это привлекает внимание и вызывает интерес многих западных китаеведов, становясь для них источником поиска «общечеловеческих ценностей» в китайской мысли и культуре [5].

Национальная цивилизация, как уникальная политическая сила, находит четкое, рациональное и глубокое осмысление в России. С течением времени и изменением международного порядка Правительство Российской Федерации уделяет ей

все больше внимания, а ее самобытность и значимость становятся все более очевидными.

На 20-м заседании клуба «Валдай» в 2023 г. Президент России В. В. Путин заявил, что в контексте важнейших глобальных политических процессов XXI в., с точки зрения России, цивилизация является многогранным понятием, допускающим различные интерпретации и понимания. Каждая цивилизация представляет собой уникальное выражение собственной культуры, традиций и стремлений народа, и все они равноправны. Основные характеристики цивилизационного государства включают многообразие и самодостаточность¹³.

В современном мире для достижения успеха необходимо опираться на собственную цивилизацию. Тесные и конструктивные отношения с другими цивилизациями являются важным аспектом поддержания внутренней и внешней стабильности и гармонии.

На 22-м заседании клуба «Валдай» в 2025 г. Президент России В. В. Путин вновь подчеркнул, что в многополярном, многоцентровом мироустройстве различные национальные цивилизации играют более значимую роль, чем когда-либо прежде. Перед лицом многочисленных общих проблем человечества, требующих неотложного решения, необходимо искать точки соприкосновения и точки пересечения интересов через цивилизационное взаимодействие¹⁴.

Профессор социокультурной антропологии Калифорнийского университета в Беркли Алексей Юрчак считает, что выгода от сотрудничества между цивилизациями ограничена. Главный способ избежать конфликта цивилизаций — это ограничение взаимодействия, уважение полной уникальности друг друга. Любые попытки разделять «универсальные ценности» бесполезны¹⁵.

Изучая исторические документы в области международных отношений, можно сделать вывод, что любое дипломатическое действие, лишённое цивилизованного взаимодействия, является бездушным и холодным. Подобно диалектической взаимосвязи свободы и равенства, описанной в политической

¹³ Международный дискуссионный клуб «Валдай». Стенограмма пленарной сессии XX Ежегодного заседания. Стенограмма пленарной сессии 05.10.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xx-ezhegodnom-zasedanii-kluba-valdai/>

¹⁴ Международный дискуссионный клуб «Валдай». Стенограмма пленарной сессии XXII Ежегодного заседания. 02.10.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xxii-ezhegodnom-zasedanii-kluba-valdai/>

¹⁵ Размышления о «цивилизациях». <https://thecivilizationismproject.stanford.edu/people/alexei-yurchak>

философии Токвиля, автор считает, что в будущем мировом порядке среди цивилизованных стран идеальное состояние — это взаимодополняющие свобода и равенство. Они являются одновременно и идеями, и результатами, и стратегиями, и целями.

Цивилизация, как воплощение добра и справедливости, в идеальном сочетании свободы и равенства, представляет собой наилучшую форму диалога между культурами разных стран. Причина в том, что отношения между этими макросущностями различных человеческих цивилизаций являются ключевой движущей силой глобальной политики [18].

Некоторые исследователи считают, что азиатские ценности обычно строятся вокруг обсуждения и сопоставления коллективизма и общих интересов, что резко контрастирует с западным акцентом на личное достоинство и права. Возможно, именно в этом заключается «эликсир» или своего рода исцеление, которое Китай сможет предложить Западу в будущем [19].

В новом международном порядке человечеству предстоит переосмыслить отношения между людьми, между обществами и между государствами, чтобы уменьшить раскол и конфликты. Изучение цивилизации в контексте этих взаимосвязанных отношений и переосмысление суверенитета цивилизации имеют решающее значение для размышлений о национальном духе и идеологии. В ходе развития цивилизации целью международного сообщества является не только установление порядка между государствами, но и облегчение страданий людей как моральных субъектов [20].

ВЫВОДЫ

Суверенитет цивилизации — независимый, свободный и безусловный — обладает ярко выраженными чертами национальной культуры и демонстрирует позитивную эффективность.

В вопросах выбора цивилизационного пути Россия и Китай склонны следовать национальным

традициям. Россия в основном ориентируется на евразийство, а Китай — на китайскую цивилизацию. Автор статьи считает, что причинами этого являются: во-первых, оба государства исторически и в настоящее время характеризуются многонациональностью; во-вторых, культурные и цивилизационные достижения обеих стран созданы народом, подчеркивается ориентация на человека, а также коллективная история и наследие, принадлежащие народу.

С точки зрения проявлений цивилизационного суверенитета Китай и Россия, стремясь к развитию цивилизационного суверенитета, активно ищут пути построения механизмов сотрудничества для диалога цивилизаций, используя разнообразные инновационные формы взаимодействия. Они прокладывают новые маршруты для обмена и взаимного обогащения цивилизаций через цифровые и гуманитарные платформы, способствуя интеграции достижений цивилизации в повседневную жизнь. В результате этого сотрудничества достигается совместное использование преимуществ в гуманитарной сфере, охватывающее широкий спектр тем и форм.

В современном мире люди предъявляют разнообразные требования к цивилизации. Она не только устанавливает стандарты истины, добра и красоты, но и служит ориентиром для прогресса. Поэтому в рамках новой эпохи и нового мирового порядка цивилизация будет обновляться и совершенствоваться в материальной, духовной, политической, социальной и экологической сферах. Важнейшим аспектом станет постоянное расширение и обогащение содержания межцивилизационного обмена.

Несомненно, цивилизации различных стран постепенно развиваются, опираясь на свое политическое и историческое наследие, а также на национальные традиции. В рамках «сосуда» мирового политического устройства (международного порядка — 国际秩序) они расцветают подобно дивным цветам, обретая уникальные географические черты и распространяя свой неповторимый аромат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Acharya A. Before the nation-state: Civilizations, world orders, and the origins of global international relations. *The Chinese Journal of International Politics*. 2023;16(3):263–288. URL: <https://doi.org/10.1093/cjip/poad011>
2. Bettiza G., Bolton D., Lewis D. Civilizationism and the ideological contestation of the liberal international order. *International Studies Review*. 2023;25(2):2–28. URL: <https://doi.org/10.1093/isr/viad006>
3. Бонч-Осмоловская О.А., Тугаринов П.А. Цивилизационный подход в философско-политическом дискурсе КНР. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2025;2:77–90. URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-77-90>
Bonch-Osmolovskaya O.A., Tugarinov P.A. The civilizational approach in the philosophical and political discourse of the PRC. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2025;2:77–90. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-77-90>

4. Сун Чжихао. От концепта «тянься» до «тяньсяизма» и теории о «системе Тянься»: представление об идеальном мире в политфилософских трактатах китайских мыслителей. *Общество: политика, экономика, право.* 2024;1:64–69. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2024.1.8>
Song Zhihao From the Concept of “Tianxia” to “Tianxiaism” and the Theory of the “Tianxia System”: Ideas of the ideal world in political-philosophical treatises of Chinese thinkers. *Society: Politics, Economics, Law.* 2024;(1):64–69. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2024.1.8>
5. 汤一介. 论儒学与“普遍价值”问题. *中国文化研究.* 2012;3:1-7. <https://doi.org/10.15990/j.cnki.cn11-3306/g2.2012.03.021>
Тан Ицзе. О конфуцианстве и «общечеловеческих ценностях». *Исследования китайской культуры.* 2012;3:1–7. (In Chin.). URL: <https://doi.org/10.15990/j.cnki.cn11-3306/g2.2012.03.021>
Yijie Tang. On Confucianism and “Universal Values”. *Chinese Culture Research.* 2012;3:1-7. (In Chin.). URL: <https://doi.org/10.15990/j.cnki.cn11-3306/g2.2012.03.021>
6. 汤一介. 瞩望新轴心时代: 在新世纪的哲学思考. *学习月刊.* 2014;9:5-6. CNKI: SUN:YKXX.0.2014-09-036
Тан Ицзе. В ожидании эпохи новой оси: философское мышление в новом веке. *Ежемесячное исследование.* 2014;9:56. CNKI: SUN:YKXX.0.2014-09-036. (In Chin.).
Yijie Tang. Looking forward to the era of the new axis: Philosophical thinking in the new century. *Study Monthly.* 2014;9:56. CNKI: SUN:YKXX.0.2014-09-036. (In Chin.)
7. 朱晨静. 新时代文明观与世界秩序重建. *重庆大学学报: 社会科学版.* 2018;24(6):200-207. URL: <https://doi.org/10.11835/j.issn.1008-5831.2018.06.019>
Чжу Чэньцзин. Взгляд новой эпохи на цивилизацию и реконструкцию мирового порядка. *Журнал Чунцинского университета: Социальные науки.* 2018;24(6):200–207. (In Chin.). URL: <https://doi.org/10.11835/j.issn.1008-5831.2018.06.019>
Zhu Chenjing. The concept of civilization in the new era and the reconstruction of world order. *Journal of Chongqing University: Social Sciences.* 2018;24(6):78-91. (In Chin.). URL: <https://doi.org/10.11835/j.issn.1008-5831.2018.06.019>
8. 朱中博. 全球文明倡议: 缘起、内涵与中国实践. *国际问题研究.* 2023;5:19-47. CNKI: SUN:GJWY.0.2023-05-002
Чжу Чжунбо. Глобальная цивилизационная инициатива: происхождение, значение и китайская практика. *Международные исследования.* 2023;5:19-47. CNKI: SUN:GJWY.0.2023-05-002 (In Chin.).
Zhongbo Zhu. Global civilization initiative: Origin, connotation and chinese practice. *International Studies.* 2023;5:19-47. CNKI: SUN:GJWY.0.2023-05-002 (In Chin.).
9. Caramani D. A cleavage-based conceptualisation of politicised global integration. *Journal of European Public Policy.* 2024;31(10):1-24. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309197>
10. Caramani D., Gurova S., Widmann T. The evolution of global cleavages: A historical analysis of territorial and functional world alignments based on automated text analysis, 1843-2020. *Comparative Political Studies.* 2025;58(1):1495-1532. URL: <https://doi.org/10.1177/00104140241271085>
11. Robert W.H. *Democratic Civility: The history and cross cultural possibility of a modern political ideal* (1st ed.). Routledge. 1998;330. URL: <https://doi.org/10.4324/9781351290609>
12. Seyed M.K. Dialogue among civilizations: Contexts and perspectives. *UN Chronicle.* 2012;49(3):11-14. URL: <https://doi.org/10.18356/a680f82d-en>
13. Matsuura, K. Is the globalization of the economy creating values for a new civilization? *Prospects.* 2000;30:399–404. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02736929>
14. Давыдов Д.А. Искушение цивилизационизмом: можно ли противостоять Западу без предвзятости и упрощенного мышления? *Россия в глобальной политике.* 2025;23(4):30-43. URL: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-4-30-48>
Davydov D.A. The temptation of civilizationism: Is it possible to resist the West without bias and simplified thinking? *Russia in global affairs.* 2025;23(4):30–43. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-4-30-48>
15. Зевелев И.А. Будущее России: нация или цивилизация? *Вестник российской нации.* 2009;6(8):94-109. URL: <https://elibrary.ru/lmbmpx>
Zevelev I.A. The future of Russia: nation or civilization? *Bulletin of the Russian Nation.* 2009;6(8):94-109. URL: <https://elibrary.ru/lmbmpx> (In Russ.).
16. Лучина М.С. Россия и Китай в Большом стратегическом треугольнике. *Россия в глобальной политике.* 2025;23(4):118–133. URL: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-4-118-133>

- Luchina M.S. Russia and China in the Great strategic triangle. *Russia in Global Affairs*. 2025;23(4):118–133. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-4-118-133>
17. Грэм Т. Китай – Россия – США: отношения и стратегические треугольники. *Полис. Политические исследования*. 2020;6:62–72. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
- Graham T. China-Russia-US: Relations and strategic triangles. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):62–72. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
18. Sahakyan M. China and Eurasian powers in a multipolar World Order 2.0: Security, diplomacy, economy and cyberspace (1st ed.) Routledge. 2023;274. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003352587>
19. Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ; 2016. 640 с.
Samuel Huntington. Clash of civilizations. Moscow: AST; 2016. 640 p. (In Russ.).
20. Linklater A. Civilizing processes and international systems. In: *The Problem of harm in world politics: Theoretical investigations*. Cambridge University Press: 2011; 320. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790348.008>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Чжэньхуа Чжоу — аспирант кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Zhenhua Zhou — PhD student at the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2186-9170>

774853404@qq.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.11.2025; после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 27.11.2025; revised on 17.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Структура и механизмы цифрового господства

Р.Т. Мухаев, А.И. Чубаров

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования состоит в определении последствий цифровой трансформации в контексте распознавания актуальной структуры политического господства, выявления рисков для государственного суверенитета и субъектности индивидов. Методологической основой исследования выступает парадигма социального конструктивизма. Основным методом – метод сравнительного анализа. Основными *выводами* проведенного исследования выступают следующие положения: а) цифровые платформы, изначально рассматриваемые как инструменты повышения качества управления, фактически превратились в автономные субъекты, дублирующие функции государства в цифровом пространстве, что приводит к конфликту с традиционными структурами, не желающими уступить свое монопольное право в структуре управления; б) благодаря алгоритмам цифровые платформы создают дискурсивные матрицы контролируемого пространства, задающие смыслы и модели поведения индивидов, осуществляя таким образом символическое господство. Являясь модераторами навязывания новых социальных практик, они выступают в качестве оппонентов легитимных институтов государства, используя ресурсы контроля общественного мнения; в) отсутствие базового дискурса в условиях множества дифференцированных «производителей реальности» (СМИ), действующих в цифровом пространстве, приводит к формированию специфической реципрокности и отсутствию общей картины мира. Возможной панацеей в этой ситуации выступает использование инструментов алгоритмизации с целью достижения общей реципрокности и общей картины мира. Множественность источников сигнала, быть может, и не поддается навязыванию базового дискурса напрямую, однако все они действуют в рамках цифрового пространства, где возможно навязывание базового алгоритма, который будет основан на необходимом государству дискурсе и который будет задавать определенные направления и рамки для остальных «производителей реальности». *Теоретическая значимость* исследования заключается в выявлении последствий цифровизации для конфигурации структуры господства, размывания государственного суверенитета и субъектности индивидов.

Ключевые слова: политическое управление; цифровое общество; структура господства; идентичность; субъектность; суверенитет

Для цитирования: Мухаев Р.Т., Чубаров А.И. Структура и механизмы цифрового господства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):68-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-68-82

The Structure and Mechanisms of Digital Domination

R.T. Mukhaev, A.I. Chubarov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Digitalization, as a tool for constructing a new normality, not only changes the needs and attitudes of individuals, but also forms symbolic structures of domination and mechanisms of public administration capable of integrating them. The purpose of this study is to determine the consequences of digital transformation in the context of recognizing the current structure of political domination, identifying risks to state sovereignty and subjectivity of individuals. The research methods are: the paradigm of social construction, supplemented by the method of comparative analysis. The main conclusions of the conducted research are the following provisions: a) digital platforms, initially considered as tools for improving the quality of governance, have actually turned into autonomous entities that duplicate the functions of the state in the digital space. The consequence of this is their clash with traditional management structures that do not want to give up their monopoly right in the management structure.; b) digital platforms, through their algorithms, create discursive matrices of controlled space that define the meanings and behaviors of individuals, thus exercising symbolic dominance. Being moderators of the imposition of new social practices, they act as opponents of legitimate state institutions, using resources to control public opinion.; c) the absence of a basic discourse in the context of a multitude of differentiated “reality producers” (mass media) operating in the digital space leads to the formation of a specific reciprocity and the absence of a general picture of the world. A possible panacea in this situation is the use of algorithmization tools in order to achieve a common reciprocity and

a common picture of the world. The multiplicity of signal sources may not be amenable to imposing the basic discourse directly, however, they all operate within the digital space, where it is possible to impose a basic algorithm that will be based on the discourse required by the state and which will set certain directions and frameworks for the rest of the “producers of reality.” The theoretical significance of the study lies in identifying the consequences of digitalization for the configuration of the dominance structure, the erosion of state sovereignty and the subjectivity of individuals.

Keywords: political governance; digital society; structure of domination; identity; subjectivity; sovereignty

For citation: Mukhaev R.T., Chubarov A.I. The structure and mechanisms of digital domination. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):68-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-68-82

ВВЕДЕНИЕ

Процесс цифровизации оказал влияние не только на смену механизмов конструирования социальной реальности, но и на технологии формирования смыслов, что ознаменовало собой переход общества в качественно новое состояние.

Новая реальность предстала в форме цифрового общества, что означает революцию в системе социальных коммуникаций и новый алгоритм формирования социальных практик и моделей поведения.

Переход к цифровой реальности изменил структуру господства: вместо некогда доминирующих нарративов и общей «картины мира», которые задавались аналоговыми средствами коммуникации, а также на смену общей реципрокности и идентичности, формировавшихся традиционными СМИ и ориентированных на широкие слои общества, приходят сетевая реципрокность и расколотая идентичность, состоящие из большого числа непохожих друг на друга сетевых матриц самоидентификации, между которыми каждый отдельно взятый индивид делает выбор, следуя моде и собственному тщеславию.

В этих условиях качественные изменения претерпевают субъекты, механизм и система политического господства: на «сцене» появляются цифровые платформы и медиакратия, выступающие модераторами новых смысловых конструкторов.

Государство и его структуры, как и политические партии, прежде занимавшие монопольное положение в механизме формирования экзистенциальных смыслов, постепенно теряют свои позиции, уступая место социальным сетям и цифровым платформам, которые становятся творцами новой символической реальности.

Новые СМИ заметно изменяют механизм государственного суверенитета, выступая прямыми конкурентами государства в этой сфере. Активное использование цифровых платформ в целях повышения качества жизни и публичного управления, развитие и доступность иных технологий приводят к постепенной инфантилизации общества и личности. Фактически происходит постепенный отказ индивида от собственной субъектности, которая разменивается на мнимые выгоды «комфортного благополучия».

Цель настоящей статьи — определение последствий цифровой трансформации в контексте распознавания актуальной структуры политического господства, выявления рисков для государственного суверенитета и субъектности индивидов.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Стремительная трансформация обществ в условиях экспансии цифровых платформ заметно повысила интерес зарубежной и отечественной науки к анализу последствий цифровизации для системы публичного управления, государственного суверенитета [1, с. 52–53] и субъектности индивидов.

Рассматривая проблему потери субъектности индивидом, ряд зарубежных авторов говорит о появлении «нового колониализма» как результата вытеснения субъектности и автономии личности в угоду экономическим интересам крупных цифровых платформ [2].

Другие авторы пишут о появлении «надзорного капитализма», основой которого является наличие у цифровых корпораций такого обилия данных, которое становится главным ресурсом господства, создающим возможность влияния на поведение людей [3] и их идентичность [4].

Иностранные эксперты подчеркивают влияние цифровых платформ на демократические процессы, их возможности формирования общественного мнения путем контроля за процессом конструирования публичного дискурса [5].

Анализируя институциональные и политико-правовые последствия цифровизации для функционирования государства, отечественные авторы особое внимание уделяют трансформации механизмов управления и контроля в цифровой реальности [1].

Вместе с тем в фокусе внимания оказываются последствия алгоритмизации процесса принятия решений, вызванные изменениями в структуре господства.

Кроме того, предпринимаются попытки выстраивания стратегий имплементации цифрового суверенитета в дискурсивное поле политики и практики различных стран с помощью медиатехнологий [6].

МЕТОДЫ

Инструментом анализа последствий цифровой трансформации в контексте распознавания актуальной структуры политического господства, выявления рисков для государственного суверенитета и субъектности индивидов выступает парадигма социального конструирования, дополненная методом сравнительного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

1. Эволюция структур господства как факторов согласования интересов и обеспечения целостности общества

Триггером развития общества выступает процесс постоянной смены технологических укладов, вызванный нарастающим разнообразием запросов и потребностей общества, поиском механизмов их согласования посредством изменения структур политического господства и публичного управления.

Традиционная структура господства, широко распространенная в период аграрного общества, в первую очередь основывалась на вере в священность традиций и правил, нарушители которых подвергались религиозным наказаниям. Неравное положение групп определялось их отношением к земле как решающему фактору производства: одни группы ею владели, другие — ее возделывали. Религиозные структуры легитимировали модель порядка — в обмен на подношения. Формирование страха — инструмент контроля над телом. Прилюдная казнь на центральной площади — механизм закрепления порядка: «если будешь делать так, то с тобой случится это». Законности, основанной на формальном праве, не существовало: правитель стоял выше любых законов. Такая структура господства создавала устойчивую, но малоподвижную систему управления, где изменения происходили крайне медленно и только в рамках существующих традиций. Власть имела суверенную форму, ее локусом являлся авторитет церкви и правителя, опиравшегося на нее.

Индустриальная революция ставит во главу угла такой фактор производства, как капитал. В индустриальном обществе традиционная структура господства сменяется правовой, основанной на формальных правилах, закрепленных в законах. Суверенная форма власти сменяется дисциплинарной. Несмотря на то, что правовое господство выступает одним из инструментов дисциплинарной власти, эти сущности не являются тождественными. Дисциплинарная форма власти актуальна и сегодня и использует не только правовые инструменты.

В индустриальном обществе политика и политическое управление рассматриваются сквозь призму директивного подхода, акцентирующего внимание на рассмотрении всех видов деятельности по руководству и управлению обществом, отдельными группами посредством государственной власти и монополии на легитимное насилие. Управление есть не что иное, как отношения господства и подчинения неравных по своему статусу и ресурсам групп: сословий и классов. Функционально-ролевое взаимодействие носителей политической власти и граждан регламентируется общепринятыми моделями поведения, которые формализованы в рамках права. Содержание и формы политического управления определяются системой ценностей агентов власти, их «картиной мира». В гражданском обществе преобладают однотипные представления, смысловые значения, что приводит к схожести мнений относительно правил и моделей политического поведения. Единый набор смыслов подкрепляется государственной монополией на легитимное насилие, что приводит к соблюдению универсальных норм поведения обществом.

В рамках правовой структуры господства государство формирует дискурсы, посредством которых организуется политическое пространство и определяется содержание политического управления. Процесс конструирования политического курса прозрачен и закреплён в Конституции. Порядок, основанный на праве и поддерживаемый государством, дает возможность различным каналам коммуникации (партиям, СМИ, общественным организациям) выступать инструментом государства в вопросе выявления потребностей и запросов общества. На основании этих запросов принимаются политические решения.

В 70-е гг. XX в. произошел переход от индустриального общества к постиндустриальному, что ознаменовало и смену структуры господства.

Основными характеристиками информационного общества, сменившего индустриальное, выступают следующие черты:

1. Главная ценность и богатство общества — информация.
2. Господство символических структур (имиджи, бренды).
3. Маркетизация всех сфер жизни.
4. Деидеологизация.
5. Массовое потребление.

Следует отметить, что постиндустриальное (информационное) общество имеет два этапа своего развития: 1) электронное и 2) цифровое общество. На этих этапах меняются структуры господства как

отражение структуры запросов и ожиданий членов общества.

Электронное и цифровое общество представляют собой два последовательных этапа технологического развития информационного общества. Цифровое общество не может возникнуть, минуя электронное, поскольку оно формирует технологическую базу для первого. Цифровое общество представляет собой более продвинутое технологически форму развития, где инфраструктура функционирует на основе развитых цифровых технологий (искусственный интеллект, облачные вычисления, автоматизированные системы).

Для электронного общества характерны следующие черты:

1. Использование электронных устройств во всех сферах жизни.
2. Существование электронного документооборота.
3. Наличие электронного правительства и государственных услуг.
4. Появление средств массовой коммуникации.
5. Традиционные медиа — основной источник информации.

В электронном обществе «конструкторами реальности» выступали традиционные медиа, которые осуществляли свое вещание на широкие слои аудитории, формируя массовое убеждение, т.е. совокупность представлений индивидов, которые складываются на основе информации из СМИ [7, с. 55]. Модель трансляции информации: «от одного ко всем». Эффективность воздействия зависела от психологической структуры индивида, его индивидуально-личностных качеств, которые влияют на характер восприятия им информации.

Цифровое общество представляет собой более продвинутое форму и характеризуется тем, что:

1. Значительная часть общественной жизни и коммуникаций происходит в виртуальном пространстве.
2. Цифровизация и автоматизация всех сфер жизни общества.
3. Сетевой характер взаимодействия.
4. Развитие глобального информационного пространства.
5. Основным источником информации — новые медиа [4].

В цифровом обществе «конструкторами реальности» выступают новые медиа [3], сотканые из множества сетевых источников информации с непохожими друг на друга матрицами самоидентификации. К традиционной модели трансляции информации («от одного ко всем») добавляются новые: «от одного

к одному» и «от многих к одному». Переход от аналоговых каналов получения информации к цифровым, от тиражирования информации массам к персонализированному воздействию на основании заложенных алгоритмов привел к специфической реципрокности и расколотой идентичности. Теперь содержание символической реальности, которая задает вектор восприятия и определяет рамки процесса экстернализации, формируется на просторах цифровых платформ.

Если в рамках электронного общества СМИ как производитель реальности за счет перегрузки информацией создавали иллюзорную информированность об этой реальности, то в рамках цифрового общества цифровые платформы, как площадки коммуникации, за счет интерактивности создают иллюзию субъектности у объекта воздействия.

Индивид, де-факто являясь объектом управления, мнит себя его субъектом по причине того, что, с его точки зрения, декларируемые им нарративы имеют реальное отражение в политическом управлении. Однако на практике, при анализе природы этих нарративов, субъектно-субъектные отношения оказываются иллюзией.

Исследование влияния цифровых технологий на процесс управления показывает, что их применение способствует не только росту качества управления в функциональном смысле (функциональная траектория) — как способности государства выполнять закрепленные за ним формально функции, — но и в консолидационном смысле, т.е. в достижении политической интеграции общества вокруг целей государства и признания их оптимальными.

При этом проблемы в достижении функциональной траектории государственной состоятельности не обязательно приводят к снижению уровня легитимности власти. Логичное в такой ситуации недовольство фактическим качеством государственного управления нивелируется активным использованием манипулятивных дискурсивных технологий, облагороженных цифровыми инструментами [1, с. 48].

2. Специфика и механизм функционирования структур господства в сетевых обществах

Для выявления специфики функционирования структур цифрового господства следует диагностировать запросы акторов сетевых обществ, которые нуждаются в согласовании. В своей работе «Вырастая цифровыми: появление сетевого поколения» Д. Тапскотт ввел термин «сетевое поколение». Позднее деятелями науки были сформулированы восемь характеристик сетевого поколения, которые изменяют природу институтов государственного управления:

1. Свобода. Хотя гибкости в рабочих графиках и готовы стать той силой, что распространит этот подход. Определенные подвижки в этом направлении очевидны после коронакризиса.

2. Адаптация. Поколение живет в мире, который выстраивает под себя. Перманентная неопределенность окружает их с детства, оттого — высокий уровень способности к адаптации.

3. Контроль. Сетевое поколение не просто ориентируется на доверительные и открытые отношения — они их требует.

4. Добросовестность. Не воспринимают структуры с сомнительными этическими принципами и имеют негативное отношение к несоблюдению договоренностей, не готовы следовать за сомнительным лидером в угоду несколько большей выгоды.

5. Сотрудничество. Поколение выросло в интерактивном мире: социальные сети — основной источник информации и обратной связи, коллаборация — привычный и оптимальный способ достижения цели.

6. Развлечение. Один из основных маркеров привлекательности деятельности/работы для сетевого поколения — удовольствие от процесса.

7. Скорость. Готовность менять подходы в своей деятельности для соответствия требованиям утекающего мира.

8. Инновации. Взросление в активном взаимодействии с цифровыми технологиями приводит к высокой степени готовности использовать их в своей деятельности, притом не обязательно напрямую связанной с конкретной технологией. Например, репетитор составляет таблицы в Excel с целью увеличения продуктивности в вопросах проверки домашнего задания учеников.

Ориентация на данные характеристики сетевого поколения позволяет очертить новые структуры господства и управления, которые воплощаются в игровых формах. Участники процесса (государство — сети) при необходимости кооперируются, образуя свободные команды с произвольной логикой взаимодействия внутри.

В условиях цифрового общества символическое господство осуществляется в цифровом пространстве, которое формируется цифровыми платформами. В современном мире цифровые платформы — основные площадки борьбы и согласования политических субъектов, которые в коммуникации друг с другом, а также с аудиторией производят знания относительно мира политического. В результате потребления информации аудиторией происходит закрепление в сознании определенной конфигурации мира политики, политического курса как отдельного его

проявления, когда последний начинает восприниматься как оптимальный.

Клиповое мышление стало доминирующим феноменом современности. Новые медиа формируют особый способ восприятия информации, который существенно отличается от традиционного линейного мышления. Основные изменения:

1. Фрагментарность восприятия. Место целостного восприятия информации занимает блоковое; во многом от этого снижается способность к глубокому анализу, однако возрастает скорость переключения между различными задачами.

2. Приоритет визуальных образов над текстами. С одной стороны, это приводит к развитию образного мышления, с другой — к упрощению сложных концепций.

3. Многозадачность как нормальный режим существования. Работа с несколькими источниками информации становится обыденностью, развивается способность адаптации к новым форматам, вместе с тем снижается способность к концентрации на одной задаче.

Последствия влияния на когнитивные процессы

1. Снижение глубины погружения. Длинные тексты, содержащие сложные понятия и умозаключения, акцентирующие внимание на рациональной составляющей, заменяются короткими текстами с упрощенной аргументацией и фокусом на эмоциональную составляющую.

2. Изменение паттернов потребления. Информация потребляется «порционно», предпочтение отдается контенту с интерактивными механиками, развиваются навыки «быстрого сканирования» текста.

Развлечение как основной смысл жизни акцентирует внимание аудитории на соответствующем контенте в рамках медиапространства. Это формирует у активных потребителей следующие черты характера:

1. Низкая открытость к новому опыту.
2. Повышенная тревожность.
3. Индивидуализм.
4. Чувствительность к неопределенности.

Информационная среда продуцирует новые социальные феномены, такие как:

1. Размывание границ между знанием и развлечением.

2. Слияние форматов: образовательные программы становятся развлекательными, а развлекательные — образовательными.

3. Новые роли: блогеры становятся экспертами, документальные фильмы конкурируют с блокбастерами.

Цифровые платформы и новые медиа как их отдельное проявление формируют особый тип мышления, который выступает механизмом адаптации когнитивных структур, сложившихся в процессе социализации, к современным информационным реалиям. Социологические исследования показывают, что все больше людей используют интернет для поиска информации о политической ситуации. Однако цифровым технологиям пока еще не удается привлечь внимание большинства пассивного населения, которое, несмотря на посещение цифровых платформ, основной объем именно политической информации получает из традиционных СМИ. Тем не менее очевиден тренд на постепенный переход аудитории к новым медиа. Традиционные медиа уже встраиваются и далее будут продолжать свой дрейф в цифровое пространство, выраженный в инфраструктуре новых медиа.

Цифровая модель управления предполагает применение качественно иных технологий согласования интересов, основываясь на принципах цифрового общества. Место электронных сервисов и систем занимают ИИ, технологии Big Data, облачные вычисления; формируется цифровая экосистема с сетевым взаимодействием. Полная автоматизация на основе прописанных алгоритмов и программ замещает частичную, свойственную электронному управлению. Место единых сайтов получения услуг, электронной формы их предоставления заменяют платформы для взаимодействия граждан; происходит постепенный уход от офлайн-взаимодействий, полная цифровизация административных процессов. Работа с данными заменяет работу с электронными документами; помимо этого, происходит резкое сокращение бюрократических процедур, а также переход на персонализированный подход.

Важно отметить, что переход к цифровому управлению требует значительных усилий и ресурсов, поскольку это не просто модернизация существующих систем, а радикальная смена модели управления на качественно новую, соответствующую требованиям постинформационного общества модель [8, с. 5–7].

Не менее важно отметить, что цифровые технологии используются для повышения степени консолидационной состоятельности государственного управления как результата политической идентификации населения с государством, его признания и консолидации политического сообщества.

Достижение консолидационной траектории представляет важную задачу современного управления, обусловленную сложностью согласования интересов групп в условиях преобладания инди-

видуальной реципрокности в обществе цифровых платформ.

В условиях сегментации социума и собственной коммерциализации СМИ не стремятся к интеграции и мобилизации общества. В современных реалиях обилие кризисов легитимности в странах с демократическими режимами связано с отсутствием «единого полотна реальности» в головах индивидов. Плюрализм смыслов стал настолько широким, что интегрировать такое многообразие во что-то более-менее однородное не представляется возможным.

Теоретическая полезность обилия разнородных смыслов, которые путем взаимопроникновения должны были приводить к появлению качественно нового и общего, разбивается о грубую реальность, когда множественность и разнородность в процессе своего развития лишь продолжают свое деление. Если раньше это было на уровне отдельных стран, то сегодня это происходит в масштабах всей планеты.

В этой связи единство информационного вектора, свойственное недемократическим режимам, оказывается не так однозначно негативно, как представлялось долгое время в общественном и научном дискурсе. Наличие контролируемого единого дискурса приводит к «общему полотну смыслов», общему порядку в головах — оттого к единым представлениям о желаемом будущем и способах его достижения. Таким образом обеспечивается достижение консолидационной траектории государственной состоятельности.

3. Grimасы механизма конструирования субъектности в обществах цифровых платформ

Допущения о том, что в современных демократиях присутствует плюральность смыслов как выражение свободы слова и мнений, на практике сильно преувеличены. Запрет деятельности российских СМИ, давление на журналистов, представляющих пророссийские нарративы, стремление к запрету оппозиционных партий, стремительно набирающих поддержку (АДГ в Германии), — все это ставит под сомнение существование различных форм плюрализма, как политического, так и ценностного.

Практика показывает, что плюрализм существует в определенных смысловых границах. Существующие альтернативы имеют право только пока они остаются внутри «базового» дискурса, заданного властвующей элитой. В этой связи верным будет утверждать, что сегодняшняя модель контроля «порядка в головах» в современных демократиях посредством дискурса испытывает кризис.

Одним из возможных путей выхода из этого кризиса легитимности в демократических странах

представляется работа с цифровыми платформами как основными площадками формирования символического пространства, образующими новые структуры господства в современном обществе.

Для того чтобы понять общий принцип того, как цифровые платформы воздействуют «на порядок в головах людей», обратимся к методологии социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Однако следует оговориться, что в изначальном, заложенном авторами смысле, в условиях цифрового общества матрица работает с некоторыми оговорками, так как произошел переход от тиражируемости массам к таргетированному воздействию на каждого конкретного индивида. Подробнее данная мысль будет раскрыта в разделе «Выводы» данной статьи и будет связана с окном возможностей, что открывает алгоритмизация.

В своей методологии П. Бергер и Т. Лукман акцентируют внимание на социальных взаимодействиях, из которых складывается реальность. Социальная реальность базируется на сформированном в результате взаимодействия индивидов особом знании. По их мнению, когнитивный процесс конструирования социальной реальности осуществляется субъектами по следующему алгоритму:

- 1) интерпретация индивидами явлений;
- 2) формирование общественного соглашения в отношении феноменов на основании универсальности восприятия;
- 3) закрепление перцептивной картины в «объективной реальности» [9].

П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что каждый индивид воспринимает реальность как нечто само собой разумеющееся, как некую данность, которая не требует проверки, поскольку она просто существует. Рутинный ход вещей подкрепляет уверенность в верности представлений, однако в случае его прерывания «естественное» и «несомненное» подвергается сомнению.

То, что в обществе принято называть здравым смыслом, по сути и является неким повседневным знанием, которым индивиды пользуются в своей обыденности. Оно существует как бы отдельно, выступая некой внешней упорядоченной силой по отношению к самому индивиду. Возникает парадокс: с одной стороны, реальность является результатом взаимодействий людей, основанных на их представлениях, а с другой стороны, эта же реальность объективирована, то есть представляется индивидами как нечто само собой упорядоченное и внешнее по отношению к ним.

Во взаимодействии лицом к лицу индивиды активно интерпретируют субъективности друг друга, обращаясь к уже готовым схемам типизации как самих партнеров, так и сложившейся ситуации. Однако подобные типизации работают до возникновения проблем. При этом такое взаимодействие буквально «обтачивает» общие схемы восприятия.

Общий мир — совокупность объективизаций, представленных в продуктах человеческой деятельности, которые выводят субъективные процессы за пределы коммуникации лицом к лицу. Сама реальность наполнена этими объективизациями и существует только благодаря им [10]. Основным примером объективизации служит процесс обозначения, то есть процесс создания знаков как некоторых сущностей, благодаря которым субъективное представляется наиболее понятно для других. Обозначая что-то, индивид дает возможность смыслу стать доступным для других. Взаимодействие индивидов порождает консенсус, то есть общую реальность, понятную для них.

Обозначения реальности (то есть знаки), группируясь, порождают символические структуры значений. Основной системой в жизни каждого общества выступает язык как определенная система вербальных знаков.

Язык выступает основным источником общих объективизаций повседневной жизни людей, типизации опыта и его объективизации, благодаря чему происходит накопление обществом опыта и знаний, которые затем транслируются будущим поколениям. Язык интегрирует опыт и знания, полученные в повседневной жизни, в единое смысловое поле.

Возникает еще один парадокс: с одной стороны, язык — неотъемлемая часть повседневной жизни, инструмент для коммуникации, а с другой стороны, язык обособляется от самой реальности, объективируется и, как говорил Э. Дюркгейм, «принуждает человека к подчинению своим структурам».

Помимо языковых типизаций, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, общество в своем багаже знаний держит так называемые «рецепты» для решения повседневных проблем. Речь идет о некотором знании, которое знает каждый и которое верно, коль скоро оно способно решать практические проблемы.

Социальный порядок есть производное от институализации схем поведения, подпираемых особым знанием в головах людей, формирующимся в процессе социализации и закрепляемым посредством повседневных взаимодействий.

Процесс социального конструирования реальности, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, состоит из четырех этапов: экстернализация, хабиитуализация,

институционализация, легитимация [10, с. 25–79]. Далее предлагается рассмотреть матрицу, предложенную обозначенными авторами, с некоторыми поправками, учитывающими специфику цифрового общества.

1. Экстернализация — продуцирование человеком себя во внешней среде в своей деятельности. Вступая в коммуникации, люди наполняют свой мир смыслами, классифицируют чувственный опыт, конвертируют его во вполне конкретные вещи, обладающие типичными характеристиками.

Посредством языка люди обозначают и определяют различные явления. Сама ситуация и ее участники типизируются, то есть сводятся к привычным и понятным категориям. Посредством типизации индивиды придают смысл в том числе новым понятиям. Таким образом, они встраивают их в свой жизненный мир. Благодаря типизации индивиды вступают во взаимодействия с другими индивидами, будучи убежденными, что другие видят этот мир так же, как и они. Совокупность типизаций и основанные на них повторяющиеся формы взаимодействий образуют социальную структуру повседневной жизни.

Ключевое изменение ввиду цифровизации: экстернализация перестает быть только человеческим процессом. Алгоритмы становятся значимыми субъектами-конструкторами реальности, задавая рамки и категории, в которых человек себя выражает. Коллективные типизации теперь не столько вырабатываются сообща, сколько навязываются цифровыми платформами.

2. Хабитуализация — формирование устойчивых практик. Поскольку деятельность подвержена оприличиванию, действия людей постепенно становятся образцами, позволяя субъекту экономить усилия при их осуществлении ввиду отсутствия необходимости задумываться над наиболее верным в данной ситуации решением.

Ключевое изменение ввиду цифровизации: хабитуализация теперь определяется не столько повторением человеком определенных действий, которые приводят к успеху, сколько формированием привычек посредством воздействия алгоритмов в рамках виртуального пространства. Человек привыкает не столько совершать какие-либо действия, сколько реагировать на алгоритмические сигналы. Рутинизация захватывает не только действия человека, но и способности его восприятия.

3. Институционализация — превращение знания в устойчивую форму организации деятельности людей, включающую в себя ценности, нормы, роли, символы и знаки (атрибуты института), а также ор-

ганизации как формализованные структуры, реализующие деятельность института.

Если некая деятельность институционализована, то это означает, что она подвержена определенному социальному контролю. При этом сами институты осуществляют функцию первичного контроля, а санкции при этом вторичны. Реализация контрольной функции институтом происходит посредством процесса интернализации, то есть посредством усвоения норм и правил индивидами. Если индивид значительно отклоняется от институционального порядка, то он маркируется как персонаж, ушедший от реальности.

Функционирование самих институтов зиждется на знании общепринятых истин относительно реальности выше названных «рецептов», составляющих институциональный порядок. Проблема заключается в том, что сегодня мы живем не столько в реальности, сколько в знаках и символах, обозначающих ее, утративших связь со своими прототипами, живущих своей жизнью и ставших симулякрами. В такой ситуации сложно однозначно ответить, что хуже: быть частью общей «матрицы» или же пребывать в собственной иллюзии?

С одной стороны, разделять общую мистификацию на порядок более разумно, если стоит задача быть частью общества, не выделяться негативно, тем самым повышая шансы на выживание и общественное признание и минуя санкции. С другой стороны, погружение в общую мистификацию, отсутствие попытки создания персональной реальности — есть не что иное, как гарантированная невозможность жизни в символической реальности, имеющей большую степень контакта с прототипами, чем то, что предлагает массовая мистификация.

Научно доказано, что мозг больного человека так же воспринимает голоса в голове, как и мозг здорового — реальные речевые сигналы. Если эту информацию переложить на теорему Томаса, то вопрос стоит так: «Пребывать в мистификации или нет?» Вопрос состоит в том, либо пребывать в наиболее популярной (массовой) мистификации, или же встраивать свою собственную с готовностью понести бремя общественных санкций вместе со стремлением минимизировать транзакционные издержки за отсутствие контакта с объективной реальностью.

Важной частью институционализации выступает реификация — предельный уровень объективации института, при котором человеческие феномены начинают восприниматься как самостоятельные вещи, а потому и становятся таковыми по своей сути, начинают жить собственной жизнью. Реификации под-

вержены также роли и идентичности. Ключевое изменение ввиду цифровизации: институты утрачивают монополию на социальный контроль, уступая место алгоритмическим системам управления, которым не требуется интернализация норм индивидами — достаточно, чтобы они (индивиды) реагировали на алгоритмические стимулы. Реификация алгоритмов создает новую форму фетишизма.

4. Легитимация — объяснение и оправдание порядка. Легитимация актуальна там и тогда, где и когда институты по той или иной причине перестают быть некоторым фактом, не требующим дополнительного подтверждения. Это бывает тогда, когда возникает кризис доверия к определенному набору «рецептов». Основную актуальность легитимация приобретает тогда, когда возникает вопрос передачи знания новому поколению.

Новое поколение, как совокупность индивидов, не обладает той индивидуальной памятью и хабитуализацией, что и носители рецептов. Поэтому для интернализации их знания требуется дополнительное объяснение и оправдание, чтобы транслируемый порядок определялся ими как оптимальный. П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня легитимации:

1. Первичное знание, или «то, что знает каждый». По своей сути это некий набор аксиом дотейоретического знания, которое воспринимается как нечто существующее, самоочевидное, воспринимаемое в русле «так уж сложилось».

Ключевое изменение ввиду цифровизации: первичное знание перестает быть продуктом коммуникации конкретного сообщества, а становится продуктом алгоритмического консенсуса, формируемого цифровыми платформами. «Все знают» теперь означает «очевидно для всех, кто находится в среде общего алгоритмического воздействия».

2. Теоретическое утверждение в зачаточной форме. Знание имеет несложные схемы объяснения, апеллирующие к прагматизму и конкретным действиям, — например, народная мудрость.

Ключевое изменение ввиду цифровизации: теории, находящиеся в зачаточной форме, теперь распространяются с высокой скоростью за счет алгоритмического усиления и могут достигать глобальной аудитории за считанные часы. Их убедительность определяется не столько глубиной проработки, сколько способностью вызывать эмоциональный отклик, который алгоритмические системы интерпретируют как сигнал для дальнейшего распространения.

3. Явные теории выступают средством легитимации различных секторов института при помощи терминов, образующих дифференцированную систему

знаний. Такие теории охватывают отдельные части поведения, передаются при помощи формализованных процедур — например, обучение или посвящение. Данный этап предполагает выход легитимации за пределы практики, становление ее чистой теорией.

Ключевое изменение ввиду цифровизации: явные теории перестают быть монопольным продуктом академических институций. Производство и распространение знания демократизируется, платой за это выступает значительное снижение его качества. Алгоритмические системы становятся главными «редакторами», определяющими, какие из теорий получают публичную огласку, а какие канут в небытие.

4. Символические универсумы включают в себя общие представления о мире и о человеке. Роль символических универсумов заключается в создании у индивидов ощущения, что то, как они живут, — правильно.

Символические универсумы выходят далеко за пределы области практического применения, за пределы повседневной жизни. Они создают всеобъемлющую систему отсчета, в которой все находит свое место. Индивиды согласны существовать в русле символического универсума, коль скоро он выполняет свои функции.

Объективизация универсума создает необходимость дополнительной легитимации в случае наличия альтернатив. Имеют место отклоняющиеся версии символического универсума, которые сами становятся реальностью. Взаимодействие отличающихся друг от друга обществ приводит к столкновению символических универсумов, возникает кризис не только самого универсума, но и институционального порядка как такового. Результат столкновения альтернативных символических универсумов определяется не столько теоретической проработанностью, сколько властными ресурсами продвигающих групп.

Ключевое изменение ввиду цифровизации: символические универсумы все больше теряют связь с географическими и культурными границами. Они существуют в форме информационных пузырей, поддерживаемых алгоритмами цифровых платформ. Человек может жить в универсуме, который разделяют миллионы людей по всему миру, но при этом не иметь контакта с соседом по лестничной клетке, живущим в другом универсуме. Власть над символическими универсумами переходит от традиционных институтов (государство, церковь, школа) к владельцам цифровых платформ.

Ключевое изменение на 4-м уровне (уровне легитимации) ввиду цифровизации: если клас-

сическая легитимация была процессом объяснения и оправдания порядка через содержательные аргументы, апелляции к традициям и авторитету, то в цифровой среде она превращается в процесс алгоритмического подтверждения и вирального закрепления. Легитимность теперь определяется не столько соответствием истине или традициям, сколько способностью алгоритмов цифровых платформ делать определенные нарративы доминирующими в информационном поле.

Легитимация институтов может происходить как путем создания новых теорий, которые будут объяснять и оправдывать имеющийся порядок, либо путем изменения самих институтов с целью приведения их к существующим теориям для их легитимации. При этом сами институты отнюдь не обязательно подвергаются значительным изменениям содержательной части: нередко меняется сам фасад, а сущность остается неизменной.

Так, страны Востока, мимикрируя под демократические, создают соответствующие фасады с целью соответствия своего национального имиджа существующей политической моде. Это явление не ново: так, в период холодной войны было нормальной практикой, когда при борьбе за сферы влияния в странах Африки периодически менялись политические фасады. При приходе коммунистов вождь становился генеральным секретарем местной компартии, а жители — строителями коммунизма. При приходе американцев вождь внезапно оказывался демократически избранным президентом, а строители коммунизма становились «свободными» избирателями.

Для наглядности предлагается рассмотреть кейс такого института, как Пакт гражданской солидарности (PACS)¹ во Франции. Официальное назначение PACS — заполнение юридических пустот, окружающих неженатые пары, в том числе гомосексуальные. Пакт предлагает некоторые минимальные личные и имущественные права лицам, находящимся между простым сожителем и браком. Рост популярности PACS в современных реалиях как альтернативы стандартному браку связан с относительной простотой и дешевизной его расторжения по сравнению с браком.

Ряд активистов, среди которых значительное число представителей левых партий Франции, продвигали идею внедрения PACS. Успех в продвижении решения во многом связан с тем, что оно происходило в условиях общества, где сожителем

как модель существования уже имело место, к тому же было достаточно популярно даже в традиционных парах — ввиду необходимости в случае развода содержания супруга/супруги на том же уровне, что и до развода, пока не наступит момент вступления им/ей в следующий брак.

Активность в создании данного социального конструкта в конце XX в. де-факто началась на почве уже пройденного этапа экстернализации и хабиутализации. Оттого под предлогом легализации и так существующих социальных практик, при помощи некоторого «удобрения» данного предложения частью льгот, доступных при полноценном браке (инструмент легитимации), обмен на политическом рынке не заставил себя ждать: социальный конструкт был институционализирован.

Количество разводов и их последствия, разводы медийных персонажей (например, развод Джонни Деппа и Эмбер Херд²) приводят к росту легитимности данного конструкта и углублению его интернализации.

Спецификой цифрового общества, как следующего за электронным, и, соответственно, спецификой политического управления в новых условиях выступает то, что содержание символической реальности, задающее вектор и определяющее рамки процесса экстернализации, формируется на просторах цифровых платформ.

И если характер применения цифровых платформ для достижения функциональной траектории понятен и однозначен ввиду того, что ими владеет и их контролирует государство (например, портал «Госуслуги» и прочее), то с цифровыми платформами, влияющими на консолидационную траекторию, все на порядок сложнее, так как зачастую входящие в них новые медиа не принадлежат государству, а находятся в частной собственности.

4. Противостояние государств и медиакратии в механизме конструирования реальности

Символическая реальность, определяющая содержание социальной реальности, формируется преимущественно в результате коммуникаций в цифровом пространстве, где серьезный вес имеет медиакратия. В этих условиях государство вынуждено позиционировать себя в пространстве, которое сложно контролировать, еще сложнее — при помощи различных методов договариваться с владельцами медиахолдингов и т.д.

¹ URL: <https://exil-solidaire.fr/pacs>

² URL: <https://ren.tv/longread/979368-kak-istoriia-liubvideppa-i-kherd-prevratilas-v-sudebnye-razbitatelstva?ysclid=mnhav3adxv95720611>

Цифровые технологии, цифровые платформы, изначально появившиеся как средство улучшения качества управления, качества жизни населения, де-факто бросают вызов традиционным институтам, в первую очередь — государству. Если ранее государство имело неоспоримо доминирующее положение в вопросе управления обществом, то сегодня, ввиду того что значительная часть жизни людей протекает в цифровом пространстве, цифровые платформы имеют не меньшее влияние. Иначе говоря, цифровые платформы играют те же роли в цифровом пространстве, что и государство в реальной жизни. Удельный вес цифровых платформ и государства в конструировании социальной реальности можно представить через оценку их ресурсных возможностей.

Первый маркер: единство территории / единство цифрового пространства

1. Четко ограниченная территория государства / четко ограниченное цифровое пространство.

2. Функционирование государственных органов власти на всей территории / функционирование IT-специалистов на всем пространстве платформы.

3. Действие государственных законов на всей территории / действие прописанных алгоритмов на всем пространстве.

Второй маркер: государственный суверенитет / «цифровой суверенитет»

1. Верховенство государственной власти над другими видами власти / верховенство команды разработчиков платформы над организаторами сообществ.

2. Независимость в отношениях с другими странами / независимость в отношениях с другими платформами.

Третий маркер: право взимания налогов и издания законов

1. Исключительное право издавать общеобязательные законы / исключительное право прописывать общеобязательные алгоритмы и правила платформы.

2. Право взимания налогов с граждан и организаций / право взимания комиссии и платной подписки с аудитории и контент-мейкеров.

Четвертый маркер: наличие публичной власти

1. Выделенная из общества группа людей (чиновники) / выделенная из аудитории группа людей (разработчики).

2. Наличие определенных властных полномочий, прописанных в законе / наличие определенных властных полномочий, прописанных в правилах платформы.

Пятый маркер: монополия на легитимное насилие

1. Наличие специальных органов принуждения (армия, полиция) / наличие специальных структур контроля соблюдения правил платформы.

2. Право применять силу в рамках закона / право применять санкции вплоть до «отмены» человека или сообщества.

Дополнительные маркеры: символика, материально-технические средства

1. Государственная символика (флаг, гимн, герб) / символика цифровой платформы (дизайн).

2. Государственные здания, вооружение, средства связи / здания, оборудование (серверы).

Противостояние государств и медиакратии — глобальный процесс. Политическое давление и допрос в конгрессе США Цукерберга, задержание П. Дурова во Франции и многое другое — это борьба за глобальное влияние, результатом которой становится возможность элит контролировать процесс производства политического дискурса.

Об отсутствии нейтралитета цифровых платформ говорит «отмена» ряда СМК «пророссийского» характера с момента начала СВО: удаление YouTube-каналов российских политических блогеров (Пучков) при одновременном отсутствии запрета откровенно антироссийского и антирусского контента внутри своего пространства.

Последним оплотом политического нейтралитета, по мнению ряда экспертов, выступает Telegram, популярность которого во Франции и США буквально взлетела после задержания П. Дурова.

Актуальное на данный момент громкое событие, иллюстрирующее столкновение медиакратии (в данном случае с европейской элитой), — выборы президента Румынии, где победил Никушор Дан. Проигравший кандидат подал иск в Верховный суд, где оспорил результаты выборов, сославшись на вмешательство в процесс Франции и Молдавии.

«Я готов приехать и дать показания, если это поможет демократии Румынии»⁵, — написал Дуров в ответ на пост лидера оппозиционного националистического «Альянса за объединение румын» Джордже Симиона, который уступил во втором туре президентских выборов проевропейскому независимому кандидату Никушору Дану.

В своем посте Симион требует отменить результаты голосования по причине внешнего вмеша-

⁵ URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2025/682cd1bf9a7947faf14572d9?ysclid=mnhawvryoy444297095>

тельства государственных и негосударственных игроков. Кроме того, Симион утверждал, что в ходе выборов действовал «целый механизм фальсификации», посредством которого Дану были добавлены голоса. Лидер «Альянса за объединение румын» заявил, что также было «вмешательство со стороны французского государства», сославшись на свидетельство Дурова⁴.

Еще одним инструментом в руках государства по давлению на медиакратию с целью контроля дискурса является институт «иноагентства».

Министр юстиции РФ Константин Чуйченко 24 апреля 2023 г., комментируя российскую практику в этом направлении, отметил: «При разработке нашего закона авторы учитывали, в том числе, и международный опыт, в частности известный всем Закон FARA⁵ — „Акт регистрации иностранных агентов“, принятый в США еще в 1938 г.⁶ Для сравнения: в FARA в общей сложности сейчас числятся более 3,5 тыс. агентов. С 2016 г. количество регистраций увеличилось на 30%. У нас же сейчас действующих агентов чуть более 400»⁷.

Он напомнил, что по закону FARA любая организация или физическое лицо, которые действуют в политических интересах иностранных государств, а также СМИ, должны в десятидневный срок зарегистрироваться и каждые полгода представлять правительству подробный отчет о своей деятельности.

«Кроме того, в законодательстве США используется так называемое открытое понятие политической деятельности, позволяющее распространять действие закона на широкий круг лиц, занимающихся лоббистской, информационно-консультативной деятельностью, а также распределением финансовых ресурсов. Для сравнения: в нашем законодательстве перечень сфер и форм политической деятельности четко определен»⁸, — рассказал министр.

Особо узнаваемым чиновником в российском пространстве контроля дискурса является Е. Мизулина — исполнительный директор Национального центра помощи детям, член Общественной палаты РФ, директор «Лиги безопасного интернета», блогер.

Так, в апреле 2023 г. в реестр запрещенной информации Роскомнадзора были внесены аккаунты 15 блогеров. Среди них: Егор Крид, Гусейн Гасанов, Андрей Бурим, Николай Лебедев, Юрий Хованский. Платформам также направили требования ограничить доступ к аккаунтам на территории РФ⁹.

«Получили официальные ответы от Роскомнадзора и ФНС в связи с обращениями Лиги по незаконной рекламе казино. В реестр запрещенных сайтов внесены ресурсы стримеров на площадках Twitch, Telegram, Kick. Платформам направлены требования от РКН об ограничении доступа к аккаунтам на территории России»¹⁰, — сообщила ТАСС глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина.

«Отмена» ряда артистов, СМК и прочего не происходит безальтернативно: обязательно предлагается лояльная базовому дискурсу альтернатива. Так, Я. Дронов (Shaman) буквально взлетел в медиапространстве не только благодаря таланту, но и соответствию продвигаемому государством дискурсу, что в итоге вылилось в «зеленый свет» в вопросах выступлений, а также в присвоении звания заслуженного артиста РФ.

ВЫВОДЫ

Цифровые платформы сегодня превратились в основное средство коммуникации, что влечет неоднозначные последствия. Основная проблема — согласование и консолидация интересов разнородного общества остается нерешенной. Если ранее в условиях тиражируемой массам информации существовал базовый дискурс, то теперь степень дифференциации источников такова, что его (базового дискурса) попросту нет. Между тем потребность в согласии и консолидации общества никуда не исчезла, она остается значимым фактором развития. Алгоритмизация — явление, часто имеющее отрицательный подтекст в научном дискурсе, открывает «окно возможностей» для формирования общей «картины мира». Обилие источников информации ограничивает платформам возможность прямо навязывать базовый дискурс. Однако при помощи алгоритмов цифровые платформы повышают осведомленность пользователя о проблемах, навязывают базовый нарратив, формируя нужные установки. В случае договоренностей с владельцами этих платформ или же их

⁴ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23998661?ysclid=mnhayv4cb0877609060>

⁵ «Иностранные агенты» в России и США — в чем сходства и различия. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/47071/>

⁶ URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/frequently-asked-questions>

⁷ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49463/>

⁸ Там же.

⁹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/17581747>

¹⁰ URL: https://www.gazeta.ru/politics/2023/04/21_a_16594453.shtml?ysclid=mnhb5mnzz6894362041&utm_auth=false

национализации государство получает возможность навязывания базового алгоритма. Базовый алгоритм, будучи основанным на необходимом государству дискурсе, обеспечит его трансляцию «производителями реальности», что может стать инструментом преодоления проблемы расколотого общества и специфической реципрокности.

Цифровые платформы создают новую символическую реальность, значение которой сегодня нельзя не учитывать. Дело в том, что именно в рамках цифровых платформ реализуется символическое господство, порождающее нарративы, которые становятся триггерами появления конкретных социальных практик. Социальные практики, складывающиеся под давлением общественного мнения [10, с. 63–79], получают законодательное закрепление и предъявляются обществу как обязательные. Их соблюдение опирается на силу общественного мнения, сформированного с помощью цифровых платформ, и на принудительную силу со стороны государства. Это пронизывает процесс институционализации практик во всех странах.

По данным ежегодного отчета Global Digital 2025¹¹, средний показатель времени, проведенный пользователем интернета в мире, — 6 часов 38 минут в день. В России среднесуточное время онлайн у россиян составляет 8 часов 38 минут. Если исходить из того, что средний временной интервал, отведенный человеком на сон, составляет 8 часов, то для офлайн жизнедеятельности остается менее 8 часов. Сопоставление роли государства — в реальном, и роли цифровых платформ — в цифровом пространстве показало фактическое дублирование вторым положения первого.

В ситуации, когда институты оказываются неспособными оперативно отрабатывать динамику запросов, то есть перестают играть роль основного инструмента адаптации общества новым вызовам, цифровые платформы выступают в качестве альтернативы традиционным структурам господства, способной справиться с динамичной мозаикой разнородных предпочтений. При этом немалая часть цифровых платформ имеет негосударственный статус и природу. Очевидно, что столь сильные позиции цифровых платформ и медиакратии в механизме управления обществом не могут игнорироваться государством. Осозна-

вая это, национальные государства стремятся не просто встроиться в цифровое пространство, но и взять его под свой контроль с целью не допустить превращения медиакратии в главного субъекта политического управления.

Меняется не только пространство субъектности управления, изменения затрагивают саму стилистику и технологии цифрового господства [7, с. 55]. Современные символические технологии позволяют цифровым корпорациям знать о человеке больше, чем он сам знает о себе. Добровольный отказ индивидов от своей субъектности в угоду комфорту воспринимается как способ упростить собственное существование путём делегирования обязанностей. Однако в состав такой «делегации» переходят и их права.

Проведенный анализ и его результаты являются значимыми для современной политической науки в контексте того, что они могут выступать основанием для конструирования стратегий купирования выявленных рисков.

Одним из основных потенциально дискуссионных моментов исследования выступает проблема сопоставимости значимости символической реальности, что преимущественно контролируется медиакратией и фактической социальной, что преимущественно контролируется государством. Однако тот факт, что реальные социальные практики и взаимодействия формируются на основании «порядка в головах», а государство вынуждено встраиваться в пространство цифровых платформ и осуществляет попытки взять их под свой контроль, приводит к мысли о том, что серьезных обозримых факторов, способных привести к качественно иным выводам, не представляется.

Дальнейшим направлением научного поиска для будущих исследователей, связанным с разработкой данной проблематики, может выступать конструирование оптимальной для России модели взаимодействия государства и цифровых платформ на базе Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹². Представляется, что такая модель расположена в плоскости консолидации усилий власти, бизнеса и гражданского общества.

¹¹ URL: <https://www.bygd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal/?ysclid=mnhbk9slob368158167>

¹² URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mnhcqryz5h197786825>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Володенков С.В., Федорченко А.В., Артамонова М.А. Цифровизация пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: актуальные научные подходы, модели и сценарии. *Вестник Московского университета*. 2022;12(2):46-57. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8188/?ysclid=mnhbvkheej470339888>; URL: <https://elibrary.ru/gxrfwy>
2. Couldry N., Meijas U. The costs of connection: How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford University Press; 2019. 352 p. URL: <https://doi.org/10.1515/9781503609754>
3. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. New York: PublicAffairs; 2019. 717 p. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1007/s00146-020-01100-0> URL: https://library.mastel.or.id/wp-content/uploads/2021/07/The-Age-of-Surveillance-Capitalism_-The-Fight-for-a-Human-Future-at-the-New-Frontier-of-Power-PDFDrive-.pdf
4. Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K. Digital citizenship in a datafied society. Cambridge: Polity; 2019. 180 p. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1515/commun-2020-2086>
5. Fuchs C. Digital democracy and the digital public sphere. Routledge; 2022. 320 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003331087>
6. Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2025;25(2):251-266. URL: <https://elibrary.ru/vvwtwd>
7. Мухаев Р.Т., Чубаров А.И. Культурные контексты цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ Западной и Восточной моделей. *Журнал политических исследований*. 2024;8(2):42-58. URL: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-2-42-58>
8. Беденкова А.С. Цифровое правительство как концептуальное развитие электронного правительства. *Полилог*. 2021;5(3):15. URL: <https://doi.org/10.18254/S258770110015808-0>
9. Латур Б., Вахштайн В., Смирнов А. Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*. 2007;6(2):79-98. URL: <https://elibrary.ru/jwuryh>
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум; 1995. 323 с. URL: https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf

REFERENCES

1. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, A.V., Artamonova, M.A. Digitalization of the space of modern politics in the context of global technological transformations: Current scientific approaches, models and scenarios. *Bulletin of the Moscow University*. 2022;12(2):46-57. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8188/?ysclid=mnhbvkheej470339888>; URL: <https://elibrary.ru/gxrfwy> (In Russ.).
2. Couldry, N., Meijas, U. The costs of connection: How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. *Stanford University Press*. 2019. 352 p. URL: <https://doi.org/10.1515/9781503609754>
3. Zuboff, S. The Age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. New York: PublicAffairs; 2019. 717 p. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1007/s00146-020-01100-0> URL: https://library.mastel.or.id/wp-content/uploads/2021/07/The-Age-of-Surveillance-Capitalism_-The-Fight-for-a-Human-Future-at-the-New-Frontier-of-Power-PDFDrive-.pdf
4. Hintz, A., Dencik, L., Wahl-Jorgensen K. Digital citizenship in a datafied society. Cambridge: Polity. 2019. 180 p. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1515/commun-2020-2086>
5. Fuchs, S. Digital democracy and the digital public sphere. Routledge; 2022. 320 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003331087>
6. Popova E.V., Ustyuzhantseva O.V., Gao H. Constructing digital sovereignty in the media of Russia and China: Big Data analysis. *Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations*. 2025;25(2):251-266. URL: <https://elibrary.ru/vvwtwd> (In Russ.).
7. Mukhaev, R.T., Chubarov, A.I. Cultural contexts of digital transformation of public administration: A comparative analysis of Western and Eastern models. *Journal of Political Studies*. 2024;8(2):42-58. URL: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-2-42-58> (In Russ.).
8. Bedenkova, A.S. Digital government as a conceptual development of e-government. *Polylogue*. 2021;5(3):15. URL: <https://doi.org/10.18254/S258770110015808-0> (In Russ.).

9. Latour, B., Vakhstein, V., Smirnov, A. On interobjectivity. *The Sociological Review*. 2007;6(2):79-98. URL: <https://elibrary.ru/jwuryh> (In Russ.).
10. Berger, P., Lukman, T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium. 1995. 323 p. URL: https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Рашид Тазитдинович Мухаев — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Rashid T. Mukhaev — Dr. Sci. (Political), Prof., Prof. of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5607-8323>
muhaev_r@mail.ru

Артём Игоревич Чубаров — аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Artem I. Chubarov — PhD student of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0003-1079-211X>
Автор для корреспонденции / *Corresponding Autor*:
chubarov-artem98@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.10.2025; после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 21.10.2025; revised on 16.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-83-94
UDC 327.8(045)

Sanctions, Nuclear Ambition and the Architecture of Economic Resistance in Iran

E. Rasoulinezhad

University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

ABSTRACT

The standoff over Iran's nuclear program is often framed as a simple confrontation between Tehran and the West, but the reality is far more complex. What we are witnessing is a dialectical process – one in which action and reaction continually reshape the landscape in unpredictable ways. In this study, I argue that international sanctions have not stopped Iran's nuclear ambitions. Instead, they have provoked a deeper transformation: the consolidation of a "resistance economy" ideology, now embedded in the Islamic Republic's political economy and geared primarily toward regime survival. Far from weakening the system, the 2025 military strike and the subsequent snapback of sanctions appear to have reinforced it. Today, Iran's nuclear program exists in a dual state – both latent and existential. It has become woven into the identity of the state itself. Yet this resilience has come at a steep price. Economic isolation is now structural, corruption has become institutionalized, and civil society operates under severe constraints. In many respects, Western pressure has produced the opposite of its intended effect, empowering security institutions while marginalizing the civilian economy and narrowing the space for diplomacy. If there is a lesson here, it is that policy based primarily on coercion is unlikely to yield the outcomes its architects expect. A more productive path would involve shifting toward managed engagement – combining credible deterrence with realistic diplomatic off-ramps. For regional actors, this also means recalibrating expectations. The question is no longer whether Iran can be kept non-nuclear, but how to manage a regional environment with a nuclear-capable Iran. Direct, sustained dialogue among regional powers is essential if we are to avoid dangerous escalation spirals. For Tehran, the challenge is not less complex. The logic of perpetual resistance, however politically useful domestically, is economically and socially unsustainable in the long term. Reintegration into the global economy would require difficult compromises – politically costly, but perhaps necessary.

Keywords: economic sanctions; nuclear energy program; economic resistance; Iran

For citation: Rasoulinezhad E. Sanctions, nuclear ambition and the architecture of economic resistance in Iran. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):83-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-83-94

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Санкции, ядерные амбиции и архитектура экономического сопротивления в Иране

Э. Расулинежад

Университет Тегерана, Тегеран, Исламская Республика Иран

АННОТАЦИЯ

Противостояние вокруг ядерной программы Ирана часто преподносится как простая конфронтация между Тегераном и Западом, но реальность гораздо сложнее. Происходящее сегодня – это диалектический процесс, в ходе которого действия и противодействие постоянно меняют ландшафт мировой экономики непредсказуемым образом. Автор считает, что международные санкции не остановили ядерную программу Ирана. Напротив, они спровоцировали более глубокую трансформацию: укрепление идеологии «экономики сопротивления», которая в настоящее время укоренилась в политической экономике Исламской Республики и направлена в первую очередь на выживание режима. Военный удар 2025 г. и последующее ужесточение санкций, по-видимому, не только не ослабили систему, но и укрепили ее. Сегодня ядерная программа Ирана стала неотъемлемой частью идентичности самого государства. Однако эта устойчивость была приобретена дорогой ценой. Экономическая изоляция в настоящее время носит структурный характер, коррупция приобрела институциональный характер, а гражданское общество работает в условиях жестких ограничений. Во многих отношениях давление Запада привело к эффекту, противоположному ожидаемому, – укреплению институтов безопасности, маргинализации гражданской экономики и сужению пространства для дипломатии. Если из этого и можно извлечь урок, то он заключается в том, что политика, основанная главным образом на принуждении, вряд ли приведет к тем результатам, на которые рассчитывают ее создатели. Более продуктивным был бы переход к управляемому взаимодействию, сочетающий надежное сдерживание с реалистичными дипломатическими мерами. Для региональных

© Rasoulinezhad E., 2026

участников это также означает пересмотр ожиданий. Вопрос больше не в том, удастся ли сохранить Иран безъядерным, а в том, как управлять региональной обстановкой в условиях, когда Иран обладает ядерным потенциалом. Прямой, устойчивый диалог между региональными державами необходим, если мир хочет избежать опасного витка эскалации. Для Тегерана эта задача не менее сложная. Логика постоянного сопротивления, какой бы политически полезной она ни была внутри страны, экономически и социально неустойчива в долгосрочной перспективе. Реинтеграция в мировую экономику потребует сложных компромиссов — политически дорогостоящих, но, возможно, необходимых.

Ключевые слова: экономические санкции; ядерно-энергетическая программа; экономическое сопротивление; Иран

Для цитирования: Расулинежад Э. Санкции, ядерные амбиции и архитектура экономического сопротивления в Иране. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):83-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-83-94

INTRODUCTION

The relationship between national security and economic vitality has long been a central mystery in international political economy. Few cases capture this tension as vividly as Iran, where more than two decades of nuclear development have been met with progressively tighter sanctions regimes [1–3]. In response, the Iranian state has constructed an elaborate system of economic resistance — one that draws on informal networks, state-controlled enterprises, and a rhetoric of self-reliance. What is striking, however, is how much of the existing literature focuses on the geopolitical dimensions of this standoff, leaving the internal economic logic relatively underexplored. We know less than we should about how Iran’s economy has been structurally reorganized, what trade-offs this reorganization entails, and whether the model can sustain itself over time. This paper takes up those questions. I argue that Iran’s economic response to sanctions is not a series of improvised, reactive measures but a deliberate — if constantly evolving — political-economic strategy. Its primary purpose is not economic growth or welfare, but regime survival and the preservation of nuclear latency. Understanding the structure, internal contradictions, and long-term viability of this resistance model is therefore essential to making sense of where Iran’s nuclear trajectory is headed.

Understanding this case is critical for several reasons. Firstly, it provides a seminal example of how a resource-rich middle-income economy navigates and attempts to mitigate comprehensive international isolation. The findings contribute directly to the broader literature on the efficacy of sanctions as a foreign policy tool. Secondly, Iran’s experience offers insights into the creation of a «resistance economy» — a concept increasingly relevant in a world of renewed great power competition and economic fragmentation [4]. Finally, for politicians in both Western capitals and the region, accurately assessing the strengths and vulnerabilities of Iran’s economic defenses is essential for crafting effective diplomatic, economic, and security strategies.

The current situation of sanctions and nuclear deal of Iran is a precarious equilibrium. Iran maintains an ad-

vanced nuclear infrastructure with a rapidly shortening breakout time, treating it as a non-negotiable symbol of national sovereignty and technological prowess. Conversely, the economy operates under a dense network of multilateral and unilateral sanctions that as mentioned by Nakhli et al., [5], and Roudari et al., [6], have severely constrained oil exports, access to financial markets, and integration into global value chains. In response, the state has pursued a multi-pronged strategy: fostering import-substitution industrialization, reorienting trade towards regional neighbors and strategic partners like China and Russia [7], developing alternative financial mechanisms to circumvent banking restrictions, and promoting a discourse of self-reliance.

This paper is guided by the following primary research question: How has the architecture of Iran’s economic resistance evolved in response to sanctions linked to its nuclear program, and what is its sustainability? It is hypothesized that Iran has developed a resilient but ultimately sub-optimal economic resistance architecture that successfully ensures regime security and perpetuates the nuclear program in the short to medium term, but at the cost of long-term economic stagnation, structural deformation, and increased dependency on a limited set of international actors.

In theory, this combines two scientific disciplines that rarely intersect: on the one hand, research on sanctions resistance and economic governance, and on the other, research on rentierism and political economy of security. The goal is to build a more integrated analytical framework — one capable of capturing the specific logic of the Iranian case without forcing it into existing models developed for very different contexts. Empirically, the paper offers a detailed, up-to-date mapping of Iran’s economic resistance architecture. Rather than treating the sanctions economy as a black box, it examines the specific institutions, policies, and external partnerships that hold it together — and, equally important, the tensions and contradictions within them. Methodologically, the study moves beyond historical description by incorporating scenario planning. This approach allows for asking not only how Iran’s resistance model has evolved, but also under what conditions it might become unsustainable.

The paper will be structured to systematically address the research problem. The second section, after the introduction, provides a literature review that examines existing research on the effectiveness of sanctions, Iran's political economy, and the emerging concept of "resistance economics." The third section will establish the conceptual framework, building an original analytical model that links security ambition, rentier state dynamics, and adaptive economic institutions. The fourth section will then delve into the historical roots of Iran's nuclear ambition and its stated economic targets. The fifth section will provide a detailed analysis of the sanctions regime and the corresponding evolution of Iran's defensive economic measures. The sixth section will employ a scenario planning discussion to explore potential future trajectories and their implications for the stability of the Iranian resistance model. The paper will conclude with a seventh section that summarizes the findings, validates the initial hypothesis, and outlines broad policy implications for both the international community and Iran's long-term economic health.

LITERATURE REVIEW

Sanctions on Iran's nuclear program

A large number of scientific papers provide detailed descriptions of the international sanctions imposed on Iran, tracing its evolution from targeted measures to a comprehensive and multilateral system designed to cripple the Iranian economy and compel a change in nuclear policy. Early works, such as those by Al-Khafaji Mohammed [8], provide an insider's perspective on the design and logic of "smart sanctions" aimed at specific sectors and individuals, arguing that maximum pressure was intended to force diplomatic concessions. Analyses from Katzman [9] of the Congressional Research Service offer ongoing, detailed information of the legal architecture of U.S. sanctions, including key executive orders and legislative acts like the Iran Sanctions Act (ISA) and the Iran Freedom and Counter-Proliferation Act (IFCA). In terms of the economy, thorough empirical research has quantified the extensive impact of these measures. Scientists like Zweiri & Abusharar [10], and Kaur & Raman [11], have employed qualitative and quantitative models to demonstrate the sanctions' significant negative effects on Iran's macroeconomic stability, linking them to soaring inflation, currency depreciation, a sharp decline in oil export revenues, and a contraction in GDP growth.

Economic resistance of Iran

In response to the external pressure, a parallel strand of literature has emerged focusing on Iran's domestic strategy of "resistance economy" (*eqtesad-e mova-*

neat), a concept formally elevated to a national policy framework by the Supreme Leader. This research explores the internal adaptations and policies designed to mitigate the impact of isolation. Scientists such as Cheratian & Goltabar [12] dissect the doctrinal elements of this strategy, which includes promoting self-sufficiency in key industries (import substitution industrialization), diversifying trade partners to circumvent Western markets, and developing informal financial networks to bypass the global banking system. A critical facet of this analysis, highlighted by researchers like Sepehri & Qadiri [13], examines the changing structure of the Iranian political economy under sanctions. In other studies like Bazoobandi [14], Kalb [15], and Wastnidge [16], the economic resistance has defined as a religious-cultural concept that the Iranian people have experienced it during difference crises like the Iraq-Iran war in 1980s, WWI and WWII, etc. The other groups of earlier studies (e.g., see Ghavi Del & Farahani fard, [17], Ghaffary fard & Alamdar, [18]), mostly published in Iranian journals, have reported the successful experiences of economic resistance in different sectors of the country under the sanctions.

Literature gap

Despite the depth of these two scholarly streams, a significant and consequential gap persists at their intersection. The existing literature often treats the sanctions and the resistance economy as separate phenomena: one an external force, the other an internal response. There is a lack of a cohesive, integrated theoretical framework that systematically analyzes the dynamic feedback loop between the two. Specifically, few studies explicitly connect the evolution and escalation of Iran's nuclear ambitions as a primary driver of increasingly severe sanctions to the concurrent development and sophistication of the architecture of economic resistance. Furthermore, much of the analysis is retrospective, providing excellent historical and descriptive accounts but offering limited forward-looking analysis. A critical void exists in applying methodological tools, such as scenario planning, to project the long-term sustainability of this model, assess its potential breaking points, and explore the conditions under which it might succeed or fail.

CONCEPTUAL FRAMEWORK AND THEORETICAL LENS FOR INTERPRETATION

This paper posits that the relationship between Iran's nuclear program, international sanctions, and its economic response is not merely sequential but dialectical — a dynamic, interactive process where each ele-

ment shapes and is shaped by the others. To analyze this complexity, a robust conceptual framework is necessary. This framework defines the core variables, introduces mid-range theories from International Political Economy (IPE) and institutional economics to interpret their interconnections, and ultimately presents an integrated model to guide the empirical analysis.

The driving force within this analytical framework is Iran's nuclear ambition. To move beyond simplistic narratives, this variable is operationalized not as a mere binary choice — to weaponize or not — but as a multifaceted and continuous spectrum of latency and technological capability. This spectrum encompasses several measurable dimensions: the level of uranium enrichment (e.g., advancing from 3.67% to 60% to 90% purity), the size of stockpiled fissile material, the number and efficiency of centrifuges in operation, and mastery over the entire nuclear fuel cycle. Beyond these technical metrics, the ambition is also ideologically rooted, serving as a potent symbol of national sovereignty, technological modernity, and strategic defiance against perceived Western hegemony. It is this enduring and escalating ambition that acts as the primary catalyst, provoking an international response and setting the entire sequence of events into motion. The outcome variable of this process is the structure and efficacy of Iran's economic resistance. This is conceptualized as the emergent, complex architecture the state constructs to ensure survival and pursue its goals under external duress. Its "structure" refers to the specific institutional and policy pillars erected, including the formal policy of "Resistance Economy" promoting self-sufficiency and import substitution, and the development of clandestine financial networks to circumvent the global banking system. Its "efficacy" is measured by its success in mitigating the intended coercive effects of sanctions, evidenced by the stabilization of macroeconomic indicators after an initial shock, the maintenance of critical import supply chains through third parties, and, crucially, the continued allocation of resources to the nuclear program itself.

Linking these two variables (nuclear ambition, and resistance economy) is the critical intervening or mediating variable: the international sanctions regime. Sanctions are not a monolithic or static force but an evolving and multifaceted instrument of statecraft. Their impact is mediated by their scope (targeted vs. comprehensive), their multilateral cohesion (UN vs. unilateral US sanctions), and their duration. The sanctions regime performs the essential function of transforming Iran's nuclear ambition from a political-security project into an all-encompassing economic

challenge. By deliberately targeting the country's financial system, oil exports, and technological imports, sanctions weaponize the global economy to inflict calculated economic pain. This forcible translation of a security pursuit into an economic crisis creates an existential imperative for the state. It can no longer treat the nuclear program as a standalone strategic dossier; it must now develop a comprehensive economic counter-strategy — the architecture of resistance — specifically designed to neutralize the financial and commercial siege.

Moreover, discussion on theoretical lenses for interpretation is important for this paper. Generally, no single theory can fully capture this triad. Instead, a synthesis of theoretical perspectives provides the best analytical toolkit.

The first point can be discussed by the Neorealist Security Theory. This perspective, rooted in the work of scientist like Kenneth Waltz, explains the genesis of the independent variable. It frames Iran's nuclear ambition as a rational response to a perceived anarchic international system. In a dangerous neighborhood and facing existential threats from both regional rivals and a hostile superpower (the U.S.), pursuing a nuclear deterrent is a logical, if high-risk, strategy for maximizing security and ensuring regime survival. This theory explains why Iran is willing to bear immense economic costs, viewing nuclear capability as the ultimate guarantor of sovereignty that transcends economic well-being.

The Theory of Autocratic Resilience and Patronage Networks is the next root of discussion. To understand the form of the dependent variable (the architecture of resistance), we turn to theories of authoritarian governance. Sanctions often fail to cause political change because they strengthen the very actors they intend to weaken. This framework argues that sanctions create a lucrative political marketplace. The state's response is not designed for Pareto-optimal economic efficiency but for political efficiency — prioritizing the flow of resources to key patronage networks that uphold the regime. Thus, the "resistance economy" is, in part, an economy of cronyism and coercion, specifically engineered to consolidate power and redistribute rents to loyalists, thereby ensuring political resilience at the expense of broad-based economic development.

The Institutional Adaptation and Path Dependency can be explained another point of our work. Drawing from historical institutionalism, this lens helps explain the evolutionary nature of the resistance architecture. Sanctions represent a critical juncture that disrupts the previous path of (limited) integration into the global

economy. The initial policy responses create new institutions and powerful vested interests. These new institutions then create path dependency — they have a stake in the perpetuation of the sanctioned environment that grants them privilege and eliminates competition. Over time, adaptive efficiency — the ability to develop institutions that survive and learn in a hostile environment — trumps allocative efficiency. The system evolves from a temporary workaround into an entrenched, self-perpetuating economic model with its own logic and powerful beneficiaries who will resist de-sanctification.

The dialectical model through synthesizing the three abovementioned theories can be reached as follows:

1. Thesis (Provocation): Iran's nuclear ambition (driven by neorealist security calculus and identity politics) escalates, challenging non-proliferation norms and threatening regional rivals.

2. Antithesis (Reaction): The international community, led by the U.S., responds with a sanctions regime of increasing severity and scope, aiming to inflict sufficient economic pain to reverse the nuclear provocation.

3. Synthesis (Adaptation): The sanctions shock jolts the Iranian political economy, creating a new set of incentives and opportunities. Guided by the imperative of autocratic resilience, the state and its affiliated power centers adapt institutionally. They develop a resistance architecture that leverages patronage networks and fosters autarkic policies. This adaptation is path-dependent, creating powerful domestic constituencies that benefit from the sanctioned status quo.

4. Feedback Loop: The success of this adaptation in mitigating economic pain (synthesis) reduces the efficacy of sanctions (antithesis), thereby emboldening the state and freeing it to continue pursuing its core nuclear ambition (thesis). The cycle then repeats at a higher level of intensity and institutional entrenchment.

This framework (*Fig. 1*) moves beyond a linear cause-effect model (sanctions → pain → policy change) to a dialectical one where the response alters the conditions of the initial confrontation. It allows us to analyze why sanctions have failed to achieve their primary goal while succeeding in transforming Iran's domestic economy into a more insulated, less transparent, and politically resilient system.

IRAN'S NUCLEAR AMBITION: ROOTS AND ECONOMIC TARGETS

The genesis of Iran's nuclear program is not found in the rhetoric of revolutionary resistance but in the

ambitious modernization projects of Shah Mohammad Reza Pahlavi. In the 1950s, Iran was a founding member of the International Atomic Energy Agency (IAEA), and by the 1970s, with soaring oil revenues, the Shah launched an aggressive nuclear energy plan. This vision was profoundly economic and strategic.¹ He foresaw the eventual depletion of Iran's vast hydrocarbon resources and sought to transition the nation's energy base towards a more sustainable and advanced model. Nuclear power was seen as the cornerstone of this future, destined to free up oil and gas for more lucrative export markets, thereby generating greater foreign revenue for decades to come.

The scale of his ambition was staggering. Contracts were signed with West German, French, and American firms to build upwards of 23 nuclear power reactors, with the Bushehr plant being the most prominent.² This was not merely an energy policy; it was a central pillar of the Shah's project to project Iran as a modern, scientific, and dominant power on the world stage — the successor to the ancient Persian empires, now reborn with cutting-edge technology. The program was a symbol of imperial prestige, alignment with the West, and a definitive break with a perceived backward past [19]. The 1979 Revolution abruptly halted these projects, but it did not erase the underlying infrastructure, technical blueprints, or, most importantly, the conceptual link between nuclear technology and national prestige that had been established in the Iranian political consciousness.

Following the revolution, the new Islamic government under Ayatollah Khomeini initially condemned the nuclear program as a symbol of the Shah's pro-Western extravagance and a potential target for adversaries, leading to its temporary suspension. However, this ideological purism was short-lived. By the mid-1980s, as the devastating Iran-Iraq War dragged on, a brutal pragmatism took hold. The relentless bombardment of Iranian cities by Saddam Hussein's missiles, some of them chemical, exposed a critical vulnerability. The leadership, including key figures within the revolutionary establishment, began to reassess the value of advanced technological deterrence [20].

The program was quietly restarted, but its justification underwent a critical transformation. While

¹ Huang, X. (2016). The Iranian nuclear issue and regional security: Dilemmas, responses and the future. Sabbatical Leave Report. URL: <https://hr.un.org/sites/hr.un.org/files/The%20Iranian%20Nuclear%20Issue%20and%20Regional%20Security.pdf> (accessed on 15.07.2025).

² Tasnim News Agency. (2012). The History of Busher Nuclear. URL: <https://tn.ai/174725> (accessed on 30.08.2025).

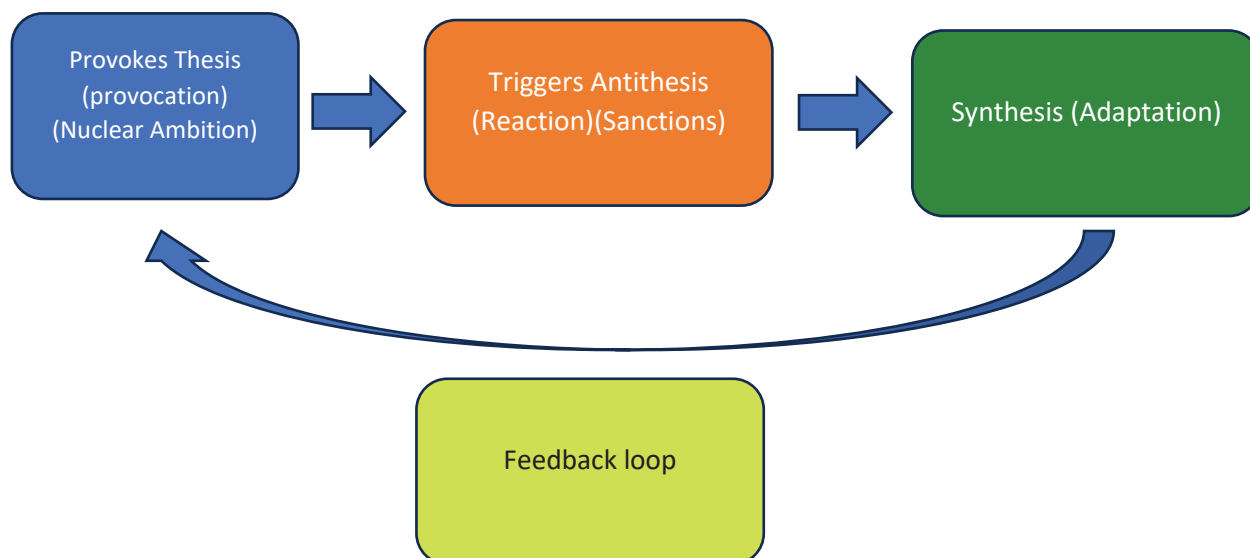

Fig. 1. The Circular Flow Diagram of the Research Model

Source: Compiled by the author.

it retained the original economic rationale of the Pahlavi era, it was now cloaked in the new language of the Revolution: technological self-sufficiency and resistance to foreign coercion. The experience of international isolation during the war, and the perceived inability of global institutions to come to Iran's aid, cemented a deep-seated belief that the country could only rely on itself. Mastering the complex nuclear fuel cycle became a metaphor for this broader independence — a demonstration that the Islamic Republic could achieve, and even surpass, the technological milestones of the ancient régime without any reliance on the West.

The Islamic Republic's commitment to the program is consistently defended with a suite of logical, civil-economic arguments that pre-date the current regime and remain compelling on a technical level.

Diversifying the energy basket and preserving hydrocarbons for export remains the most potent economic argument. Iran possesses the world's second-largest reserves of natural gas and fourth-largest of oil. However, its domestic energy consumption is massively inefficient and subsidized, leading to soaring demand. Burning vast quantities of oil and gas for domestic electricity generation is economically irrational when these resources can be exported for hard currency [2]. As one Iranian official aptly stated, using nuclear power for electricity is like "using a precious Persian rug as a doormat" when cheaper alternatives are available. The government argues that nuclear energy frees up millions of barrels of oil equivalent for export, generating billions in revenue that far outweigh the program's costs. This is a long-term

strategic calculation aimed at securing the country's economic future beyond the oil era.⁵

Addressing environmental pollution and public health is another argument for intention of Iran to foster nuclear program. In recent years, this argument has gained significant traction. Major Iranian cities, including Tehran, consistently rank among the most polluted in the world. A primary source of this pollution is the burning of low-grade gasoline and diesel in vehicles and mazut (a heavy, polluting fuel oil) in power plants and refineries [21]. Nuclear power plants produce electricity with virtually zero air pollution or carbon emissions. Consequently, the state frames nuclear energy as a critical public health and environmental necessity — a clean alternative essential for improving the quality of life for its citizens and meeting future environmental commitments.

Producing radioisotopes for medicine and industry (Radiodrugs) is a practical, humanitarian justification that is difficult to dismiss in the matter of nuclear intention of Iran in the last decades. Iran has a large and growing population requiring advanced medical care. Radioisotopes produced in nuclear reactors are indispensable in modern medicine for the diagnosis and treatment of diseases, particularly various cancers [22]. They are used in medical imaging (e.g., technetium-99m generators) and radiation therapy. Relying on imported isotopes is expensive, logisti-

⁵ Rokna News Agency. (2025). Warning about the future electricity crisis and 88% dependence on gas / Nuclear energy's share in the country's electricity production is only 1% / What is the solution? URL: <https://www.rokna.net/fatiny/news-1122729> (accessed on 23.08.2025).

cally complex, and subject to supply chain disruptions — a vulnerability starkly highlighted by sanctions. Developing indigenous production capacity for radiodrugs is therefore framed as a non-negotiable aspect of national healthcare sovereignty, ensuring the Iranian people are not denied life-saving medical treatments due to international politics.

Beneath these legitimate economic and civilian rationales lies a more profound driver: security and symbolic power. For the Islamic Republic, the nuclear program transcends megawatts and medical isotopes. It represents the ultimate symbol of a modern, resilient, and independent state that cannot be bullied or coerced. Achieving mastery over the entire nuclear fuel cycle — from mining uranium to enrichment — is a source of immense national pride and a testament to the regime's ability to deliver scientific advancement despite external pressure.

In the context of a hostile regional environment (with nuclear-armed rivals like Israel and a history of invasion) and a confrontational relationship with the United States, the program also carries an undeniable security dimension. While Iran denies seeking a nuclear weapon, it has unequivocally sought to achieve a latent capability — the proven technical ability to build one quickly should a strategic decision be made. This state of “nuclear latency” is viewed by the security establishment as the ultimate deterrent, a form of insurance policy against foreign intervention or regime change attempts [23]. It creates a strategic ambiguity that complicates the calculus of any adversary, effectively placing a “cap” on the level of pressure the international community can apply without risking a drastic escalation.

SANCTIONS AND ECONOMIC RESISTANCE IN IRAN

The year 2004 marked a critical inflection point in Iran's relationship with the West, as its nuclear program escalated from a peripheral concern to the primary source of geopolitical tension. The revelation of previously undeclared nuclear facilities catalyzed a concerted international effort to curb Iran's advancing capabilities. This section of the paper analyzes the evolution of this pressure, from the initial targeted sanctions to the era of “maximum pressure,” and charts the corresponding development of Iran's economic resistance strategies [24]. It argues that each escalation in sanctions has acted as a forcing function, compelling Iran to adapt, innovate, and entrench its resistance economy, ultimately creating a system that is increasingly insulated from — and resilient to — international financial coercion.

The initial Western response, led by the United States and later adopted by the United Nations Security Council, focused on targeted sanctions. These measures were designed to isolate Iran's nuclear and missile programs by restricting the flow of technology, equipment, and financial resources to specific entities within the Iran's defense industrial base. However, as diplomatic efforts stalled and Iran's uranium enrichment activities accelerated, the sanctions regime expanded dramatically [25].

The period of 2011–2012 represented a fundamental shift in strategy. Under pressure from the U.S. Congress and aligned with the European Union, the Obama administration engineered a comprehensive, multilateral sanctions architecture aimed at the core of Iran's economy [26]. The intended mechanism was simple: inflict such profound economic pain on the population [27] that the regime would be forced to choose between economic survival and its nuclear ambitions. The result as discussed by earlier studies such as Ghasseminejad and Jahan-Parvar [28], was a deep recession, a currency collapse, and soaring inflation. Yet, rather than capitulate, the Iranian state began the systematic construction of its economic resistance architecture.

The Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) in 2015 was a watershed moment. In exchange for verifiable constraints on its nuclear program, Iran received sweeping relief from nuclear-related sanctions [29]. Billions in frozen assets were repatriated, oil exports recovered, and international trade relationships were tentatively re-established. However, this period of relief did not lead to a dismantling of the resistance economy; instead, it revealed its path-dependent entrenchment. Furthermore, the experience of sanctions had instilled a deep and lasting distrust of the West. From Tehran's perspective, the resistance architecture was merely dormant, a necessary insurance policy against the possibility that the agreement would collapse. This skepticism proved prescient.

The U.S. withdrawal from the JCPOA under President Donald Trump in May 2018 and the reimposition of even more stringent sanctions validated Tehran's worst fears and initiated a new, more intense phase of economic conflict [11]. The “maximum pressure” campaign sought to reduce Iran's oil exports to zero and completely isolate its financial system. The initial economic shock was severe, but the Iranian state now had a playbook. The resistance economy was reactivated and enhanced through a decisive “Look East” policy that deepened economic and strategic ties with China and Russia, both willing to defy U.S. sanctions. At the same time, the government relied on currency and market manipulation by creating a complex multi-tiered ex-

change rate system and tightening state control over the distribution of essential goods to manage social unrest. In parallel, it developed more sophisticated networks for smuggling oil and turned to informal financial channels and cryptocurrencies as tools to circumvent the tightly controlled global banking system.

The landscape entered a fundamentally new and more dangerous phase in July 2025 with the unprecedented Israeli military strike, backed by U.S. intelligence and air support, on key Iranian nuclear facilities. This direct act of armed aggression, followed by the snapback of all UN sanctions by the E3 (England, Germany, and France) in September 2025 in response to Iran's own retaliatory actions, did not destroy the nuclear program but did catastrophic damage to its infrastructure. This dual shock — military and economic — has propelled Iran's economic resistance into its most extreme and isolationist form. The regime now operates under a paradigm of total self-reliance, or "Fortress Iran." The economic model is no longer just about mitigating pain but about ensuring survival under a state of perceived siege [30].

SCENARIO PLANNING DISCUSSION

The dynamic interplay between Iran's nuclear ambition, international sanctions, and its evolving architecture of economic resistance has created a complex system with highly uncertain future trajectories. The military strike of July 2025 and the subsequent snapback of sanctions have shattered previous status quos, making linear forecasting inadequate. This part of the paper employs scenario planning to explore how this triad might evolve. By analyzing key drivers and critical uncertainties, we can map out four distinct scenarios for the medium-term future (5–7 years), each with profound implications for Iran's political economy, regional stability, and international non-proliferation efforts.

The trajectory of the coming years will be defined by two primary axes of uncertainty: first, the cohesion of the international sanctions regime, questioning whether the current unified front led by powers like the US and E3 will hold or fracture under the strain of geopolitical realignments, acute energy crises, and divergent national economic interests; and second, the internal political stability of Iran, determining whether the Islamic Republic can maintain its existing structure and ideological cohesion or if mounting economic pressure and profound social unrest will trigger significant political fragmentation, intense power struggles, or even a fundamental systemic change.

Crossing these two axes generates four plausible scenarios.

Scenario 1:

"The Vicious Cycle" (High Cohesion, High Stability)

This scenario represents a prolonged and intensified stalemate where a cohesive international coalition rigorously enforces a strict sanctions regime, compelling Iran's regime to further entrench its "Fortress Iran" model by retaining firm internal control through suppression of dissent; consequently, nuclear progress is slowed but not halted as Iran prioritizes hardening and dispersing its facilities to maintain a latent deterrent capability, while its economy becomes increasingly militarized and insular, deepening into a patron-client relationship with China and Russia that trades discounted oil and strategic access for essential goods and security guarantees, leading to plummeting living standards for citizens enforced by a robust security apparatus, ultimately resulting in an impoverished pariah state that survives yet significantly escalates the risk of further military clashes or a regional proxy war.

Scenario 2:

"The Regime Fractures" (High Cohesion, Low Stability)

In this scenario, the sustained, punishing pressure of a robust international sanctions regime, compounded by the aftermath of a military strike, finally fractures the Islamic Republic from within, overwhelming its capacity to maintain control and causing long-simmering factional conflicts within the elite to erupt into the open alongside widespread, uncontrollable public unrest; this internal collapse paralyzes the nuclear program as it becomes a central point of violent contention, with factions debating its curtailment for sanctions relief while hardliners may seek to accelerate it for survival, creating extreme proliferation risks from fragmented command and control over nuclear assets, while the state's economic architecture completely breaks down into chaos controlled by competing power centers, leading to hyperinflation, a collapse of public services, and haphazard sanctions evasion, resulting in a highly volatile outcome with a high risk of internal conflict or full state collapse that presents both the profound danger of loose nuclear materials and a precarious opportunity for a potential negotiated settlement with a new political arrangement.

Scenario 3:

"The Sanctions Crumble" (Low Cohesion, High Stability)

In this scenario, the international sanctions coalition fractures due to energy market volatility, strategic competition, or a change in Western leadership, lead-

ing the E3 to break ranks with the U.S. and seek re-engagement with Tehran, resulting in leaky and ineffective sanctions enforcement that allows a stable, firmly controlled Iranian regime to cautiously and calculatedly expand its nuclear program under a weakened sanctions regime while leveraging strengthened Eastern ties for protection; adeptly exploiting these geopolitical fractures, Iran would revitalize its battered economy through renewed trade with Europe and Asia while retaining the core institutional architecture of government dominance, thus evolving its “resistance economy” into a “dual economy” that officially engages with partners while maintaining self-reliance infrastructure as insurance, ultimately achieving its goal of becoming a “normal” nuclear latency state without maximum pressure, thereby strengthening its regional influence and significantly weakening the non-proliferation regime.

Scenario 4: “The Grand Bargain” (Low Cohesion, Low Stability)

In this most optimistic yet least likely scenario, a fractured international coalition seeking a face-saving

off-ramp converges with mounting internal pressures within Iran to force the emergence of a pragmatic leadership faction open to a fundamental strategic recalculation, making a negotiated settlement conceivable wherein Iran agrees to verifiable, long-term constraints on its nuclear program — such as codifying a prolonged breakout time — in exchange for comprehensive, irreversible sanctions relief and security assurances; this diplomatic breakthrough leads to the gradual dismantling of the “resistance economy” as Iran reintegrates globally, a process that slowly curbs the government’s economic empire and forces it to compete, thereby initiating a difficult but necessary restructuring of the entire political economy toward greater efficiency and transparency, ultimately resulting in a resolution to the decades-long crisis that de-escalates regional tensions and reintegrates Iran into the global economy, though this transformative process remains long and fraught with internal opposition from hardliners on both sides.

The probable scenarios are described in *Fig. 2* as below.

International Sanctions Regime

		Cohesion		
		High (Pressure Maintained)	Low (Pressure Fragments)	
Internal Political Stability in Iran	Scenario 1: “The vicious circle”	<ul style="list-style-type: none"> - Regime stable - Fortress Iran economy - Latent nuclear threat - High risk of conflict 	Scenario 3: “The sanctions crumple”	<ul style="list-style-type: none"> - Regime stable - Economic opportunism - Calibrated expansion - Iran gains influence
	Scenario 2: “The regime fractures”	<ul style="list-style-type: none"> - Regime fragmentation - Economic chaos - High proliferation risk - Potential for change 	Scenario 4: “The Grand bargain”	<ul style="list-style-type: none"> - Pragmatic shift - Negotiated settlement - Sanctions lifted - Long reintegration

Fig 2. Matrix of scenarios

Source: Compiled by the author.

CONCLUSION AND POLICY IMPLICATIONS

This paper has argued that the dynamic between Iran's nuclear program, international sanctions, and its economic response is best understood as a dialectical struggle, rather than a linear cause-and-effect relationship. Through a conceptual framework synthesizing neorealist security theory, theories of autocratic resilience, and institutional path dependency, we have traced how Iran's nuclear ambition —rooted in both pre-revolutionary modernization and post-revolutionary doctrine of resistance — provoked severe international sanctions. These sanctions, in turn, did not achieve their primary goal of coercion but instead acted as a forcing function, compelling the Iranian state to develop a sophisticated and increasingly entrenched architecture of economic resistance. The military strike of July 2025 and the subsequent sanctions snapback represent not an endgame, but the latest and most severe phase in this cycle, cementing a wartime economic model and propelling the conflict into a period of unprecedented uncertainty. The scenario planning exercise illustrates that far from a predetermined outcome, the future will be shaped by the volatile interplay between international cohesion and Iran's internal stability.

The analysis confirms the central hypothesis: Iran has developed a resilient economic resistance architecture that successfully preserves regime security and the nuclear program's latency in the short to medium term. However, this success has come at a profound cost.

The results of the study show that:

1. The resistance economy is politically efficient but economically sub-optimal. It is carefully designed to channel resources to key stakeholders, ensuring their loyalty and the survival of the state, but it also hinders comprehensive economic development, encourages corruption, and isolates Iran from global technological and investment flows.

2. Sanctions have been counterproductive in achieving strategic goals. While inflicting severe economic pain on the Iranian population, they have systematically strengthened the very hardline actors they intended to weaken, empowering the security state at the expense of more pragmatic civilian elements and eliminating any internal competitive pressure for economic liberalization.

3. The program is now existential. The nuclear program has transcended its original economic or security rationale to become a core symbol of the Islamic Republic's identity and sovereignty. Any demand for its complete abandonment is now tantamount to a demand for regime surrender, a fact solidified by the direct military attack on its facilities.

The findings and scenarios lead to several critical implications for politicians in Western capitals and the region:

1. For the United States and E3 (England, France, Germany):

- **Move Beyond Maximum Pressure:** The policy of pure coercive pressure has reached its logical conclusion and has failed. It has produced a more aggressive Iran, a more advanced nuclear program, and a more fragmented international order.

- **Prioritize De-escalation and Off-Ramps:** The immediate goal must be to create channels for de-escalation to avoid further military conflict. This involves soberly assessing the reality of Iran's latent nuclear capability and seeking to negotiate verifiable ceilings and enhanced monitoring to manage the threat, rather than clinging to the unattainable goal of zero enrichment.

- **Target Humanitarian Avenues:** To avoid being blamed for humanitarian suffering that strengthens regime propaganda, policies should explicitly and clearly carve out channels for food, medicine, and agricultural equipment, ensuring sanctions pressure is directed at the state apparatus, not the general public.

2. For Regional Powers (Saudi Arabia, UAE or Turkey):

Prepare for a Latent Nuclear Iran: The genie of advanced nuclear knowledge cannot be put back in the bottle. Regional states must shift from a strategy of prevention to a strategy of deterrence and risk management, investing in their own defensive capabilities and diplomatic engagements to establish red lines and avoid miscalculation.

- **Engage in Direct Dialogue:** The security dilemma cannot be managed through proxies alone. Direct dialogue on regional security issues, however difficult, is necessary to create firebreaks and prevent a local conflict from spiraling into a broader regional war.

3. For Iran:

- **Acknowledge the Economic Dead End:** The "Fortress Iran" model is unsustainable for long-term development. While it ensures survival, it condemns the country to permanent economic stagnation and technological backwardness. A reassessment that prioritizes the economic well-being of its citizens over maximalist security goals is urgently needed.

- **Seize Diplomatic Opportunities:** If and when fractures appear in the international coalition, Iranian pragmatists must be prepared to engage seriously, offering verifiable concessions on the nuclear file in exchange for meaningful and lasting sanctions relief.

REFERENCES

1. Kelishomi, A., Nistico, R. Employment effects of economic sanctions in Iran. *World Development*. 2022;151:105760. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105760>
2. Jabari, L., Salem, A., Zamani, O., Farzanegan, R. Economic sanctions and energy efficiency: Evidence from Iranian industrial sub-sectors. *Energy Economics*. 2024;139:107920. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107920>
3. Farzanegan, M., Habibi, N. The effect of international sanctions on the size of the middle class in Iran. *European Journal of Political Economy*. 2025;90 (Part B):102749. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2025.102749>
4. Rasoulinezhad, E., Sabri, P. Economic Resilience in Challenging Times: A Crossroads of Russia's Experience and Prospects for Iran. *World Sociopolitical Studies*. 2022;6(4):805-833.
5. Nakhli, S., Rafat, M., Dastjerdi, R., Rafei, M. Oil sanctions and their transmission channels in the Iranian economy: A DSGE model. *Resources Policy*. 2021;70:101963. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101963>
6. Roudari, S., Ahmadian-Yazdi, F., Arabi, S., Hammoudeh, S. Sanctions and Iranian stock market: Does the institutional quality matter? *Borsa Istanbul Review*. 2023;23(4):919-935. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2023.03.006>
7. Popova, L., Rasoulinezhad, E. Have Sanctions Modified Iran's Trade Policy? An Evidence of Asianization and De-Europeanization through the Gravity Model. *Economies*. 2016.4(4):24. URL: <https://doi.org/10.3390/economies4040024>
8. Al-Khafaji, B., Mohammed, KSmart international sanctions. *International Journal of Criminal Justice Science*. 2024;19(1):175-190. URL: <https://ijcjs.com/menu-script/index.php/ijcjs/article/view/872>
9. Katzman, K. Iran's Foreign and Defense Policies. Congressional Research Service. 2020;53 p. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/media/27047/ocr>; <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/r1xbvd-nzgp/20200429%20R44017.pdf>
10. Zweiri, M., Abusharar, N. Iran's Trade with Neighbors: Sanctions' Impact and the Alternatives. *Middle East Policy*. 2022;29(4):60-70. URL: <https://doi.org/10.1111/mepo.12663>
11. Kaur, S., Raman, N. Continuity and change in US-Iran relations: Analyzing the Iranian nuclear deal from Obama to Biden. *Digest of Middle East Studies*. 2024;33(4):410-429. URL: <https://doi.org/10.1111/dome.12341>
12. Cheration, I., Goltabar, S. Beyond sanctions: Unpacking growth generators for Iranian small business. *Journal of Policy Modeling*. 2025;48(2). URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2025.07.004>
13. Sepehri, M., Qadiri, M. Professional resistance against competitive public procurement in Iran. *Journal of Public Procurement*. 2018;18(2):165-181. URL: <https://doi.org/10.1108/JOPP-06-2018-011>
14. Bazoobandi, S. Populism, jihad, and economic resistance: Studying the political discourse of Iran's supreme leader. *Digest of Middle East Studies*. 2023;32(4):321-339. URL: <https://doi.org/10.1111/dome.12303>
15. Kalb, Z. Mobilized Resilience and Development under Sanctions in Iran. *Development and Change*. 2024;55(5):933-964. URL: <https://doi.org/10.1111/dech.12859>
16. Wastnidge, E. Reinforcing the Resistance: Iran and the Levant in a Multipolar Middle East. *Middle East Policy*. 2024;31(3):53-68. URL: <https://doi.org/10.1111/mepo.12760>
17. Ghavi Del, E., Farahani fard, S. Effects of Moghavemati Economics Model Approach in Agriculture sector. *A Quarterly Journal of the Macro and Strategic Policies*. 2019;6:790-807. URL: <https://doi.org/10.32598/JMSP.6.SPECIAL.ISSUE.790>
18. Ghaffary fard, M., Alamdar, G. Investigating the economic effects of the components of the resistance economy in different provinces of Iran. *Islamic Economics Studies Bi-quarterly Journal*. 2022;14(2):603-636.
19. Schayegh, C. Recent Trends in the Historiography of Iran under the Pahlavi Dynasty, 1921-1979. *History Compass*. 2008;6(6):1400-1406. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2008.00558.x>
20. Farzanegan, M.R. Years of life lost to revolution and war in Iran. *Review of Development Economics*. 2023;27(4):2061-2103. URL: <https://doi.org/10.1111/rode.13030>
21. Shahne, M., Arhami, M., Hosseini, V., Haddad, I. Particulate emissions of real-world light-duty gasoline vehicle fleet in Iran. *Environmental Pollution*. 2022;292(Part A):118303. URL: <https://doi.org/10.1016/j.envpol.2021.118303>
22. Rafiee, S., Eftekhari-Zadeh, E., Gholami, Y. A review on the status and future trends of radiation processing in Iran. *Journal of Radiation Research and Applied Sciences*. 2017;10(4):331-337. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrras.2017.08.004>

23. Ahmad, A., Salahieh, S., Snyder, R. Multinational uranium enrichment in the Middle East. *Energy Policy*. 2017;106:103-110. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.03.045>
24. Tierney, D. Why Does the United States Keep Helping Iran? *Orbis*. 2022;66(2):232-248. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2022.02.011>
25. Kamel, A.M. The art of the Trump-Iran deal: An unsuccessful coercive foreign policy. *Global Policy*. 2024;15(2):234-246. URL: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13336>
26. Laudati, D., Pesaran, M.H. Identifying the effects of sanctions on the Iranian economy using newspaper coverage. *Journal of Applied Econometrics*. 2022;38(3):271-294. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2110.09400>
27. Aloosh, M., Salavati, A., Aloosh, A. Economic sanctions threaten population health: the case of Iran. *Public Health*. 2019;169:10-13. URL: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2019.01.006>
28. Ghasseminejad, S., Jahan-Parvar, M. The impact of financial sanctions: The case of Iran. *Journal of Policy Modeling*. 2021;43(3):601-621. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2021.03.001>
29. Mehdi-Zadeh, C. Iranian Economy Post-JCPOA and its Ambitions. *Global Policy*. 2018;9(1):153-155. URL: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12535>
30. Rasoulinezhad, E. The Fragile Balance of the Impact of the Iran-Israel Conflict on the New Global and Regional Order. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):13-20. (in Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-13-20>

ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ehsan Rasoulinezhad — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Studies of Russia, the Caucasus and Central Asia, Faculty of World Studies, University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

Эхсан Расулинежад — доктор экономических наук, доцент кафедры исследований России, Кавказа и Центральной Азии, факультет глобальных исследований, Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

<https://orcid.org/0000-0002-7726-1757>

e.rasoulinezhad@ut.ac.ir

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article received on 25.03.2026; revised on 02.04.2026; accepted for publication on 05.04.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила 25.03.2026; после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 05.04.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-95-102
УДК 316.334.2+321+004.8(045)

Модель нового социального контракта в условиях роботизации и внедрения искусственного интеллекта

Д.Р. Мухаметов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Роботизация и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) оказывают системное давление на социальный контракт ввиду разрыва между темпами технологической трансформации и скоростью институциональной адаптации. В этом контексте актуален пересмотр социального контракта для его соответствия новым реалиям. Цель статьи – рассмотреть модель нового социального контракта, формирующуюся вследствие роботизации и внедрения ИИ. В работе используется концептуальное моделирование на основе трендов в области политических практик, рынка труда, экономической политики. В результате исследования выделены основные факторы пересмотра социального контракта: (1) дефицит подотчетности алгоритмической власти, (2) поляризация труда и рост уязвимости социальных групп, (3) перераспределение занятости и проблемы социальной интеграции. Представлена модель нового социального контракта, включающая прозрачность алгоритмов, новации в сфере труда и образования, а также новые инструменты перераспределения ресурсов. Новый социальный контракт выполняет адаптирующую функцию, обеспечивая промежуточные институты для коллективного управления рисками и проектирования будущего. Результаты исследования дополняют текущие работы о последствиях роботизации и внедрения ИИ, будущие исследования должны учитывать новые связи между технологиями, институтами, занятостью и социальной мобильностью.

Ключевые слова: роботизация; искусственный интеллект; социальный контракт; координационная сила; прозрачность алгоритмов; безусловный базовый доход; налог на роботов

Для цитирования: Мухаметов Д.Р., Модель нового социального контракта в условиях роботизации и внедрения искусственного интеллекта. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):95-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-95-102

ORIGINAL PAPER

Model of a New Social Contract in the Context of Robotization and Introduction of Artificial Intelligence

D.R. Mukhametov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Robotization and the introduction of AI exert systemic pressure on the social contract due to the gap between the pace of technological transformation and the speed of institutional adaptation. In this context, the revision of the social contract to align with new realities is relevant. The purpose of the article is to examine the model of the new social contract forming as a result of robotization and the introduction of AI. The study employs conceptual modeling based on trends in political practices, labor market, and economic policy. As a result of the research, the main factors for revising the social contract are identified: (1) deficit of accountability of algorithmic power, (2) labor polarization and increasing vulnerability of social groups, (3) employment redistribution and problems of social integration. A model of the new social contract is presented, including algorithm transparency, innovations in the field of labor and education, as well as new tools for resource redistribution. The new social contract performs an adaptive function, providing intermediate institutions for collective risk management and future design. The research results supplement current works on the consequences of robotization and the introduction of AI, future research should account for new links between technologies, institutions, employment, and social mobility.

Keywords: robotization; artificial intelligence; social contract; coordination power; algorithm transparency; universal basic income; robot tax

For citation: Mukhametov D.R. Model of a new social contract in the context of robotization and introduction of artificial intelligence. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):95-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-95-102

© Мухаметов Д.Р., 2026

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Социальный контракт — устойчивая совокупность взаимных ожиданий, определяющих распределение прав, рисков и ответственности между основными политическими агентами (государство, граждане, бизнес и др.). Изначально социальный контракт — соглашение, легитимизирующее политическую власть через добровольный отказ от части свободы ради безопасности и общественного порядка. К настоящему времени социальный контракт приобрел функциональное обоснование и рассматривается как институциональный компромисс, в котором граждане обеспечивают делегирование власти и налоговые поступления, а государство гарантирует социальную защиту, политическое представительство и участие [1].

Сегодня социальный контракт обеспечивает согласие в сложных обществах благодаря координационной силе — способности согласовывать поведение, ожидания и притязания основных участников, опираясь на институциональные нормы, представления о справедливости и коллективно признаваемую легитимность. Такая сила обеспечивает предсказуемую социальную мобильность и стабильность распределения прав, рисков и обязательств.

Координационная сила социального контракта прошлого основывалась на представлениях о труде как основании для доступа к социальным правам, массовой занятости как источнике налоговой базы и социальной солидарности, государстве как гаранте межпоколенческого консенсуса и справедливого перераспределения ресурсов, гражданстве как условии политического участия и представительства.

Сегодня модель социального контракта подвергается трансформации в условиях роботизации и внедрения искусственного интеллекта (ИИ). Изменения включают реконфигурацию системы разделения труда, трансформацию связи между образованием, занятостью и доходом, перераспределение власти от публичных институтов в пользу алгоритмических систем. Указанные проблемы исследуются преимущественно в рамках шоков на рынке труда [2, 3], однако целесообразно рассматривать их в широком политическом контексте — процессы роботизации и внедрения ИИ создают неопределенность будущего, что снижает доверие регуляторным возможностям государства в области ИИ [4].

Разрыв между темпами технологической трансформации и скоростью институциональной адаптации влияет на снижение координационной силы старого социального контракта. Учитывая, что в обществе делается ставка на роботизацию и развитие ИИ в решении различных социально-экономических вопросов, актуальной становится задача обновления социального контракта.

Цель исследования — рассмотреть модель социального контракта, формирующуюся под воздействием роботизации и внедрения ИИ. Для этого автором анализируются факторы влияния и сформулированы основные показатели измерений новой модели.

ФАКТОРЫ ПЕРЕСМОТРА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА В УСЛОВИЯХ РОБОТИЗАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ИИ

Роботизация и внедрение ИИ влияют на перераспределение власти, рисков и ответственности в различных сферах, что создает противоречия между старым социальным контрактом и новой реальностью и является движущей силой перехода к новому социальному контракту. Так, (1) дефицит подотчетности алгоритмической власти, (2) поляризация труда и рост уязвимости разных социальных групп, (3) перераспределение занятости и проблемы социальной интеграции — показатели пересмотра существующей системы.

1. Дефицит подотчетности алгоритмической власти. Алгоритмическая власть — принятие решений с помощью программных систем на основе сбора и анализа больших массивов данных и информационных потоков. В отличие от бюрократической власти, основанной на процедурной прозрачности и вертикальной ответственности, алгоритмическая власть функционирует по принципу «черного ящика», оставаясь в значительной степени непрозрачной для граждан.

Примеры алгоритмической власти — предиктивные ИИ-системы, обрабатывающие данные и формирующие прогнозные модели в разных отраслях политики.

Сегодня предиктивные системы активно используются в различных сферах как инструменты для сокращения издержек и проактивного планирования. Например, в Нидерландах в 2014–2020 гг. для выявления нарушений и мошенничества в сфере социальных выплат, налогов и жилищных субсидий внедрена система SyRI (System Risk Indication) [5]. На основе информации из государственных баз данных система формировала перечень лиц,

в прошлом совершавших мошенничество с социальным обеспечением. Затем система анализировала похожие профили граждан — людей с высокой вероятностью совершения мошенничества в будущем — для определения групп риска. В 2020 г. суд постановил, что использование SyRI незаконно, так как система нарушает право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в Европейской конвенции о правах человека. Несмотря на различные юридические и социальные аспекты, подобные системы активно внедряются в государственном секторе (предиктивная безопасность, судьи-алгоритмы, ИИ в системе госзакупок) и частных компаниях (например, ИИ-рекрутеры), отражая общее видение ИИ-технологий как инструмента повышения эффективности администрирования.

Подобные проекты внедрения алгоритмов демонстрируют проблемы воспроизводства структурных дисбалансов:

- технологическая институционализация неравенства — модели обучаются на исторических данных, отражающих старые линии неравенства, вследствие чего модель воспроизводит изначально стереотипные решения;

- алгоритмическая власть действует по принципу ответственности без подотчетности: находясь под властью алгоритмических систем, человек сталкивается с рисками и перманентным оцениванием, но у него отсутствует доступ к параметрам алгоритма для защиты своих прав;

- возникает перераспределение власти между алгоритмическими системами, экспертами, носителями знаний из различных сообществ, что ведет к рискам исключения значимых агентов из процесса разработки политики.

В совокупности данные дисбалансы отражают противоречия алгоритмической власти, в которой алгоритмы неподотчетны гражданам, а у граждан в рамках алгоритмических моделей отсутствует политическая субъектность. Дефицит подотчетности алгоритмической власти подрывает координационную силу старого социального контракта, поскольку нарушает взаимные ожидания процедурной справедливости, а также лишает граждан политической субъектности и доступа к институтам. В этом отношении применительно к новой модели социального контракта можно ожидать разработку правил алгоритмической прозрачности и гражданского контроля для недопущения функционирования алгоритмической власти в качестве ИИ-технократии.

2. Поляризация труда и рост уязвимости разных социальных групп. В контексте робо-

тизации основные дискуссии сосредоточены на изменениях рынка труда. Центральной является гипотеза о поляризации труда как следствия технологических изменений: автоматизация замещает трудовые ресурсы, выполняющие рутинные задачи средней квалификации, при этом возрастает доля низкоквалифицированного труда (ручной сервис) и доля высококвалифицированных сотрудников (аналитики данных, инженеры ИИ, креативные профессии), функционал которых сложнее автоматизировать [6].

Данные подтверждают тенденцию. В частности, наблюдения европейских стран за 1992–2017 гг. демонстрируют: (1) снижение доли сотрудников в профессиях, связанных с рутинными низкокогнитивными задачами; (2) рост доли сотрудников в нерутинных профессиях с высокой когнитивной нагрузкой; (3) рост доли сотрудников в профессиях ручного труда (клининг, доставка) [7]. Отмеченные тенденции на рынке труда имеют политические эффекты: в условиях роботизации экономически наиболее уязвим нижний уровень среднего класса, представители которого сталкиваются с автоматизацией их функционала, но при этом они еще не стали окончательными аутсайдерами рынка труда и имеют стимул бороться за сохранение социального статуса. Описываемая группа граждан демонстрирует наибольшую склонность к поддержке популистских партий из-за высокого риска автоматизации и потери социального статуса — подобную политическую реакцию следует рассматривать как запрос на справедливость и обновление социального контракта.

Изменения затрагивают и возрастное измерение. Проблема актуальна для молодых специалистов и недавних выпускников вузов, которые только начинают интегрироваться в рынок труда и на начальных позициях выполняют рутинные задачи с невысокой когнитивной нагрузкой. Это демонстрирует текущая политика IT-компаний, сокращающих найм junior-специалистов, делегируя их задачи нейросетям¹, при этом подобная тенденция ожидается также в других отраслях, включая креативные индустрии, маркетинг, банковские услуги.

Поляризация труда показывает: роботизация и ИИ не вызывают массовой безработицы, а меняют возможности социальной мобильности разных групп. Это требует нового социального контракта —

¹ How to Stay Ahead of AI as an Early-Career Engineer. IEEE Spectrum. URL: <https://spectrum.ieee.org/ai-effect-entry-level-jobs>.

в частности, расширения доступа к обучению для тех, кого вытесняет автоматизация, и для тех, кому нужно освоить работу с ИИ, чтобы оставаться конкурентоспособными.

3. Перераспределение занятости и проблемы социальной интеграции. Роботизация и внедрение ИИ влияют на перенаправление трудовых ресурсов из активно автоматизируемых секторов в отрасли, где замещение человеческого труда является экономически невыгодным, технически сложным или социально неприемлемым.

Перечислим сферы, в которые перенаправляются трудовые ресурсы:

- здравоохранение и социальный уход, что обусловлено сложностью с замещением человеческого труда, а также ростом продолжительности жизни, что стимулирует спрос на специалистов в этом секторе;

- образование (включая услуги дошкольного и корпоративного обучения, онлайн-образование и edtech-платформы), что помимо роли образования в социальной жизни дополнительно подкрепляется демографическими факторами;

- креативные индустрии, в которых ИИ в настоящий момент выступает в роли инструмента, а не автора (при этом индустрия также сталкивается с неопределенностью будущего при использовании цифровых аватаров актеров, генеративных моделей как сценаристов и т.д., что уже перемещает отрасль в группу риска).

Занятость также перераспределяется в пользу гиг-экономики, основанной на краткосрочных контрактах, и функционирует через платформы-посредники. Перераспределение занятости отражается в текущих данных рынка труда: например, в США сокращаются рабочие места в обрабатывающих отраслях и растет потребность в кадрах в сферах здравоохранения, социального ухода, досуга, ИИ и цифровых технологий².

С одной стороны, перераспределение занятости частично предупреждает риски, связанные с потенциальной потерей рабочих мест и замещением трудовых задач, согласуется с прогнозами о мягком технологическом замещении труда, так как автоматизация сократит ряд рабочих мест в одних отраслях и создаст равное или большее количество новых в других [8]. С другой, перераспределение занятости — проблема социальной интеграции, что отражается в утрате социальных прав, исключении

из сообществ и потере профессионального статуса. Данное противоречие также является фактором переоценки социального контракта.

В рамках нового социального контракта следует переосмыслить связь между трудом, доходом и социальными правами, не ставя их в зависимость от традиционной массовой долгосрочной занятости [9]. Инвестиции в системы переквалификации, признание новых форм труда (например, труда заботы и ухода), управление платформенной экономикой — такие решения позволят сохранить доступ к социальным правам в реалиях роботизации и внедрения ИИ.

Обобщение факторов: снижение координационной силы старого социального контракта. Дефицит подотчетности алгоритмической власти, поляризация труда и рост уязвимости разных социальных групп, перераспределение занятости и проблемы социальной интеграции — не являются изолированными эффектами роботизации и внедрения ИИ (можно также предположить, что в будущем роль данных факторов на политические процессы будет возрастать). В совокупности они свидетельствуют о снижении координационной силы прежнего социального контракта, построенного на ожиданиях стабильной занятости, социальной мобильности и доступа к политическим институтам (табл. 1).

Роботизация и внедрение ИИ трансформируют прежние связи между трудом и социальным статусом, образованием и занятостью, гражданством и доступом к политическим институтам. Формирование нового социального контракта становится реакцией на данные изменения, при этом речь идет не о реставрации старых условий, а внедрении практик и институтов, соответствующих технологическим реалиям.

МОДЕЛЬ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Можно выделить особенности нового социального контракта, которые отражаются в различных политических решениях, государственных программах и планах. Координационная сила нового социального контракта основана на способности адаптироваться к технологической неопределенности. Если прежний контракт был стабилизирующим (закреплял взаимные обязательства в условиях предсказуемой социальной мобильности), то новый контракт является адаптирующим — он не устраняет риски, но обеспечивает институты для их коллективного обсуждения и распределения.

² Bureau of Labor Statistics (BLS) // USAGov. URL: <https://www.usa.gov/agencies/bureau-of-labor-statistics>.

Таблица 1 / Table 1

Факторы пересмотра социального контракта / Factors of revision of the social contract

Фактор / The Factor	Влияние на социальный контракт и его координационную силу / Influence on the social contract and its coordinating power
Дефицит подотчетности алгоритмической власти	<ul style="list-style-type: none"> • нарушение ожиданий процедурной справедливости и политической подотчетности; • проблема сохранения политической субъектности граждан; • снижение доверия к институтам
Поляризация труда и рост уязвимости социальных групп	<ul style="list-style-type: none"> • слом связи между трудом, социальным статусом и перспективами социальной мобильности
Перераспределение занятости и проблемы социальной интеграции	<ul style="list-style-type: none"> • ослабление социальной солидарности, основанной на массовой занятости; • риски утраты доступа к социальным правам и потери профессионального статуса

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 2 / Table 2

Измерения модели нового социального контракта в условиях роботизации и внедрения ИИ / Dimensions of a new social contract model in context of robotization and introduction of AI

Измерение / Measurement	Прозрачность алгоритмов в политическом управлении / Transparency of algorithms in political management	Новации в сфере труда и образования / Innovations in the field of labor and education	Новые инструменты перераспределения ресурсов / New tools for resource redistribution
Роль в новом социальном контракте	Восстановление политической субъектности граждан/ Алгоритмическая подотчетность	Стимулирование развития человеческого капитала. Признание новых форм труда. Институциональное закрепление непрерывного обучения/	Смягчение неравенства вследствие автоматизации. Поддержка групп, вытесняемых автоматизацией
Практические институты, практики и решения	Информирование о действиях алгоритмов. Доступ к обучающим данным, тестам и критериям принятия решений алгоритмами. Закрепление ответственности за решения алгоритмов. Вовлечение гражданских ассоциаций и технологических экспертов в тестирование и мониторинг алгоритмов	Внедрение образовательных технологий и принципов непрерывного образования. Признание платформенной занятости, труда заботы и др. Портативные социальные права (стаж, медпомощь, пенсия вне трудового договора)	Безусловный базовый доход. Налог на роботизированную добавленную стоимость или налог на роботов. Цифровой дивиденд от государственной ИИ-инфраструктуры

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Новая модель социального контракта включает три измерения (табл. 2): (1) прозрачность алгоритмов в политическом управлении, (2) новации в сфере образования и труда, (3) новые инструменты перераспределения ресурсов. Данные измерения успешны для борьбы с неопределенностью рассмотренных ранее факторов.

Предложенные в табл. 2 измерения обеспечивают восстановление координационной силы контракта как способности согласовывать ожидания различных политических агентов. Наибольшую значимость имеют первые два измерения, так как они формируют обновленные условия политической субъектности и социальной интеграции. Измерение с новыми спо-

собами перераспределения ресурсов является важным, однако выполняет компенсаторную функцию и в определенных обстоятельствах может подорвать стимулы к инновациям в области ИИ и роботизации. Рассмотрим роли измерений.

1. Прозрачность алгоритмов в политическом управлении. Роль данного измерения в новом социальном контракте — установление подотчетности алгоритмов и восстановление политической субъектности граждан в условиях алгоритмической власти. С точки зрения практических решений и институтов данное измерение предполагает открытость и объяснимость решений, принимаемых автоматизированными системами. Современные практики прозрачности алгоритмов включают участие различных агентов политики в тестировании систем; информирование граждан о принципах работы алгоритмов; доступ к обучающим данным и методам их сбора; долгосрочный мониторинг и регистрацию всех решений [10].

Эти аспекты позволяют трансформировать алгоритмическую власть из набора технических решений в систему коллективного принятия решений, что не исключает риски, но создает механизмы предупреждения негативных последствий и сохранения доверия институтам. В частности, экспериментальные исследования демонстрируют позитивное влияние прозрачности алгоритмов на доверие граждан к ИИ-системам в госуслугах [11].

В настоящий момент существует небольшое число государственных и региональных инициатив прозрачности алгоритмов в Великобритании, США и европейских странах, однако дискуссии по этому вопросу становятся все более активными, что позволяет оценивать прозрачность алгоритмов как одно из долгосрочных измерений нового социального контракта.

2. Новации в сфере образования и труда. Это реакция на разрыв связи между трудом, статусом и социальной интеграцией. Концептуальная роль этого измерения — переход от предсказуемой социальной мобильности к перманентному развитию человеческого капитала, который является важным ресурсом преодоления неопределенности в условиях развития ИИ [12]. В рамках данного измерения социальный контракт не защищает профессии от автоматизации, но предполагает саморазвитие навыков граждан за счет:

- формирования портативных социальных прав (стаж, доступ к здравоохранению, пенсионные накопления), не привязанных к формальному трудовому договору;

- институционализации непрерывного обучения через образовательные технологии (edtech), корпоративно-государственные образовательные кластеры, микросертификации, программы пере-квалификации;

- признания новых форм труда, включая платформенную занятость и труд заботы.

Предлагаемые инициативы направлены не на сохранение устаревших форм занятости, а на обеспечение устойчивости в условиях технологической трансформации: акцент смещается с защиты рабочих мест на развитие способности к постоянной адаптации, изменению профессиональной идентичности и освоению новых компетенций.

Решение полезно не только в контексте смены занятости, но и для интеграции ИИ-технологий в профессиональную рутину — фактически это переход от навыков работы с прикладными ИИ-системами до формирования когнитивных экзоскелетов и основа для более гибкой социальной интеграции, в которой ключевое значение приобретает потенциал к обучению и участие в разнообразных формах экономической и социальной активности.

3. Новые способы перераспределения ресурсов. Данное измерение направлено на смягчение неравенства, возникающего вследствие роботизации и внедрения ИИ. К новым способам перераспределения ресурсов можно отнести: безусловный базовый доход; налог на автоматизированную добавленную стоимость и/или налог на роботов; цифровые дивиденды от государственной ИИ-инфраструктуры. Здесь стоит отметить различия.

Безусловный базовый доход — распространенная практика в различных городах и странах, рассматривается как временная мера в контексте роботизации. Несмотря на идейную привлекательность, он не получил широкой политической поддержки, а многие эксперименты в этой области не были масштабированы.

Налог на роботов ограничивается отдельными дискуссиями (например, в России) либо существует в виде сокращения налоговых льгот на инвестиции в роботов (например, в Республике Корея [13]).

Предположительно, политика перераспределения для борьбы с последствиями роботизации и внедрения ИИ будет сталкиваться с различными противоречиями и иметь ограничения. Важно подчеркнуть, что фокус на перераспределении может привести к неэффективности стимулов на создание технологий в сфере роботизации и ИИ, поэтому перераспределительные механизмы оцениваются не как ядро нового социального контракта, а как временный

буфер и элемент солидарности, дополняющий отмеченные выше измерения.

Новая модель социального контракта представляет собой систему, в которой прозрачность алгоритмов обеспечивает восстановление политической субъектности, новации в образовании и труде — социальную интеграцию, а перераспределительные механизмы — временную буферизацию негативных последствий. Новый социальный контракт призван повысить адаптивность к росту неопределенности вследствие роботизации и внедрения ИИ: он не гарантирует защиту от изменений, но предоставляет инструменты для управления ими. Адаптирующая функция формирует основу координационной силы социального контракта в эпоху роботизации и внедрения ИИ.

ВЫВОДЫ

Роботизация и внедрение ИИ оказывают системное давление на элементы старого социального контракта. В этом контексте выделяются такие факторы, как дефицит подотчетности алгоритмической власти, поляризация труда, перераспределение занятости. Данные факторы целесообразно рассматривать в совокупности ввиду их влияния на рост неопределенности доступа к институтам, социальной мобильности и стабильной занятости, что заставляет пересматривать социальный контракт.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2026 г. № ФИ-20 «Разработка новых концептуальных подходов к оценке и обеспечению устойчивости политических систем с учетом современных глобальных вызовов».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2025 № FI-20 “Development of a new conceptual approaches to assessing and ensuring the sustainability of political systems, taking into account modern global challenges”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019.
Shtrik V. Bought Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. Moscow: HSE Publishing House; 2019.
2. Бенанав А. Автоматизация и будущее труда. *Экономическая социология*. 2022;23(3):92-108. URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108>.
Benanav A. Automation and the future of work. *Journal of Economic Sociology*. 2022;23(3):92-108. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108>
3. Acemoglu D., Restrepo P. Tasks, automation, and the rise in US wage inequality. *Econometrica*. 2022;90(5):1973-2016. URL: <https://doi.org/10.3982/ECTA19815>

4. Мухаметов Д.Р. Искусственный интеллект и регуляторные ожидания: государство и стейкхолдеры в создании образа будущего. *Креативная экономика*. 2025;19(8):1967-1986. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.19.8.123609>
Mukhametov D.R. Artificial intelligence and regulatory expectations: Government and stakeholders in creation of the future image. *Creative Economy*. 2025;19(8):1967-1986. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18334/ce.19.8.123609>
5. van Bakkum M., Borgesius F. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment. *European Journal of Social Security*. 2021;23(4):323-340. URL: <https://doi.org/10.1177/13882627211031257>
6. Autor D., Levy F., Murnane R. The Skill content of recent technological change: An empirical exploration. *Quarterly Journal of Economics*. 2003;118(4):1279-1333. URL: <https://doi.org/10.1162/003355303322552801>
7. Kurer T. The declining middle: Occupational change, social status, and the populist right. *Comparative Political Studies*. 2020;53(10):1798-1835. URL: <https://doi.org/10.1177/0010414020912283>
8. Kapetanios C., Pissarides C. Productive robots and industrial employment: The role of national innovation systems. *International Economic Review*. 2025;66(1):25-52. URL: <https://doi.org/10.1111/iere.12738>
9. Fligstein N. *The Architecture of markets: An economic sociology of twenty-first-century capitalist societies*. Princeton: Princeton University Press; 2001.
10. Мухаметов Д.Р. Прозрачность алгоритмов в государственном секторе: основные аспекты. *Креативная экономика*. 2024;18(12):3867-3880. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.18.12.122327>
Mukhametov D.R. Algorithm transparency in the public sector: key aspects. *Creative Economy*. 2024;18(12):3867-3880. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18334/ce.18.12.122327>
11. Schmagel S., Grøder C.H., Parmiggiani E., Pappas I., Vassilakopoulou P. Exploring citizens' stances on AI in public services: A social contract perspective. *Data & Policy*. 2024;6:e19. URL: <https://doi.org/10.1017/dap.2024.13>
12. Петросянц Д.В. Искусственный интеллект в «башне из слоновой кости». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):38-45. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45>
Petrosyants D.V. Artificial intelligence in "ivory tower". *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):38-45. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45>
13. Sim J., Lee S., Chun H. Robot taxes and corporate cash holdings: Evidence from a policy-induced natural experiment. *Applied Economics*. 2025:1-18. URL: <https://doi.org/10.1080/00036846.2025.2602950>
14. van Ewijk C. Voluntary collective pensions: A viable alternative? *Economics & Philosophy*. 2025;41(1):199-205. DOI: 10.1017/S0266267124000324
15. Мухаметов Д.Р. Устойчивое развитие, межпоколенческая мобильность и политическая поляризация: анализ основных тенденций. *Общество: политика, экономика, право*. 2025;10:81-88. URL: <https://doi.org/10.24158/rep.2025.10.9>
Mukhametov D.R. Sustainable development, intergenerational mobility, and political polarization: Analysis of key trends. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025;10:81-88. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24158/rep.2025.10.9>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Данияр Рустямович Мухаметов — кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, старший преподаватель кафедры политологии, заведующий учебно-научной лабораторией цифровой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Daniyar R. Mukhametov — Cand. Sci. (Polit.), Research Associate of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Senior Lecturer of the Chair of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>

DRMukhametov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.12.2025; после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 15.12.2025; revised on 19.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-103-109
UDC 327.8(045)

International Non-governmental Organizations in Afghanistan (2020–2025): Humanitarian Activities and Operational Challenges

A.S. Noori

Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

ABSTRACT

The humanitarian crisis in Afghanistan (2020–2025) represents one of the most complex operational environments for international non-governmental organizations (INGOs) globally. Following the Taliban takeover in August 2021, INGOs faced a critical juncture characterized by economic collapse, diplomatic isolation, and severe restrictions on civil liberties, particularly for women. **Objectives.** This study investigates the institutional adaptation mechanisms employed by INGOs to sustain operations under the de facto authorities (DFA) and examines the “legitimacy-humanitarian imperative paradox”. **Methods.** A systematic literature review was conducted using SCOPUS-indexed journals from 2020 to 2025, synthesizing findings from 58 peer-reviewed articles through a mixed-methods thematic analysis rooted in Institutional Theory and Resource Dependency Theory. **Key Findings.** Results indicate that INGOs utilize “strategic decoupling” to navigate the conflict between donor compliance requirements (non-recognition) and operational necessities (engagement with DFA). While localization has accelerated as a survival strategy, the December 2022 ban on female NGO workers created an existential threat to principled humanitarian action, particularly in the health and protection sectors. **Conclusions.** The study concludes that the current operational model relies on a fragile equilibrium of pragmatic negotiation that risks eroding humanitarian principles. Sustainable intervention requires a recalibration of donor risk thresholds and a distinct separation of humanitarian engagement from political recognition. Sustainable intervention requires a recalibration of donor risk thresholds and a distinct separation of humanitarian engagement from political recognition. **Keywords:** Afghanistan; INGOs; humanitarian aid; Taliban; operational challenges; institutional adaptation; gender restrictions

For citation: Noori A.S. International non-governmental organizations in Afghanistan (2020–2025): Humanitarian activities and operational challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):103-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-103-109

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Международные неправительственные организации в Афганистане (2020–2025 гг.): гуманитарная деятельность и оперативные задачи

А.С. Нури

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Гуманитарный кризис в Афганистане (2020–2025) наиболее сложный для работы международных неправительственных организаций (МНПО). После прихода к власти движения «Талибан» в августе 2021 г. МНПО столкнулись с экономическим коллапсом, дипломатической изоляцией и жесткими ограничениями гражданских свобод, особенно для женщин в этой стране. **Цель статьи:** исследовать механизмы институциональной адаптации, используемые МНПО для поддержания жизнедеятельности населения при существующей власти (DFA), и рассмотреть парадокс легитимности и гуманитарного императива. **Методы.** Автором проведен систематический обзор научной литературы, индексируемой в SCOPUS за период с 2020 по 2025 г., в ходе которого обобщены выводы из 58 рецензируемых статей с помощью тематического анализа с использованием смешанных методов, основанных на институциональной теории и теории зависимости от ресурсов. **Результаты** исследования показывают, что МНПО используют «стратегическую развязку» для разрешения конфликта между требованиями доноров к соблюдению требований (непризнание) и оперативными потребностями (взаимодействие с DFA). В то время как локализация ускорилась в качестве стратегии выживания: введенный в декабре 2022 г. запрет на работу женщин – сотрудниц НПО создал реальную угрозу для фундаментальной гуманитарной деятельности, особенно в секторах

© Noori A.S., 2026

здравоохранения и защиты. В исследовании **делается вывод**, что текущая операционная модель гуманитарной деятельности опирается только на диалог между правительством Афганистана и представителями МНПО, что может подорвать гуманитарные принципы. Устойчивое вмешательство требует пересмотра пороговых значений риска для доноров и четкого разделения гуманитарной деятельности и политического признания. Устойчивое вмешательство требует пересмотра пороговых значений риска для доноров и четкого разделения гуманитарной деятельности и политического признания.

Ключевые слова: Афганистан; международные неправительственные организации (МНПО); гуманитарная помощь; Талибан; операционные проблемы и вызовы; институциональная адаптация (приспособление организаций); гендерные ограничения

Для цитирования: Нури А.С. Международные неправительственные организации в Афганистане (2020–2025 гг.): гуманитарная деятельность и оперативные задачи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):103-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-103-109

INTRODUCTION

The humanitarian landscape in Afghanistan between 2020 and 2025 has been defined by a convergence of catastrophic systemic failures, culminating in one of the world's most severe protracted crises. Even prior to the seminal events of August 2021, the country grappled with the compounding effects of four decades of conflict, recurrent climate-induced disasters, and the socio-economic fallout of the COVID-19 pandemic. However, the withdrawal of international military forces and the subsequent takeover by the Taliban (referencing themselves as the Islamic Emirate of Afghanistan) on August 15, 2021, marked a critical juncture that fundamentally altered the operational architecture for International Non-Governmental Organizations (INGOs).

The sudden suspension of development assistance, which previously constituted approximately 75% of public expenditure, precipitated an immediate economic collapse. By 2023, the United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) estimated that 28.8 million people — two-thirds of the population — required humanitarian assistance, a staggering increase from 14 million in 2020. In this vacuum of state capacity, INGOs transitioned from being supplementary actors to becoming the primary providers of essential services, particularly in healthcare and food security. Yet, this increased responsibility coincided with a severely restrictive operational environment characterized by opaque bureaucratic impediments, security volatility, and unprecedented gender-based restrictions.

Despite the prominence of the Afghan crisis in global discourse, there remains a significant gap in scholarly understanding regarding the *institutional adaptation mechanisms* INGOs have employed to survive and function in the post-2021 landscape.

Existing literature largely focuses on immediate needs assessments or geopolitical analysis. This study addresses this gap by examining what we term the “legitimacy-humanitarian imperative paradox” — the tension INGOs face between the imperative to save lives (necessitating engagement with de facto authorities) and the need to

maintain legitimacy with international donors who refuse to recognize the Taliban regime.

Framed within the theoretical perspectives of Institutional Theory and Resource Dependency Theory, this study interrogates four central research questions that guide its analysis of international non-governmental organizations (INGOs) operating in Afghanistan between 2020 and 2025. The first question examines how INGOs have adapted their operational strategies in response to the post-2021 governance context, characterized by significant political transition and shifting regulatory frameworks. The second question focuses on the institutional mechanisms and organizational arrangements that enable the continued delivery of humanitarian aid under a restrictive regime, highlighting the formal and informal strategies employed to navigate bureaucratic constraints.

The third question investigates gender-based operational challenges, particularly the implications of the ban on female aid workers, and how these restrictions influence program implementation, staff deployment, and overall humanitarian effectiveness. Finally, the fourth question considers the broader ethical and normative implications of these adaptive strategies, assessing their alignment with the core humanitarian principles of neutrality, impartiality, and independence.

The significance of this inquiry extends beyond the Afghan context, providing broader theoretical insights into organizational behavior in politically and socially hostile environments. By analyzing peer-reviewed evidence drawn from SCOPUS-indexed journals, institutional reports, and relevant unofficial literature, this study elucidates the complex interplay between organizational survival, ethical compromise, and operational resilience. The research demonstrates how INGOs negotiate competing pressures from donors, local authorities, and community expectations, balancing practical constraints with normative commitments to humanitarian principles. Moreover, it highlights how resource dependence, institutional legitimacy, and adaptive capacity shape organizational decision-making in environments marked by volatility, insecurity, and regulatory ambiguity.

In synthesizing these findings, the study contributes both empirically and theoretically, offering insights into the adaptive strategies, ethical dilemmas, and institutional logics that influence humanitarian operations in conflict-affected contexts. The analysis not only illuminates the Afghan case but also provides a conceptual framework for understanding how INGOs and similar organizations operate under restrictive or hostile institutional conditions globally.

LITERATURE REVIEW / THEORETICAL FRAMEWORK

1. INGOs in conflict-affected fragile states

The operational dilemmas facing INGOs in Afghanistan are not without precedent, yet the scale and specificity of the challenge warrant distinct analysis. Literature on humanitarian operations in conflict zones such as Syria, Yemen, and South Sudan highlights a recurring pattern of “access denial” used as a strategic weapon by warring parties [1]. In these contexts, INGOs frequently navigate a landscape where sovereignty is contested and administrative impediments are utilized to control population flows and resource distribution. Recent studies in *Conflict and Health* underscore that in fragile states, the distinction between “humanitarian” and “development” spaces often dissolves, forcing emergency actors to sustain long-term infrastructure such as hospitals and water systems without adequate multi-year funding [2].

2. Humanitarian Principles Under Pressure

The core principles of humanity, neutrality, impartiality, and independence serve as the normative bedrock of international humanitarian action. However, scholars publishing in the *International Review of the Red Cross* have consistently argued that strict adherence to these principles is often operationally impossible in asymmetric conflicts [3]. In Afghanistan, the concept of “neutrality” faces severe interrogation. Engaging with the Taliban to secure access permits is viewed by some donors as legitimizing a regime accused of gender apartheid, while refusing to engage results in the abandonment of vulnerable populations. This tension creates a “principled pragmatism” wherein INGOs constantly negotiate the boundaries of compromise.

3. Institutional Theory and Organizational Adaptation

To understand INGO behavior, this study draws on DiMaggio and Powell’s concept of institutional isomorphism, which suggests that organizations operating within the same environment tend to become homogenous over time to secure legitimacy.

In the context of Afghanistan, however, INGOs face conflicting institutional pressures: the “coercive isomorphism” of the Taliban’s regulatory environment demands

conformity to specific cultural and administrative rules, while the ‘normative isomorphism’ of the international donor community demands adherence to human rights standards and counter-terrorism financing regulations. *Organization Studies* literature suggests that organizations in such “pluralistic” institutional environments often resort to “strategic decoupling”—maintaining formal structures that satisfy external constituents (donors) while adopting informal practices that allow actual work to get done (negotiation with local commanders) [4].

4. Gender-Based Restrictions and Humanitarian Access

The Taliban’s decree in December 2022 banning Afghan women from working for NGOs represents an unprecedented challenge in modern humanitarian history. As noted in *The Lancet Global Health*, female workers are not merely employees but essential conduits for accessing women and children in a gender-segregated society [5]. Without female staff, the principle of impartiality — delivering aid based on need alone — cannot be fulfilled, as half the population becomes inaccessible. Feminist institutional analysis reveals this not as a mere logistical hurdle but as a structural attempt to erase women from the public sphere, creating an ethical crisis for INGOs regarding their duty of care to staff versus their duty to beneficiaries [6].

5. Localization of Humanitarian Aid

The “Grand Bargain” commitments to localize aid have gained renewed urgency in Afghanistan post-2021. With international staff facing visa restrictions and security threats, reliance on national NGOs and Community-Based Organizations (CBOs) has intensified. However, this localization often occurs within a “risk transfer” paradigm rather than genuine empowerment. Research in the *Journal of Peacebuilding & Development* indicates that local actors often bear the brunt of security risks and negotiation burdens without receiving commensurate core funding or decision-making power [7].

6. Theoretical Framework

This study integrates Institutional Theory with Resource Dependency Theory to construct a conceptual model for analysis. We posit that INGOs in Afghanistan exist in a state of “dual dependency”: they are financially dependent on international donors (Resource Dependency) but operationally dependent on the Taliban for access (Institutional Compliance). The interaction of these pressures produces specific adaptation strategies — ranging from resistance and suspension of services to compliance and negotiation. The success of these adaptations is measured not only by service delivery metrics but by the preservation of organizational legitimacy in the eyes of both global and local stakeholders.

METHODOLOGY

1. Research Design. This study employs a systematic literature review complemented by a qualitative thematic synthesis to examine the involvement of international non-governmental organizations (INGOs) in Afghanistan between 2020 and 2025. The adoption of a mixed-methods review design allows for the integration of quantitative data concerning humanitarian needs, funding flows, and program reach with qualitative evidence related to operational strategies, decision-making processes, and ethical dilemmas encountered by INGOs in complex humanitarian environments. By combining these approaches, the study captures both measurable trends and interpretive insights, providing a comprehensive understanding of the sector's dynamics during this period.

The systematic literature review was conducted following a structured protocol. Academic databases, institutional reports, policy briefs, and unofficial literature were identified using predefined search terms related to INGOs, humanitarian operations, Afghanistan, funding, and programmatic outcomes. Inclusion and exclusion criteria were applied to ensure that the sources selected were relevant, reliable, and reflective of the period under study (2020–2025). Quantitative data extracted from these sources included statistics on humanitarian needs, funding allocation, and program coverage, while qualitative data focused on narrative accounts of operational challenges, strategic adaptations, and ethical considerations.

The qualitative thematic synthesis involved coding and categorizing textual data from the selected sources to identify recurring themes and patterns. This process allowed for the interpretation of underlying institutional logics, power dynamics, and sociopolitical factors that shape humanitarian interventions. A critical interpretive lens was applied throughout the analysis, moving beyond descriptive aggregation to examine how INGOs navigate the interplay between donor requirements, local governance structures, security constraints, and cultural expectations.

Furthermore, triangulation was employed to enhance the validity of the findings. Quantitative trends were compared with qualitative narratives to corroborate insights and identify discrepancies, thereby strengthening the rigor of the analysis. Ethical considerations were also foregrounded, with particular attention to the responsible use of sensitive data and adherence to principles of neutrality, accountability, and transparency in reporting humanitarian activities.

Overall, this mixed-methods approach provides a robust framework for understanding both the operational

realities and the strategic decision-making processes of INGOs in Afghanistan. It facilitates the generation of actionable insights for scholars, practitioners, and policy-makers, highlighting the adaptive strategies, challenges, and ethical complexities that characterize contemporary humanitarian engagement in conflict-affected contexts.

2. Data sources and search strategy. Data were retrieved primarily from SCOPUS and Web of Science databases, ensuring high-quality, peer-reviewed sources. The search strategy utilized Boolean operators to combine keywords related to the context (“Afghanistan”, “Taliban”, “Post-2021”), actors (“INGO”, “NGO”, “Humanitarian organizations”, “Aid agencies”), and themes (“Operational Challenges”, “Adaptation”, “Gender”, “Health”). The search was delimited to articles published between January 2020 and December 2025 to capture the immediate pre-transition period and the subsequent years of Taliban rule. To ensure academic rigor, unofficial literature, agency situation reports, and non-indexed commentary were excluded from the primary dataset, although they inform the contextual background.

3. Inclusion and exclusion criteria. Inclusion Criteria: Peer-reviewed empirical studies and theoretical analyses focused on humanitarian operations in Afghanistan; articles discussing health, food security, and protection sectors; studies explicitly addressing INGO governance, donor relations, or operational adaptation.

Exclusion Criteria: Articles published before 2020; studies focusing solely on military strategy or counter-terrorism without a humanitarian component; duplicate records; and articles not available in English.

4. Data extraction and analysis. A total of 58 articles met the inclusion criteria. Data extraction followed the CASP (Critical Appraisal Skills Programme) guidelines to assess the quality of qualitative evidence. Thematic analysis was conducted using the framework approach, involving familiarization, coding, charting, and interpretation. An initial deductive coding frame derived from the theoretical framework (e.g., “Resource Dependency”, “Isomorphism”) was supplemented by inductive codes emerging from the data (e.g., “Mahram requirements”, “Remote management”). Inter-coder reliability was addressed through cross-checking a random sample of 20% of the selected articles.

5. Limitations. The study acknowledges several limitations. First, the security environment in Afghanistan severely restricts primary field research, meaning many included studies rely on remote data collection or key informant interviews with diaspora, potentially introducing bias. Second, there is an inevitable publication lag; peer-reviewed journals may not reflect the most recent policy shifts of late 2025. Finally, the reliance on English-language

journals may underrepresent the perspectives of local Afghan practitioners publishing in regional languages.

FINDINGS / ANALYSIS

Humanitarian Needs Escalation (2020–2025)

The analysis reveals a trajectory of escalating humanitarian needs driven by systemic convergence. International Journal of Disaster Risk Science highlights the “climate-conflict nexus”, noting that severe droughts in 2021 and 2022 decimated agricultural output in rural areas already inaccessible due to conflict [8–9]. Post-August 2021, the freezing of central bank assets and cessation of development aid precipitated a liquidity crisis that crippled the public sector. Findings indicate that by 2024, 90% of the population lived below the poverty line. In the health sector [10, 11].

(2024) in BMJ Global Health report that the Sehat-mandi package, the backbone of basic health services, faced near-collapse, leaving INGOs to fund operational costs for over 2,300 health facilities. The resurgence of infectious diseases, including measles and polio, serves as a grim indicator of health system fragmentation.

Operational Challenges Post-August 2021

Access Restrictions. Access impediments shifted from active conflict (roadside IEDs, crossfire) to bureaucratic obstructionism. INGOs reported a labyrinthine system of permits required by various ministries (Economy, Public Health, Interior). Provincial variations were significant; local commanders often enforced rules more strictly than central edicts or, conversely, offered pragmatic exemptions based on local relationships.

Security Risks. While the cessation of major combat operations improved physical access to some rural districts previously cut off, new security threats emerged.

The Islamic State-Khorasan Province (ISKP) continued to target aid workers and minority communities. Journal of Peacebuilding & Development notes that the “humanitarian space” contracted as aid workers were increasingly viewed with suspicion by intelligence directorates, leading to detentions and interrogations [7].

Gender-Based Constraints. The most pervasive challenge identified was the systematic exclusion of women. The December 2022 ban on female NGO workers was a watershed moment. Conflict and Health studies provide empirical evidence that female patient attendance dropped significantly in clinics where female staff were suspended [1]. The requirement for a Mahram (male chaperone) for female staff travel doubled operational costs and logistical complexity. Adaptation strategies included segregating workspaces and negotiating local exemptions for “essential” health and nutrition roles, but the education and protection sectors were decimated.

Funding Mechanisms and Donor Coordination

The analysis highlights a profound dissonance in donor behavior. While donors expressed solidarity with the Afghan people, counter-terrorism legislation and non-recognition policies created a “chilling effect” on financial transfers. Journal of Intervention and State building articles discuss how the Afghanistan Humanitarian Fund (AHF) became a critical but overstretched mechanism [12].

The shift from multi-year development funding to short-term humanitarian grants hindered the ability of INGOs to plan for sustainability, trapping the response in a perpetual emergency mode despite the protracted nature of the crisis.

INGO Adaptation Strategies

Localization and Remote Programming. To bypass restrictions, INGOs accelerated the transfer of implementation to national partners, albeit often maintaining control over finance and compliance. Remote management technologies, such as GPS tracking of supplies and third-party monitoring, became standard. However, the literature questions the ethics of transferring risk to local partners who lack the diplomatic cover of international staff.

Negotiating with De Facto Authorities. Engagement with the Taliban became an operational necessity. Successful INGOs employed “principled engagement”, establishing clear red lines while negotiating on technical grounds (e.g., demonstrating that female vaccinators are necessary to reach children in households). *International Review of the Red Cross* highlights that such negotiations were often hyper-localized, requiring constant maintenance of relationships with shadow governors and district chiefs [3, 13].

Protection of Civilians and IHL Compliance

Compliance with International Humanitarian Law (IHL) remained precarious. The blurring of lines between the Taliban as a governing entity and as a former non-state armed group complicated protection advocacy. INGOs struggled to advocate for the protection of civilians from unexploded ordnance and targeted reprisals without jeopardizing their access permits [14].

DISCUSSION

The legitimacy-humanitarian imperative paradox

This study identifies the “legitimacy-humanitarian imperative paradox” as the defining feature of the 2020–2025 period. INGOs are caught in a double bind: engaging deep in Taliban-controlled territory is necessary to fulfill the humanitarian imperative of saving lives, yet such engagement risks conferring performative legitimacy upon the regime. Institutional theory suggests that organizations navigate this by separating their “technical

core” (delivering food/medicine) from their “institutional projection” (human rights advocacy).

However, in Afghanistan, the Taliban’s intrusion into technical operations (e.g., vetting staff lists, segregating offices) makes this separation impossible. INGOs are thus forced to make impossible ethical calculations, trading varying degrees of complicity for access.

Institutional Adaptation Mechanisms

The findings confirm that “strategic decoupling” is the primary adaptation mechanism. INGOs maintain the rhetoric of international standards in their donor reports while engaging in pragmatic, often undocumented, compromises on the ground. This creates a “shadow institutionalism” where the formal rules of the donor and the formal rules of the Taliban are both acknowledged, but the actual work occurs in the gray zone between them. Resource dependency explains why INGOs rarely withdraw despite these constraints; the sheer volume of funding allocated to Afghanistan creates an organizational imperative to remain, creating a mutual dependency where donors need INGOs to disburse funds to avoid famine, and INGOs need donors to survive.

Gender-based restrictions as existential threat

The gender restrictions post-2021 differ qualitatively from previous challenges. They represent an existential threat to the humanitarian identity. Unlike security threats, which are probabilistic, the ban on women is structural. This study argues that the continued operation of INGOs under these conditions risks establishing a precedent where gender equality is treated as a secondary “optional” principle rather than a core tenet of humanitarianism. The comparison with other restrictive contexts, such as Saudi Arabia or Yemen, suggests that Afghanistan is an outlier in the totality of the exclusion, requiring a more robust, collective red-line approach than the sector has historically been able to muster.

Theoretical contributions

This article contributes to institutional theory by examining organizational behavior in “hostile” environments. Most institutional literature focuses on how organizations adapt to complex but relatively benign regulatory environments. The Afghan case demonstrates how organizations behave when the regulatory environment is actively antagonistic to their core values. It suggests that

in such extremes, “organizational resilience” is achieved not through isomorphism (becoming like the environment) but through “negotiated resistance” — a continuous process of pushing back against constraints while maintaining just enough compliance to avoid expulsion.

CONCLUSION

The period from 2020 to 2025 in Afghanistan represents a crucible for the international humanitarian system. This study has shown that INGOs have demonstrated remarkable resilience, sustaining life-saving services for millions in the face of economic collapse and authoritarian restriction. Through mechanisms of localization, remote management, and pragmatic negotiation, they have bridged the gap between a donor community unwilling to recognize the Taliban and a population in desperate need.

However, this resilience has come at a cost. The “*legitimacy-humanitarian imperative paradox*” has not been resolved but merely managed through a series of uncomfortable compromises. The marginalization of female aid workers and the “bunkerization” of aid represent significant erosions of humanitarian quality. The theoretical integration of Institutional and Resource Dependency theories elucidates that INGOs are not sovereign moral actors but are constrained by the structural power dynamics of both donors and the host regime.

Practical Recommendations: For **INGOs**, there is an urgent need to invest in “humanitarian diplomacy” capabilities at the district level, moving beyond high-level advocacy to localized negotiation. Staff protection, particularly for female Afghan colleagues, must prioritize psychosocial support alongside physical security.

For **Donors**, the fiction that humanitarian aid can substitute for a functioning public sector must end. Flexible, multi-year funding that accepts higher operational costs and risks is essential. For the **International Community**, a firewall must be established between humanitarian engagement and political recognition; conditioning life-saving aid on political reforms has proven both ineffective and ethically dubious.

Future research should focus on longitudinal studies of health outcomes in post-2021 Afghanistan to quantify the human cost of these operational constraints, and explore the psychological toll on the national staff who serve as the shock absorbers of this systemic crisis.

REFERENCES

1. Mirzazada, S., Padhani, Z.A., Jabeen, S., Fatima, M., Bhutta, Z.A. Impact of conflict on maternal and child health service delivery: A country case study of Afghanistan. *Conflict and Health*. 2020;14(1):1-13. URL: <https://doi.org/10.1186/s13031-020-00285-x>
2. Spiegel P.B., Checchi F., Colombo S., Paik E. Health-care needs of people affected by conflict: Future trends and changing frameworks. *The Lancet*. 2010;375(9711):341-345. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(09\)61873-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(09)61873-0)

3. Bellal A., Giacca G., Casey-Maslen S. International law and armed non-state actors in Afghanistan. *International Review of the Red Cross*. 2011;93(881):47-79. URL: <https://doi.org/10.1017/S1816383111000051>
4. Schemel, Y. Bringing international organization in: Global institutions as adaptive hybrids. *Organization Studies*. 2013;34(2):219-252. URL: <https://doi.org/10.1177/0170840612473551>
5. Essar M. Y., Raufi N., Head M. G., Nemat A. Afghan women are essential to humanitarian NGO work. *The Lancet Global Health*. 2023;11(3): e334. URL: [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(23\)00048-7](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(23)00048-7)
6. Yang A., Liu W., Wang R. Cross-sector alliances in the global refugee crisis: An institutional theory approach. *Business Ethics: A European Review*. 2020;29(4):742-757. URL: <https://doi.org/10.1111/beer.12288>
7. Fadaeiresketi F. Uncertainty and collective caution: Humanitarian security strategies in Afghanistan post-Taliban takeover. *Journal of Peacebuilding & Development*. 2025. URL: <https://doi.org/10.1177/15423166251399849>
8. Mall R.K., Srivastava R.K., Banerjee T., Mishra O.P., Bhatt D. Disaster risk reduction including climate change adaptation over South Asia: Challenges and ways forward. *International Journal of Disaster Risk Science*. 2019;10(1):14-27. URL: <https://doi.org/10.1007/s13753-018-0210-9>
9. Vaidya R.A., Shrestha M.S., Nasab N., Gurung D.R. (2019). Disaster risk reduction and building resilience in the Hindu Kush Himalaya. In P. Wester et al., (Eds.). *The Hindu Kush Himalaya Assessment*. Springer, Cham; 2019;389-419. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92288-1_11
10. Basij-Rasikh M., Dickey E.S., Sharkey A. Primary healthcare system and provider responses to the Taliban takeover in Afghanistan. *BMJ Global Health*. 2024;9(2):e013760. URL: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2023-013760>
11. Mena R., Hilhorst D. The (im)possibilities of disaster risk reduction in the context of high-intensity conflict: The case of Afghanistan. *Environmental Hazards*. 2021;20(2):115-134. URL: <https://doi.org/10.1080/17477891.2020.1771250>
12. Barakat S., Larson A. Fragile states: A donor-serving concept? Issues with interpretations of fragile statehood in Afghanistan. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2014;8(1):21-41. URL: <https://doi.org/10.1080/17502977.2013.770263>
13. Seybolt T.B. Harmonizing the humanitarian aid network: Adaptive change in a complex system. *International Studies Quarterly*. 2009;53(4):1027-1050. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00567.x>
14. Yalçinkaya H. The nongovernmental organizations–military security collaboration mechanism: Afghanistan NGO Safety Office. *Armed Forces & Society*. 2013.39(3):489-510. URL: <https://doi.org/10.1177/0095327X12446923>

ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Abdul Saboor Noori — PhD Student, Faculty of International Relations, Institute of Humanities Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Абдул Сабур Нури — аспирант, факультет международных отношений, Институт гуманитарных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0009-8875-511X>
nuri@urfu.ru

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted on 16.01.2026; revised on 04.02.2026 and accepted for publication on 12.03.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила 16.01.2026; после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 12.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Краудсорсинг в муниципальном управлении — современные механизмы инновационного развития и регулирования

В.Э. Комов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В современном мире совершенствование механизмов инновационного развития и регулирования краудсорсинговой деятельности становится ключевым фактором роста. Инновации выступают главным двигателем экономического роста, способствуя появлению новых отраслей и повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Для их поддержки используются венчурное финансирование и косвенное государственное стимулирование, включающее налоговые льготы для компаний, проводящих НИОКР, ускоренную амортизацию оборудования и налоговый кредит. Краудсорсинг — передача задач через интернет без заключения трудового договора — становится одной из самых динамичных форм занятости. Эта деятельность регулируется нормами гражданского права, что создает риски для исполнителей и заказчиков в вопросах конфиденциальности, авторских прав и социальных гарантий. Совершенствование регулирования краудсорсинга должно обеспечить правовую защищенность участников. Эффективная инновационная политика в сочетании с адекватным правовым регулированием краудсорсинга создает условия для технологических прорывов и устойчивого экономического роста. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью инноваций и краудсорсинга в развитии муниципальных образований в условиях экономики знаний. В современных условиях краудсорсинг становится ключевым инструментом партисипативного управления, позволяющим эффективно задействовать интеллектуальный потенциал местного сообщества при ограниченных ресурсах. **Цель исследования** заключается в разработке практических рекомендаций по совершенствованию управления инновационным развитием муниципального образования посредством создания краудсорсинговых онлайн-платформ. **Теоретическая база** исследования охватывает концепции инновационного развития территорий, модели краудсорсинга и его применения в муниципальном управлении, а также методологию построения систем управления инновационным развитием. **Методология исследования** основана на процессном подходе к управлению инновационным развитием, включающем формирование инновационного потенциала, разработку риск-ориентированной стратегии и мониторинг эффективности. Основные **результаты исследования** демонстрируют, что внедрение краудсорсинга в муниципальное управление обеспечивает: повышение эффективности управленческих решений; рост доверия населения к власти; оптимизацию бюджетных расходов; ускорение процессов решения локальных проблем. **Научная новизна** заключается в разработке комплексной модели управления инновационным развитием муниципального образования с использованием краудсорсинговых технологий, включающей механизмы генерации, реализации и оценки инновационных проектов при участии местного сообщества. **Практическая значимость** работы состоит в формировании конкретных рекомендаций по созданию и функционированию краудсорсинговых платформ, способствующих активизации инновационного потенциала территорий и повышению качества муниципального управления. **Ключевые слова:** регулирование краудсорсинга; платформенная занятость; трудовое право; венчурный капитал; инновации; инновационные проекты; муниципальная деятельность

Для цитирования: Комов В.Э. Краудсорсинг в муниципальном управлении — современные механизмы инновационного развития и регулирования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):110-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-110-119

Crowdsourcing in Municipal Government — Modern Mechanisms of Innovative Development and Regulation

V.E. Komov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the modern world, improving the mechanisms of innovative development and regulation of crowdsourcing activities is becoming a key growth factor. Innovation is the main engine of economic growth, contributing to the emergence of new

industries and increasing the competitiveness of business entities. Venture capital financing and indirect government incentives are used to support them, including tax incentives for R&D companies, accelerated depreciation of equipment, and a tax credit. Crowdsourcing – the transfer of tasks over the Internet without entering into an employment contract, is becoming one of the most dynamic forms of employment. This activity is regulated by the norms of civil law, which creates risks for performers and customers in matters of confidentiality, copyright and social guarantees. Improving the regulation of crowdsourcing should ensure the legal protection of participants. Effective innovation policy combined with adequate legal regulation of crowdsourcing creates conditions for technological breakthroughs and sustainable economic growth. The relevance of the research is due to the increasing role of innovation and crowdsourcing in the development of municipalities in the knowledge economy. In modern conditions, crowdsourcing is becoming a key tool for participatory management, which makes it possible to effectively use the intellectual potential of the local community with limited resources. The purpose of the study is to develop practical recommendations for improving the management of innovative development of municipal education through the creation of crowdsourcing online platforms. The theoretical basis of the research covers the concepts of innovative development of territories, models of crowdsourcing and its application in municipal management, as well as the methodology for building innovative development management systems. The research methodology is based on a process-based approach to innovation development management, including the formation of innovation potential, the development of a risk-based strategy and performance monitoring. The main results of the study demonstrate that the introduction of crowdsourcing in municipal government provides: increased efficiency of management decisions, increased public confidence in government, optimization of budget expenditures and acceleration of processes for solving local problems. The scientific novelty lies in the development of a comprehensive model for managing the innovative development of a municipality using crowdsourcing technologies, including mechanisms for generating, implementing and evaluating innovative projects with the participation of the local community. The practical significance of the work lies in the formation of specific recommendations for the creation and operation of crowdsourcing platforms that enhance the innovation potential of territories and improve the quality of municipal government.

Keywords: regulation of crowdsourcing; platform employment; labor law; venture capital; innovation; innovative projects; municipal activities

For citation: Komov V.E. Crowdsourcing in municipal government – modern mechanisms of innovative development and regulation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):110-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-110-119

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях цифровизации и развития экономики знаний особую значимость приобретает краудсорсинг как инструмент инновационного развития муниципального управления. Переход к вовлечению населения в процессы управления с использованием информационно-коммуникационных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности муниципального управления, оптимизации бюджетных расходов и ускорения принятия решений.

Цель исследования — разработать практические рекомендации по совершенствованию управления инновационным развитием муниципального образования посредством создания и внедрения краудсорсинговых онлайн-платформ. Объектом исследования выступает процесс инновационного развития муниципального образования. Предметом исследования являются механизмы и инструменты использования краудсорсинга в системе муниципального управления.

Методологическая основа. Исследование базируется на комплексном подходе к анализу краудсорсинга как инструмента инновационного развития. Подход включает теоретический анализ сущности и особенностей краудсорсинга; изучение форм и моделей его внедрения в муниципальное управление; оценку преимуществ и потенциальных рисков; разработку механизмов регулирования и поддержки.

Структура исследования включает анализ теоретических основ краудсорсинга; рассмотрение практических аспектов его применения в муниципальном управлении; разработку рекомендаций по совершенствованию системы управления инновационным развитием с использованием краудсорсинговых технологий.

Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования и обеспечения эффективности внедрения краудсорсинговых механизмов.

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КРАУДСОРСИНГА

В условиях становления экономики знаний способность к генерации и внедрению инноваций становится критически важным фактором конкурентоспособности и устойчивого роста не только для государств и корпораций, но и на местном уровне. Инновацию следует рассматривать как овестьвленный результат интеллектуальной деятельности, получивший форму нового либо усовершенствованного продукта, технологии или организационного решения. Ее практическое применение запускает цепную реакцию позитивных изменений — мультипликативный экономический, социальный и экологический эффект, ведущий к повышению уровня и качества жизни граждан. Следовательно, инновационный процесс является фундаментом техно-

логического развития и основой для укрепления стратегических позиций в глобальном масштабе.

Краудсорсинг представляет собой современную модель решения задач и совместного создания ценностей, основанную на использовании коллективного интеллекта и творческого потенциала широких масс людей. В контексте муниципального управления он становится инструментом партисипативного управления, который трансформирует традиционные отношения между властью и гражданами, делая процесс принятия решений более открытым, прозрачным и легитимным. Актуальность темы обусловлена растущими потребностями в инновационном развитии территорий в условиях ограниченных ресурсов, где краудсорсинг позволяет эффективно задействовать знания, опыт и идеи местного сообщества.

Понятие «краудсорсинг» определяется как бизнес-модель выполнения задач, которые традиционно возлагались на штатных сотрудников, путем их размещения на открытых интернет-площадках для исполнения неопределенной группой людей. В настоящее время для большинства работников платформенная занятость стала единственным источником дохода, что подчеркивает ее значимость. Эта практика предлагает бизнесу существенные преимущества.

Во-первых, экономическая эффективность обеспечивает более низкие затраты, быструю реализацию проектов и доступ к талантам со всего мира. Во-вторых, гибкость и масштабируемость позволяют компаниям легко наращивать объемы работ и привлекать специалистов с узкими навыками для решения конкретных задач без расширения штата.

В отличие от аутсорсинга, краудсорсинг характеризуется сочетанием восходящего открытого креативного процесса и нисходящего процесса целеполагания. Его становление стало возможным благодаря эпохе активной цифровизации, обеспечившей технологии для глобальной коммуникации и сотрудничества. В муниципальном управлении эта модель эволюционировала от простых форм сбора жалоб и предложений к сложным, зрелым проектам, предполагающим совместное создание и реализацию городских проектов.

ФОРМЫ И МОДЕЛИ ВНЕДРЕНИЯ КРАУДСОРСИНГА В МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Внедрение краудсорсинга на муниципальном уровне осуществляется через различные форматы и цифровые платформы, которые можно классифицировать на несколько основных моделей.

1. Массовое сотрудничество и коллективный интеллект реализуется через вовлечение большого

числа граждан в поиск и предложение решений по актуальным проблемам городской среды. Технические платформы используются для сбора и анализа информации от жителей, что помогает определять приоритетные направления развития территории.

2. Электронные петиции и краудвотинг представляют собой облегченный формат, позволяющий гражданам подавать предложения и голосовать за них. При наборе необходимого количества голосов инициатива передается на рассмотрение органов власти.

3. Модель участия в контроле («Наблюдение 2.0») предполагает, что жители с помощью мобильных приложений или специализированных порталов фиксируют проблемы городской инфраструктуры (например, выбоины на дорогах, неисправное освещение) с привязкой к карте, выступая помощниками муниципальных технических инспекций.

4. Соучаствующее проектирование и планирование — наиболее зрелая модель, включающая полный цикл участия — от генерации идей до их совместной доработки и отбора. Примером является составление бюджета на основе широкого участия, когда жители напрямую участвуют в распределении части муниципального бюджета.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГА

Использование краудсорсинга открывает значительные возможности для муниципалитетов. К ключевым преимуществам относятся:

Во-первых, повышение эффективности и инновационности решений за счет привлечения разнообразного опыта и знаний горожан, что позволяет находить нестандартные и более точные решения локальных проблем.

Во-вторых, рост доверия и легитимности власти благодаря открытому диалогу и учету мнения граждан, что способствует укреплению доверия к муниципальным органам и повышает общественную поддержку их действий.

В-третьих, оптимизация расходов, связанная с тем, что краудсорсинг позволяет снизить затраты на дорогостоящие исследования и разработки, получая ценную информацию и идеи напрямую от сообщества.

В-четвертых, ускорение процессов решения проблем, объясняемое одновременным вовлечением множества участников с различными компетенциями, что позволяет быстрее идентифицировать жизнеспособные решения.

Таким образом, краудсорсинг представляет собой не просто технологический инструмент, а социальную

инновацию, способную трансформировать систему муниципального управления. Его успешная интеграция требует от органов власти не только внедрения цифровых платформ, но и **формирования** культуры совместного творчества граждан, перехода к модели открытого и прозрачного управления, ориентированного на реальные потребности и потенциал местного сообщества.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Инновационное развитие представляет собой непрерывный цикл структурных изменений, источником которых выступают достижения науки и техники. Этот процесс формирует адаптационный потенциал территории, позволяя ей эффективно отвечать на вызовы времени и удовлетворять растущие общественные запросы.

Применительно к муниципальному уровню инновационное развитие можно определить как целостную стратегию, задающую целевые ориентиры и принципы пространственной организации производительных сил для достижения долгосрочных целей. Это не разрозненные улучшения, а глубокая трансформация всей социально-экономической системы муниципалитета. Инновационная модернизация управленческих, производственных и инфраструктурных процессов становится ключевым условием устойчивости, конкурентоспособности и процветания территории [1].

Арсенал средств муниципальной инновационной политики позволяет не только стимулировать

экономический рост, но и оказывать целенаправленное влияние на формирование местных сообществ, выявлять источники внутренней напряженности и разрабатывать превентивные меры для их устранения.

Субъектное поле инновационного развития муниципального образования отличается разнообразием и включает широкий круг стейкхолдеров, структура которых отражена на *рисунке*.

Инновационная политика муниципального образования фокусируется на решении следующих задач:

- стимулировать перевод результатов научных изысканий и технических разработок в коммерчески успешные продукты и услуги, соответствующие стратегическим приоритетам развития территорий;
- усилить производственные, интеллектуальные и финансовые ресурсы на наиболее перспективных направлениях с высокой степенью зрелости инновационных проектов;
- наращивать научно-производственный потенциал муниципалитета, ориентированного на создание высокотехнологичной и наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью;
- повышать эффективность эксплуатации научно-технических, кадровых и производственных активов;
- продвигать и внедрять экологически безопасные и ресурсосберегающие технологии;
- поддерживать непрерывность системы образования и профессионального роста специалистов для инновационного сектора;

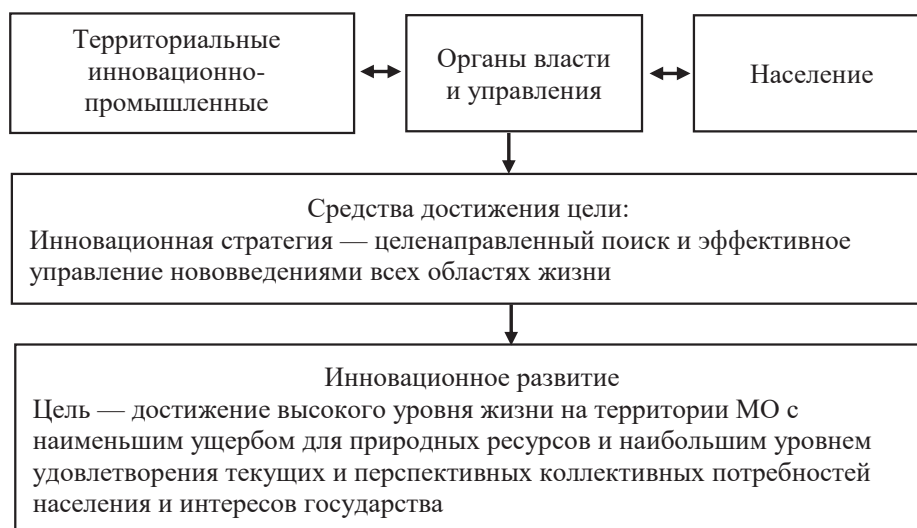

Рис. / Fig. Цели и участники инновационного развития муниципального образования / Goals and participants of innovative development of municipal education

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

- создавать и поддерживать специализированные центры, вовлекающие молодежь в технологическое предпринимательство;
- воспитывать в общественном сознании культуру инноваций с использованием современных медиа-каналов;
- увеличивать количество высокопроизводительных рабочих мест в перспективных отраслях;
- укреплять партнерские связи с другими муниципалитетами и регионами;
- гарантировать паритет прав и обязанностей для всех участников инновационного процесса.

На развитие муниципального образования значительное влияние оказывают, с одной стороны, состояние обеспечивающей инфраструктуры, а с другой — объем и качество инвестиционного, кадрового и природно-ресурсного потенциала, которые при грамотном управлении могут быть активизированы для осуществления прорывных изменений [2].

В качестве методологической основы для построения комплексной системы управления инновационным развитием целесообразно применение процессного подхода, адаптированного к специфике местного самоуправления. Данная модель предполагает выполнение комплекса управленческих функций на последовательных этапах инновационного цикла:

формирование потенциала и инфраструктурной базы → разработка и внедрение риск ориентированной стратегии → мониторинг и финальная оценка эффективности.

На этапе формирования потенциала и инфраструктуры управления инновационным развитием большую роль играет функция генерации инноваций, направленная на создание задела для последующей стратегической работы. Ее итог: производство прорывных (радикально новые решения, определяющие вектор научно-технического прогресса) и адаптационных (модернизация существующих наработок и внедрение лучших практик) инноваций.

Реализация инфраструктурно-организационной функции, нацеленной на создание устойчивой экосистемы для инноваций, выражается в формировании разветвленной сети специализированных институтов: научно-исследовательских центров, венчурных фондов, ресурсных центров, проектных офисов и консалтинговых агентств. Здесь важно внедрение современных систем проектного менеджмента, электронного документооборота и дистанционных образовательных платформ [3].

Стратегико-антикризисная функция, обеспечивающая конвертацию накопленного потенциала в измеримые социально-экономические результаты,

актуальна на этапе формирования риск-ориентированной стратегии и ее реализации. Ее отличительная черта — проактивная работа с рисками. Стратегия разрабатывается в проектном формате, что позволяет на стадии предварительного анализа выявлять потенциальные угрозы и подготавливать сценарии реагирования (избежание, передача партнерам, снижение вероятности или принятие риска).

Также на данном этапе важны функции: инструментально-внедренческая — реализация через применение современных управленческих методик, расширяющих арсенал стратегических решений (проектов по созданию технополисов, инновационных кластеров, акселераторов и центров коммерциализации технологий); коммуникационного обеспечения — выстраивание эффективных каналов обмена знаниями и информацией между всеми агентами инновационной экосистемы (дискуссии на профильных мероприятиях любого формата).

На третьем этапе мониторинга и оценки комплексной системы управления муниципальным инновационным развитием важны: контрольно-аналитическая функция (обратная связь) — отслеживание прогресса в достижении целевых показателей — формирует информационную основу для оперативной корректировки курса; интеграционно-оценочная функция (комплексное измерение достигнутых стратегических результатов и определение их ценности с применением системы критериев и KPI, нередко основанное на методологии BSC (сбалансированная система показателей)) позволяет оценить состояние инновационного потенциала, уровень инновационной активности, динамику инвестиций в НИОКР и развитие человеческого капитала [4].

Можно сделать вывод, что управление инновационным развитием муниципальных образований — это многоуровневый и системный процесс координационного воздействия со стороны органов местной власти на инновационную среду. Главная задача — актуализация конкурентных преимуществ муниципальной экономики, достижение устойчивого роста и повышение благосостояния населения через согласование интересов всех субъектов единой инновационной экосистемы территории.

МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Управление инновациями на муниципальном уровне — это не просто исполнение предписаний, а скорее создание живой, дышащей экосистемы для роста. Такой подход требует не жесткого каркаса

догм, а гибкого «ДНК» — набора фундаментальных принципов, которые определяют и тактику, и долгосрочную стратегию. Эта стратегия должна быть подобна дереву: устойчива в своих корнях (базовых ценностях), но гибка в ветвях, чтобы гнуться под ветрами меняющейся экономической и политической погоды.

В основе этого «ДНК» лежат два ключевых гена: принцип актуальности, когда инновация — не самоцель, а ответ на конкретную «боль» территории. Это лекарство, а не витамин. Второй ключевой принцип — принцип системности. Принцип системности — это в каком-то смысле синергетический реактор, где отдельные проекты, запускаясь в правильной последовательности, порождают цепную реакцию дополнительного эффекта, многократно увеличивая итоговый результат.

Но принципы без инструментов — лишь философия. Методы управления инновациями — это проверенный арсенал способов превратить идею в рабочий прототип, а прототип — в реальный эффект. Их источником может быть как стерильная лаборатория научного поиска, так и «творческий хаос» практического опыта.

Инновационный муниципалитет может быть представлен в виде трехуровневой модели, имеющей вид пирамиды инновационного развития, где каждый уровень — основа для следующего. Фундаментом данной модели выступают принципы честной игры: легитимность, прозрачность, опора на данные, ответственность и партнерство. Каркасом модели выступают принципы развития: единое видение будущего, гибкость решений, системный подход и безусловный приоритет инновациям. Своеобразной крышей модели являются принципы действия: непрерывное совершенствование, учет местной специфики, кооперация и точечная концентрация ресурсов [5].

Чтобы эта пирамида стала жизнеспособной, необходима реализация семи «программ обустройства»:

1. Создание питательной среды — формирование климата, где инновации не выживают, а процветают.

2. Выращивание талантов — перезапуск образовательной системы с акцентом на предпринимательскую смекалку и культуру риска.

3. Запуск «инновационного конвейера» — стимуляция как действующих предприятий, так и создания новых венчурных компаний.

4. Широкий фронт работ — диверсификация инноваций в экономику и социальную сферу.

5. Модернизация «фабрики идей» — перезагрузка сектора НИОКР, ориентируя его на реальные технологические вызовы.

6. Строительство инфраструктуры — создание как физических объектов (коворкинги, технопарки), так и финансовых лифтов (венчурные фонды, гранты).

7. Запуск финансового механизма — создание такого инструмента, который, как умный дирижер, сводит вместе бюджеты, частные инвестиции, кредиты и венчурный капитал, управляя ими с помощью налоговых стимулов и льгот.

На эту конструкцию воздействуют две системы факторов: ближний круг (микросреда) через прямые контакты. В данный круг входят жители, поставщики, конкуренты, местные институты. Вторая система факторов представлена так называемым дальним кругом (макросредой) — глобальными трендами в виде госполитики, мировой конъюнктуры, законов, научных прорывов и демографии [6].

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ, ПОДДЕРЖКА И УПРАВЛЕНИЕ

В последнее время в распоряжении муниципальной команды появился целый набор «умных» инструментов — от аутсорсинга и бережливого управления до краудсорсинга и проектного менеджмента. Их внедрение — не дань моде, а точечный выбор, основанный на оценке местных возможностей и болевых точек.

Успех всей этой системы муниципальных инноваций зависит от слаженной работы шести «служб обеспечения»: правовой (развитие гибкого законодательства для развития государственно-частного партнерства — ГЧП), институциональной (штаб инноваций — профильных департаментов), кадровой (политика мотивации и выявление готовности к риску), стимулирующей (поощрение за смелые эксперименты), методологической (внедрение культуры, где новое — это не угроза, а возможность), коммуникационной (повышение мобильности и прозрачности через цифровизацию). Таким образом, выстраивается прямая связь: качество «служб обеспечения» определяет устойчивость развития муниципалитета. Ключевым же звеном являются не технология и финансы, а человек.

Реализация кадровой политики, умеющей диагностировать и развивать готовность к инновациям, — вот главный детерминант превращения муниципального образования из административной единицы в живой, развивающийся организм.

В условиях глобализации и перехода к экономике знаний активизация инновационных процессов является императивом обеспечения национальной

конкурентоспособности. Технологическая модернизация производственного аппарата выступает ключевым фактором, детерминирующим устойчивое развитие хозяйствующих субъектов. Однако текущее состояние экономики Российской Федерации характеризуется наличием системных ограничений, среди которых доминируют технологическое отставание, обусловленное моральным и физическим износом основных фондов, а также дефицит комплексной государственной и научной поддержки, что в совокупности обуславливает снижение конкурентоспособности на международной арене [7].

Для нивелирования указанных дисбалансов необходима целенаправленная политика, нацеленная на создание благоприятных условий для генерации и диффузии инноваций. К числу приоритетных направлений следует отнести:

- стимулирование эндогенного и экзогенного спроса на результаты научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности (НИОКР);
- формирование кластерных структур и инновационных сетей, обеспечивающих синергию научно-производственного кооперирования;
- создание институциональных и экономических предпосылок для технологической модернизации предприятий;
- реализацию приоритетных направлений научно-технологического развития на основе механизмов ГЧП [8].

В данном контексте представляется актуальным муниципальный уровень реализации инновационной политики. Муниципальная инновационная политика нацелена на достижение синергетического эффекта, обеспечивающего рост конкурентоспособности предприятий в границах конкретной территории. Для ее успешной имплементации необходима многоуровневая поддержка со стороны органов государственной власти, структурируемая по следующим направлениям:

1. Административно-организационная поддержка, предполагающая максимизацию использования административного ресурса и должностных полномочий для координации и содействия инновационной и научно-технической деятельности.

2. Нормативно-правовое обеспечение реализуется с помощью формирования релевантной правовой базы, которая является фундаментальной предпосылкой создания стимулирующей инновационной среды. Это предполагает совершенствование муниципальных и федеральных законодательных актов, регулирующих инновационную деятельность, развитие нормативной базы, обеспечивающей защиту

интеллектуальной собственности и авторских прав, а также разработку предложений по оптимизации правового регулирования ГЧП и увеличению доли высокотехнологичной продукции в государственном заказе.

3. Финансово-экономическое стимулирование обеспечивается аллокацией бюджетных средств, которые должны быть ориентированы на создание преференциальных условий для субъектов инновационной деятельности. Целесообразно внедрение системы льгот, включающей налоговые преференции и льготы по аренде муниципального имущества, что повысит инвестиционную привлекательность данной сферы.

4. Формирование инновационной инфраструктуры предполагает переход на инновационный путь развития через формирование целостной инфраструктуры, интегрирующей следующие группы субъектов: органы управления и координации инновационной сферы, научно-исследовательские организации, осуществляющие генерацию новых знаний и технологий, компании, специализирующиеся на коммерциализации и внедрении инноваций в реальный сектор экономики, предприятия-реципиенты, осваивающие инновационные разработки. Процесс создания такой инфраструктуры является комплексным и требует стратегического планирования с учетом имеющихся административных и экономических ресурсов [9].

В данном контексте важна оптимизация информационного обеспечения инвестиционных процессов. Анализ практики выявил недостаточную эффективность взаимодействия между потенциальными инвесторами и органами публичной власти. В качестве решения предлагается создание единого информационного ресурса (портала), агрегирующего данные обо всех потенциальных объектах инвестирования на территории муниципального образования. Ресурс должен предоставлять структурированную информацию в режиме реального времени, включая кадастровые и технические характеристики земельных участков; параметры инженерной, транспортной и энергетической инфраструктуры; перспективные планы развития территории с указанием сроков реализации.

Функционирование такого портала минимизирует транзакционные издержки инвесторов, повышает инвестиционную привлекательность территории и может быть тиражировано как успешная практика на региональном и федеральном уровне.

Инновационная трансформация органов публичной власти должна базироваться на кадровой политике, включающей управление профессиональной

компетентностью госслужащих на основе регулярного мониторинга и развития их квалификации; диагностику готовности персонала к организационным нововведениям; проактивное управление сопротивлением изменениям.

Развитие цифровых технологий и недавние пандемийные ограничения катализировали распространение дистанционных форм занятости и краудсорсинга, что актуализировало риски недобросовестной конкуренции и нарушения контрактных обязательств. Появились проблемы регулирования краудсорсинга как новой формы трудовых отношений.

Краудсорсинг, как сложное социально-экономическое явление, требует многоаспектного рассмотрения:

- как форма организации бизнеса в виде специфической модели, требующей эффективных механизмов привлечения квалифицированных трудовых ресурсов через удаленные проекты, экспертные платформы или электронные биржи труда.
- как инструмент общественного договора через механизм обеспечения транспарентности и усиления социальной сплоченности [10].

СИСТЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ПРИНЦИПОВ К ПРАКТИЧЕСКИМ РЕШЕНИЯМ

Для минимизации рисков в данной «серой» зоне, характеризующейся неустойчивостью трудовых отношений, разработана система регламентов, адаптированных к различным формам краудсорсинга:

1. Регламент работы с экспертами (например, для оценки проектов). Включает регулирование: с помощью вознаграждения через установление минимальной почасовой ставки, не ниже МРОТ в пересчете на месячную норму, рабочего времени и отдыха через нормирование нагрузки (не более 40 ч/нед.) и времени коммуникаций, условий и охраны труда с помощью рекомендаций по организации рабочего места, ответственности через репутационную и материальную ответственность за качество работы и разглашение конфиденциальной информации, социальных гарантий с помощью включения периода работы в трудовой стаж, социальное страхование, развития карьеры через официальное подтверждение участия в проектах для формирования профессиональной репутации.

2. Регламент работы по «гиг-контрактам» (привлечение специалистов через платформы). Дополняет базовый регламент специфическими пунктами, включающими: вопросы охраны труда, предполага-

ющие установление за самим работником ответственности за соблюдение норм; организацию рабочего места, включая компенсацию затрат на оборудование и ПО или его предоставление; установление фиксированного рабочего времени, предполагающее учет работы в ночное время с компенсацией удлиненным отдыхом; ответственность платформы через верификацию информации участников, мониторинг контента на предмет нарушений и блокировку недобросовестных акторов; разработку регламента волонтерской деятельности (безвозмездная работа для определения общественного мнения). Особенностью является отсутствие формальных трудовых отношений и ответственности за результат, что компенсируется общественной полезностью и вкладом в формирование личного имиджа участника.

Предложенные регламенты и механизмы, разработанные на основе анализа законодательства и международного опыта, позволяют систематизировать отношения в сфере краудсорсинга, минимизировать социально-трудовые риски для всех участников (краудворкеров, компаний-заказчиков и платформ) и способствовать легитимизации данной формы занятости, выводя ее из «серой» зоны.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования показали следующее: раскрыта сущность краудсорсинга как современной модели решения задач и совместного создания ценностей, систематизированы его модели в муниципальном управлении, определены ключевые принципы и разработана трехуровневая модель инновационного развития муниципалитета. Выявлены основные проблемы и барьеры внедрения краудсорсинговых технологий, проведена оценка эффективности их моделей, сформулированы предложения по минимизации связанных с ними рисков.

Автором предложена методология управления инновационным развитием на муниципальном уровне — разработан комплекс функций управления на разных этапах инновационного цикла, сформирована система критериев оценки его эффективности и определены направления совершенствования муниципальной инновационной политики, включая кадровую политику в сфере инноваций.

Кроме того, разработаны рекомендации по формированию инновационной инфраструктуры и развитию системы поддержки инновационных проектов, предложены механизмы совершенствования нормативно-правовой базы и интеграции краудсорсинга в систему муниципального управления. Сформированы практические рекомендации

по созданию краудсорсинговых онлайн-платформ, а также предложения по мониторингу и контролю реализации инновационных проектов.

Полученные результаты имеют теоретическую и практическую значимость и могут быть использованы при разработке стратегий инновационного развития муниципальных образований и внедрении краудсорсинговых технологий в систему муниципального управления.

ВЫВОДЫ

Инновационное развитие муниципальных образований является ключевым фактором их конкурентоспособности и устойчивого роста в условиях экономики знаний. Краудсорсинг выступает эффективным инструментом мобилизации интеллектуального потенциала местного сообщества для решения актуальных задач развития территории.

Краудсорсинговая модель в муниципальном управлении позволяет повысить эффективность принимаемых решений за счет привлечения широкого круга экспертов; усилить доверие населения к органам власти через открытый диалог; оптимизировать бюджетные расходы путем снижения затрат на исследования; ускорить процесс решения локальных проблем благодаря параллельной работе множества участников. Успешная интеграция краудсорсинга требует создания современной цифровой инфраструктуры; формирования культуры совмест-

ного творчества; перехода к открытому управлению; ориентации на реальные потребности сообщества.

Практическое применение краудсорсинга реализуется через различные модели: массовое сотрудничество и коллективный интеллект, электронные петиции и краудвотинг, участие в контроле городской инфраструктуры, соучаствующее проектирование и планирование.

Инновационное развитие муниципального образования должно базироваться на системном подходе к управлению, созданию благоприятной инновационной среды, формировании эффективной инфраструктуры, развитию кадрового потенциала, внедрении современных управленческих инструментов.

Комплексный подход к управлению инновационным развитием включает формирование инновационного потенциала, разработку риск-ориентированной стратегии, систему мониторинга и оценки эффективности. Успешность внедрения краудсорсинговых технологий зависит от качества правовой базы, развития институциональной среды, эффективной кадровой политики, стимулирующих механизмов, современных методологических подходов, развития коммуникационной инфраструктуры. Перспективы развития краудсорсинга связаны с дальнейшим совершенствованием цифровых платформ и расширением практики вовлечения граждан в процессы муниципального управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлобаева Е.А. Инновационная деятельность как особый инструмент развития экономических субъектов. В сб.: Организационно-экономические и финансовые аспекты развития АПК. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/nzsvex>
2. Адамская Л.В. Государственное регулирование роста инвестиций и обновления основных фондов: применяемые налоговые инструменты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;(14)3:137-142. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-3-137-142>
3. Красюкова Н.Л. Применение блокчейн-технологий в АПК: перспективы повышения эффективности крупных агрохолдингов. *Аграрная наука*. 2025;5:184-187. URL: <https://doi.org/10.32634/0869-8155-2025-394-05-184-187>
4. Сергиенко Н.С. Геймификация и мотивационные аспекты в совершенствовании механизма социального контракта. *Экономика строительства*. 2025;6:152-154. URL: <https://elibrary.ru/xnqdhht>
5. Харитонов О.В., Бугаева Т.Н. Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования. *Вестник евразийской науки*. 2020;12(2):75. URL: <https://elibrary.ru/nsmput>
6. Болтенков И.А., Грошева Н.Б., Чанчиков А.А. Краудсорсинг как механизм управления общественно-значимыми проектами. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2021;2(19):25-27. URL: <https://elibrary.ru/jbsjbjv>
7. Лекторова Ю.Ю., Прудников А.Ю., Плешкова А.В. Правительственный краудсорсинг как технология развития территории и имиджевый ресурс власти. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2022;14(4):624-645. URL: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-624-645>
8. Симакова А.В., Козырева Г.Б. Краудсорсинг как инструмент взаимодействия власти, бизнеса и общества в решении проблем местного самоуправления в арктической зоне России. *Мир экономики и управления*. 2018;18(1):129-139. URL: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-1-129-139>

9. Исаев А.В., Меркулов А.В. Технологии краудсорсинга в практике публичного управления: особенности и перспективы использования в государственном и муниципальном управлении. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019;14(6):91-108. URL: <https://elibrary.ru/szpsff>
10. Акишкина Е.А., Полтарыхин А.Л. Зарубежный и российский опыт реализации краудсорсинг-проектов в сфере государственного управления. В сб.: Инвестиционный климат и искусственный интеллект: взаимосвязи и проблемы трансформации мегаполиса. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс»; 2022:28-33. URL: <https://elibrary.ru/elmlmj>

REFERENCES

1. Kozlobaeva E.A. Innovation activity as a special tool for the development of economic entities. In collection: Organizational, economic and financial aspects of agro-industrial complex development. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/nzsvex> (In Russ.).
2. Adamskaya L.V. State regulation of investment growth and renovation of fixed assets: Applied tax instruments. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;(14)3:137-142. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-3-137-142> (In Russ.).
3. Krasnyukova N.L. The use of blockchain technologies in agriculture: Prospects for improving the efficiency of large agricultural holdings. *Agricultural Science*. 2025;5:184-187. URL: <https://doi.org/10.32634/0869-8155-2025-394-05-184-187> (In Russ.).
4. Sergienko N.S. Gamification and motivational aspects in improving the mechanism of social contract. *Economics of construction*. 2025;6:152-154. URL: <https://elibrary.ru/xnqdht> (In Russ.).
5. Kharitonova O.V., Bugaeva T.N. Crowdsourcing in state and municipal management: The essence and prospects of use. *Bulletin of Eurasian Science*. 2020;12(2):75. URL: <https://elibrary.ru/nsmpu> (In Russ.).
6. Boltenkov I.A., Grosheva N.B., Chanchikov A.A. Crowdsourcing as a mechanism for managing socially significant projects. *Business education in the Knowledge Economy*. 2021;2(19):25-27. URL: <https://elibrary.ru/jbsjbn> (In Russ.).
7. Lektorova Yu.Y., Prudnikov A.Yu., Pleshkova A.V. Government crowdsourcing as a technology of territory development and an image resource of power. *Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2022;14(4):624-645. URL: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-624-645> (In Russ.).
8. Simakova A.V., Kozyreva G.B. Crowdsourcing as a tool for interaction between government, business and society in solving problems of local self-government in the Arctic zone of Russia. *The World of Economics and Management*. 2018;18(1):129-139. URL: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-1-129-139> (In Russ.).
9. Isaev A.V., Merkulov A.V. Crowdsourcing technologies in public administration practice: Features and prospects of use in state and municipal administration. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019;14(6):91-108. URL: <https://elibrary.ru/szpsff> (In Russ.).
10. Akishkina E.A., Poltarykhin A.L. Foreign and Russian experience in implementing crowdsourcing projects in the field of public administration. In: Investment climate and artificial intelligence: Interrelations and problems of transformation of a megacity. Moscow: Rusains Limited Liability Company; 2022:28-33. URL: <https://elibrary.ru/elmlmj> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Валерий Энгельсович Комов — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Valerii E. Komov — PhD in Economics, Assoc. Prof. of the Department of Public and Municipal Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0004-8242-281X>
 vekomov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.12.2025; после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 15.12.2025; revised on 19.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Государственное программно-целевое управление в гражданских отраслях промышленности Российской Федерации в первой четверти XXI века

А. И. Бикбулатов, О. А. Судоргин

Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются задачи, вызовы, основные направления государственной политики в области промышленности, анализируются общесистемные меры государственного управления данной отраслью, целью которых является обеспечение промышленного потенциала, создание долгосрочных стимулов для повышения конкурентоспособности российских промышленных компаний, инновационного роста и модернизации гражданских отраслей промышленности в условиях внешнеполитических и технологических вызовов в первой четверти XXI в. В исследовании описаны геополитические, экономические и технологические проблемы в мире и, как реакция на это, — структурная трансформация экономики Российской Федерации, переориентация системы органов государственного управления для решения этих задач. **Цель исследования** заключается в анализе и оценке эффективности реализации программного управления в гражданской промышленности РФ, а также в выявлении ключевых факторов, влияющих на его развитие и совершенствование. **Результаты.** В рамках исследования механизма государственного управления была выявлена необходимость дифференциации понятий «оборонная промышленность» и «гражданская промышленность» в силу организационно-структурных различий данных секторов экономики; определена исключительная роль государственных программ при переходе от парадигмы управления ресурсами к парадигме управления по результатам. В государственном программировании до сих пор остаются нерешенными следующие проблемы: сложности в доступе к финансированию и недостаточная координация между участниками программного процесса. **Выводы.** Перед Правительством РФ в рамках ведения промышленной политики сегодня стоят исключительные задачи по обеспечению технологического суверенитета России, конкурентоспособности отечественных товаров на внутреннем и внешнем рынках. Главный инструмент в осуществлении этой деятельности — комплекс государственных программ как не только основа формирования бюджета, но и набор действий (не всегда финансовых), направленных на достижение целей государственной политики. В гражданском промышленном секторе государственное программирование включает в себя разработку и реализацию следующих программ: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»; «Развитие авиационной промышленности»; «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений»; «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности». Несмотря на высокое развитие методологии, в механизме мониторинга имеют место определенные системные проблемы. **Ключевые слова:** государственная программа; документ о стратегическом планировании; ОПК (оборонно-промышленный комплекс); программно-целевое управление; промышленная политика; Минпромторг РФ (Министерство промышленности и торговли РФ); Ростехнологии

Для цитирования: Бикбулатов А.И., Судоргин О.А. Государственное программно-целевое управление в гражданских отраслях промышленности Российской Федерации в первой четверти XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2026;16(2):120-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-120-131

State Program-targeted Management in the Civilian Industries of the Russian Federation in the First Quarter of the 21st Century

A. I. Bikbulatov, O. A. Sudorgin

State University of Management, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines state industrial policy, focusing on its goals, challenges, and key directions. It analyzes management measures aimed at strengthening industrial potential, boosting competitiveness, stimulating innovation, and modernizing industries amid geopolitical and technological challenges in the early 21st century. The study also covers global challenges and related structural transformations of the Russian economy. **The purpose** of this study is to analyze and evaluate the

effectiveness of implementing management software in the civilian industry of the Russian Federation, as well as to identify the key factors influencing its development and improvement. **Results.** As part of the study of the public administration mechanism, the need to distinguish between the concepts of “defense industry” and “civilian industry” was identified due to the organizational and structural differences between these sectors of the economy. The study also revealed the exceptional role of public programs in the transition from a resource management paradigm to a results-oriented management paradigm. However, there are still unresolved issues in public programming, such as difficulties in accessing funding and insufficient coordination between program participants. **Conclusions.** The Russian Government faces significant challenges in ensuring technological sovereignty and competitiveness of domestic goods. The key instrument is a set of government programs that guide budget formation and implement policy goals through various (not only financial) measures. In the civilian industrial sector, government programming includes the development and implementation of the following programs: “Development of Industry and Increasing Its Competitiveness,” “Development of the Aviation Industry,” “Development of Shipbuilding and Technologies for the Development of Offshore Fields,” and “Development of the Electronic and Radio-Electronic Industry.” Despite the high level of development of the methodology and monitoring mechanism, there are difficulties with access to funding and insufficient coordination between the participants in the program process.

Keywords: state program; strategic planning document; military-industrial complex; program-target management; industrial policy; Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation; Rostekhnologii

For citation: Bikbulatov A.I., Sudorgin O.A. State program-targeted management in the civilian industries of the Russian Federation in the first quarter of the 21st century. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2026;16(1):120-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-120-131

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XXI в. развитие гражданских отраслей промышленности Российской Федерации сталкивается с рядом новых вызовов и возможностей, обусловленных глобальными экономическими, технологическими и социальными изменениями.

В условиях ускоряющейся цифровизации, интеграции инновационных технологий и усиления международной конкуренции особое значение приобретает эффективное государственное программно-целевое управление. Этот подход предполагает формирование стратегических целей, их системную реализацию и мониторинг в рамках государственных программ. Важность такого управления обусловлена необходимостью обеспечения устойчивого развития, повышения конкурентоспособности отечественной промышленности и реализации национальных приоритетов.

В рамках исследования рассматриваются основные механизмы и инструменты программно-целевого управления, а также их роль в обеспечении инновационного роста и модернизации гражданских отраслей промышленности. Анализируется опыт реализации государственных программ, выявляются проблемы и перспективы их совершенствования.

Особое внимание уделяется вопросам эффективности использования ресурсов, прозрачности процессов и адаптации к быстро меняющейся среде. Исследование направлено на формирование рекомендаций по повышению эффективности государственного управления в интересах стратегического развития промышленного комплекса России.

РОССИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

После 2014 г. на фоне геополитической конкуренции отношения между Россией и странами Запада значительно обострились, особенно после активных действий со стороны России в целях защиты своих внешнеполитических интересов на западной границе. Противоположностью этому стало беспрецедентное введение различных мер внешнего давления: в первую очередь — санкционных, далее — силовых.

Меры внешнего давления направлены на изменение политики России, ограничение ее экономического и политического влияния и включают следующие типы воздействия: экономические санкции, политико-дипломатические, силовые и информационные мероприятия.

Замораживание активов российских компаний и физических лиц, ограничение на экспорт и импорт определенных товаров и технологий, запрет на участие российских банков в международных финансовых системах, ограничение инвестиций в Россию — инструменты экономического давления. Политико-дипломатические меры: ограничение дипломатического присутствия, высылка российских дипломатов, отмена или приостановка участия в международных организациях и форумах, введение визовых ограничений для граждан России и представителей власти. В дополнение ко всему перечисленному, такие методы давления, как усиление военного присутствия вблизи границ России, проведение совместных учений и демонстрация силы, поддержка стран и движений, противостоящих России в различных регионах призваны к оказанию воздействия. Активно реали-

зуются информационные и кибермеры, как ведение информационной кампании, направленной на дискредитацию российских властей и проведение киберразведывательных операций.

Эффективность данных мер неоднозначна, а последствия непредсказуемы. Санкции значительно усложнили доступ России к международным рынкам, политические меры усилили изоляцию страны, внутри России усилились националистические и сепаратистские настроения. Данные факторы принимаются во внимание при управлении различными отраслями хозяйства РФ: разрабатываются и утверждаются документы о стратегическом планировании¹, и, как следствие, пересмотр приоритетности отраслей, перестройка структуры бюджетных расходов, системное ограничение свободы информации.

Несмотря на резкое обострение отношений, межгосударственная коммуникация по дипломатическим каналам не прерывается, участие Российской Федерации в международных организациях, активная фаза которых пришлась на 2005–2012 гг., сокращается, но сохраняется, выполняются требования и условия международных договоренностей. Но в условиях существенной внешней напряженности государственная позиция по вопросам обеспечения национальной безопасности жесткая.

В периоды международных кооперативных отношений экономическим блоком Правительства РФ предприняты меры по интеграции российской экономики в единую мировую систему торговли: вступление в ВТО, сотрудничество с другими государствами в рамках МВФ, Всемирного банка. Инициатива и реализация создания упомянутых международных организаций принадлежит странам западного мира в контексте развития процессов глобализации и необходимости наличия единого мирового пространства, так как эти страны, в большинстве своем будучи самыми развитыми в техническом, технологическом и культурном аспектах, непосредственно столкнулись с необходимостью расширения.

ВТО — межправительственная организация, регламентирующая правила по торговле между ее членами², начала свою деятельность в 1995 г. Россия стала полноправным членом в 2012 г. после длительного процесса переговоров. Ключевые принципы, заложенные в ВТО: взаимное предо-

ставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, взаимное предоставление национального режима товарам и услугам иностранного происхождения, регулирование торговли преимущественно тарифными методами, постепенный отказ от использования количественных и иных ограничений [1].

Выгода России от участия в данной организации в текущих условиях неоднозначна. Среди плюсов от членства можно выделить: открытость экономики для притока инвестиций, увеличение объема экспорта, из минусов — сокращение доли отечественных товаров с высокой добавленной стоимостью в стратегически важных отраслях, переориентация российской промышленности в сторону добычи. Особенно пострадали агропромышленная, автомобильная, авиационная, пищевая отрасли промышленности из-за неконкурентоспособности на внутреннем рынке страны даже с учетом компенсационных мер [2]. Следствием такой политики стала преобладающая доля сырьевой продукции в структуре российского экспорта и зависимость экономики страны от цены на сырьевые товары на мировом рынке. Запад косвенно способствовал и приветствовал то, что Россия стала привлекательной сырьевой базой для более развитых с промышленной точки зрения стран [3].

В контексте сегодняшних событий условия участия России в ВТО не отвечают современным вызовам, национальная независимая политика которой ориентирована на обеспечение технологического суверенитета, развитие отечественной промышленной продукции, импортозамещение.

Следующая международная организация, оказывающая значительное влияние на бюджетную политику и финансовую систему России в целом, — Международный валютный фонд (МВФ), чья роль заключается в наднациональном обеспечении экономической стабильности в мире. После погашения всех долгов перед МВФ статус России определен как «кредитор МВФ». С 2010 г. взаимодействие МВФ с Россией осуществляет Банк России в рамках двух направлений: участие российских представителей в ключевых органах МВФ — Совете управляющих и Исполнительном совете; в рамках взаимодействия в ходе рабочих встреч. Степень влияния органов управления МВФ на финансовую систему государств-членов существенна. Так, например, по второму направлению деятельности — участию сотрудников Банка России в аналитической деятельности Фонда при подготовке итоговых докладов по отдельным странам — персонал и Исполнительный

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

² На 1 января 2025 г. членами являются 166 стран.

совет МВФ дают оценку экономическому развитию конкретной страны и проводимой макроэкономической политике. Оценка формируется на основе информации, предоставленной официальными органами страны и собственной аналитики Фонда.

Кроме того, МВФ предоставляет стране рекомендации по таким вопросам, как налогово-бюджетная, денежно-кредитная и макрофинансовая политика, а также по структурным реформам [4]. Хотя официальные органы страны-кредитора в МВФ не обязаны выполнять требования согласно рекомендациям Фонда, доступность информации о текущем состоянии финансовой системы суверенного государства и наличие рычагов воздействия органов МВФ на налогово-бюджетную и денежно-кредитную политику Российской Федерации несет потенциальную угрозу национальной безопасности.

Это и реализовалось впоследствии с началом специальной военной операции (СВО): произошла блокировка валютных резервов Банка России, отключение от системы SWIFT, нефтяное эмбарго и установление потолка цен на нефть [5].

Глобализация сопряжена с развитием надгосударственных, межправительственных институтов, которые были призваны обеспечить экономическую стабильность в мире, равные условия конкуренции на мировом рынке и создание единого социально-экономического пространства во времена кооперативных отношений между государствами.

Сегодня наблюдается кризис не только в мировой политике, но и в глобализации. Происходит изоляция отдельных стран, повсеместно применяются меры санкционного принуждения, разворачивание торговых войн, обострение военных конфликтов [6]. При этом активно применяются институциональные механизмы МВФ, ВТО, Всемирного банка в интересах западных стран.

Таковы внешнеполитические условия вокруг России на конец первой четверти XXI в. Введение рекордного количества санкций, прямые запреты импорта из России — все это способствует переориентации всей отечественной экономической системы. Товарооборот с западными странами снижается до минимума, технологическая изоляция Российской Федерации усиливается.

Вышеупомянутые факторы находят свое отражение в основных направлениях деятельности Правительства РФ, перед которым стоит задача по обеспечению развития экономики, адаптации эко-

номики к текущим вызовам, обеспечению макроэкономической стабильности в условиях внешнего санкционного давления.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Советский период ознаменовался кардинальными преобразованиями в структуре промышленного комплекса. В 1920-х гг. началась масштабная индустриализация, направленная на создание мощной военно-промышленной базы и обеспечение экономической самостоятельности страны. В рамках пятилетних планов были построены крупные промышленные центры: Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Кировский и Волжский заводы. В этот период произошел переход к плановой экономике, что позволило значительно увеличить объемы производства, однако это также привело к определенным структурным и технологическим проблемам.

Постсоветский период ознаменован переходом к рыночной экономике. В 1990-х гг. начался процесс приватизации государственных предприятий с формированием новых форм собственности и появлением частных компаний. Этот этап считается кризисным, особенно в оборонно-промышленном комплексе (ОПК), в связи со значительными структурными сдвигами, снижением объемов производства, сокращением гособоронзаказа. Некоторые предприятия были ликвидированы, другие переориентировались на выпуск гражданской продукции.

В 2000-х гг. началось объединение предприятий ОПК в единые структуры. В 2001 г. была образована авиационная холдинговая компания «Сухой», в 2002 г. холдинг «Алмаз-Антей» объединил несколько десятков предприятий, относящихся к группе «Оборонительные системы». В 2007 г. была установлена государственная монополия на экспорт конечной военной продукции, единым государственным посредником в военно-техническом сотрудничестве стал «Рособоронэкспорт». Тогда же была учреждена государственная корпорация «Ростехнологии», которой передали 443 предприятия с общей задолженностью на тот момент 630 млрд руб.³ На предприятиях были разрушены производственные цепочки, изношены основные фонды, но стояла задача их сохранения. Такая форма органи-

³ URL: <https://viewer.rsl.ru/rls01011109040>

зации была принята для искусственной монополии, поскольку конкуренция в таких сферах экономически возможна, но не допускается государством ввиду ее нецелесообразности [7].

В XXI в. Россия продолжила модернизацию промышленного комплекса, ориентируясь на инновационные технологии и повышение конкурентоспособности на мировом рынке. Особое значение приобрело развитие энергетического сектора, машиностроения, а также высокотехнологичных отраслей (таких как аэрокосмическая, авиационная, фармацевтическая промышленность, производство вооружений). Государственная политика взяла курс на создание условий для импортозамещения и наращивание потенциала инновационно-технологических направлений.

В последние годы особое внимание уделяется развитию цифровых технологий, автоматизации и экологически чистых производств. В рамках национальных проектов реализуются инициативы по модернизации инфраструктуры, повышению эффективности предприятий и внедрению новых технологий. Эти меры направлены на укрепление позиций России в глобальной промышленной системе и обеспечение независимого устойчивого экономического роста.

Концептуально промышленную сферу экономики можно разделить на гражданскую и оборонную в силу исторически сложившихся организационно-структурных различий. Для первого типа характерно значительное число хозяйствующих субъектов, различных по размерам, видам экономической деятельности, ресурсоемкости производства, масштабу последствий в случае техногенных катастроф на производстве, степени влияния на экономику региона, а для второго свойственна иная структура. ОПК — система с государством в центре и сеть переплетенных между собой оборонных предприятий, научных институтов, конструкторских бюро и других системно значимых элементов, каждый из которых связан с центральным элементом системы — государством. Оборонная и гражданская отрасли промышленности тесно связаны между собой, но механизмы государственного управления этими секторами фундаментально отличаются.

Далее важно установить основополагающие принципы государственной политики отдельно по данным направлениям. При управлении гражданской промышленностью преобладает общесистемная политика, направленная на разработку мер для развития реального сектора экономики в целом; для управления ОПК характерна селективная про-

мышленная политика, направленная на избирательное воздействие на субъекты экономической деятельности. Для гражданской промышленности наиболее эффективно управление посредством регулирования с помощью рыночных механизмов, а для оборонной — плановое регулирование.

При этом цели государственной политики в промышленной сфере следующие:

- в оборонной — создание перспективных образцов вооружения и военной техники, способных отвечать современным угрозам, и их серийное производство;
- в гражданской — стимулирование производства конкурентоспособных отечественных товаров, которые пользуются спросом на внешнем и внутреннем рынках, что в конечном счете обеспечило бы социально-экономическое благополучие населения страны.

В данной статье главным образом рассматривается гражданская отрасль промышленности, при этом используется системный подход. При анализе существующей литературы по схожей тематике обнаружено, что в большинстве работ вопросы управления промышленностью рассматриваются в комплексе «ОПК и гражданские отрасли промышленности». При этом недостаточно изученными остаются аспекты государственного управления гражданской промышленностью современными программно-целевыми механизмами.

Управление промышленностью в России сегодня федеральными госорганами осуществляется на макроуровне. Большинство ученых сходятся во мнении, что понятие «промышленная политика» вообще не применимо на уровне муниципалитетов, так как у местных органов управления практически отсутствуют соответствующие рычаги воздействия на товаропроизводителей, осуществляющих свою деятельность, в том числе экспортную, на территории муниципалитетов [8]. В наибольшей степени за разработку и реализацию общесистемной промышленной политики отвечают органы федерального правительства.

За реализацию промышленной политики в РФ отвечает Министерство промышленности и торговли как ведомство, проводящее государственную политику и осуществляющее управление в промышленной сфере, а также координирующее деятельность в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ⁴). Государственная

⁴ Краткий юридический словарь. Азрилиян А.Н., ред. 2-е изд. доп. М.: Институт новой экономики; 2007.

федеральная промышленная политика имеет существенные отличия от корпоративной промышленной политики, миссия которой более узка, а критерии эффективной деятельности могут сводиться к достижению лишь коммерческих целей — максимизация прибыли, сокращение издержек. Ответственность государства шире. Критерии оценки государственной промышленной политики носят многомерный характер, обусловленный всеми аспектами государственной политики: безопасность, устойчивость, гуманистичность государства [9].

Основные направления отраслевой политики, осуществляемой в рамках деятельности федеральных органов государственной власти, на макроуровне следующие: структурная политика, инновационная политика, инвестиционная политика.

В контексте структуры современная эффективная промышленная политика подразумевает диалог между равноправными участниками разработки и реализации промышленной политики — государством, бизнесом, научными и общественными организациями. Речь идет о совместном определении целей и задач и приемлемых механизмов их достижения.

Признание активной роли государства в формировании и реализации приоритетов российской промышленности является исходной методологической предпосылкой современной промышленной политики РФ. Некоторые исследователи, такие как Е.М. Примаков и В.Л. Макаров, считают, что промышленная политика не должна осуществляться на мезо- и локальном уровнях, так как масштаб задач не соответствует имеющимся ресурсам.

Немаловажным фактором реализации промышленной политики является дальнейшее осуществление концепции открытости во взаимодействии Минпромторга РФ с референтными группами. Тесная работа с промышленными предприятиями, иными ФОИВ, профильными органами исполнительной власти субъектов РФ, отраслевыми ассоциациями, профсоюзами — важное направление деятельности как Минпромторга, так и других федеральных отраслевых органов исполнительной власти. Это важно для понимания проблем «на местах» и получения достоверной информации напрямую, без посредников, что особенно важно для деятельности в рамках развития гражданских секторов промышленности.

Как уже отмечалось, ОПК и гражданский сектор тесно связаны. ОПК традиционно является одним из ведущих источников инноваций и технологического прогресса. Государство субсидиру-

ет научные исследования и разработки, стартапы и инновационные предприятия и не ставит своей первоочередной целью получение прибыли. Это способствует развитию новых производств, повышению конкурентоспособности национальной экономики. Частные предприятия в большинстве своем не склонны инвестировать личные средства в инновационные высокорискованные сектора, а банки — выдавать кредиты для финансирования таких проектов. Через компенсацию «провалов рынка» государство помогает частному сектору реализовать имеющиеся у страны возможности специализации [10]. Таким образом, осуществляется трансфер инновационных технологий и научных разработок из оборонно-промышленного комплекса в гражданские сектора.

Инновационные технологии играют ключевую роль в развитии экономики и общества. Примерами успешного перехода являются разработки в области материаловедения, информационных технологий (например, интернета), медицины и энергетики, которые были впоследствии адаптированы для гражданского использования.

Инвестиционная политика обеспечивает и стимулирует капиталовложения в развитие производства и производственной инфраструктуры, формирование благоприятной среды. Государственные инвестиции главным образом осуществляются в рамках долгосрочных реальных, финансовых, интеллектуальных вложений для развития и обеспечения сбалансированности отдельных отраслей и секторов экономики.

Новая промышленная политика России неосуществима без соответствующего ресурсного обеспечения, причем в основном за счет внутренних источников. Высокие темпы экономического роста невозможны без наращивания инвестиций. Опыт не только индустриально развитых держав, но и ряда восточноевропейских стран свидетельствует о том, что определяющим фактором экономического роста и модернизации национальной экономики является целенаправленная государственная инвестиционная политика при ведущей роли средств консолидированного государственного бюджета. Обеспечение совершенной системы государственного контроля за использованием бюджетных средств может помочь снизить риск возникновения коррупции в этой сфере.

Более весомое финансовое обеспечение промышленной политики должна обеспечить российская кредитно-банковская система с учетом ее достаточной зрелости и устойчивости. В этих целях

стоит расширить долю кредитов на финансирование таких проектов в структуре кредитного портфеля системно значимых банков. Важна государственная поддержка роста капитализации российского фондового рынка, чтобы использовать недооцененный на сегодня механизм. Развитость альтернативных источников финансирования деятельности промышленных предприятий способствует росту деловой активности внутри страны, инвестиционной привлекательности для нерезидентов.

Особую роль в обеспечении развития промышленной инфраструктуры и технологического прогресса играют государственные корпорации: «Ростех», «Росатом», «Роскосмос». Организационно-правовая специфика корпораций дает ряд преимуществ: оперативность принятия решений, коммерческая гибкость, административный ресурс госорганов. К ним предъявляются минимальные требования в части раскрытия информации, они могут получать средства из федерального бюджета и по большей части подотчетны только Президенту РФ. Государственные корпорации, выступая гарантом стабильности проекта, обеспечивают возможность использования вхождения частного капитала в такие проекты; при этом на практике доля частных инициатив остается относительно невысокой [11].

Программно-целевое управление как наиболее современное в системе государственного управления

На государственный аппарат как на действенный инструмент реализации политико-управленческих решений власти возлагается ответственность по претворению в жизнь правовых и организационных основ хозяйственной жизни государства. Аппарат — система органов государства, а именно многоуровневая организованная структура профессиональных служащих, основной задачей которой является исполнение политической воли тех, кто принимает решения.

Структурно цели государственного управления делятся на:

- стратегические — долгосрочные, ресурсоемкие задачи, обеспечивающие будущее страны, ее целостность и конкурентоспособность;
- оперативные — среднесрочные, конкретизированные задачи, направленные на реализацию стратегических целей;
- тактические — краткосрочные, конкретные задачи, реализующиеся в рамках оперативных целей⁵.

⁵ Халиков М.И. Основы государственного и муниципального управления. Уч. пос. для абитуриентов по направлениям подготовки 38.03.04 и 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление». Уфа: РИО БАГСУ; 2019.

Распределение и перераспределение материально-финансовых ресурсов государственными органами, регулирование финансовых потоков в стране для достижения социально-экономического благополучия — главные задачи экономического блока Правительства РФ.

Бюджет гарантирует финансовое обеспечение целей и задач государства. Для каждого государства характерна собственная организация бюджетного устройства, определяемая типом государственного устройства, спецификой административно-территориального деления и историческими особенностями⁶. После бюджетной реформы 2004–2006 гг. лежащие в основе бюджетного планирования Российской Федерации программно-целевые принципы доказали свою состоятельность. Но первоначальная концепция постепенного сведения бюджетных статей к государственным программам укрупнением бюджетных статей с привязкой к организационной структуре органов исполнительной власти и увеличением полномочий ответственных исполнителей остается неизменной. Иными словами, после реформирования бюджетной системы наблюдается тенденция от управления ресурсами к управлению по результатам. Так, с 2014 г. поэтапно меняется структура федерального закона о федеральном бюджете, в том числе путем включения в состав федерального закона информации о целях и ожидаемых результатах реализации государственных программ. Еще в 2004 г. была утверждена Концепция реформирования бюджетного процесса в РФ на 2004–2006 гг., направленная в том числе и на внедрение в Российской Федерации принципов бюджетирования, ориентированного на результат. Однако несмотря на то, что внедрение программно-целевого бюджетного планирования повысило прозрачность государственных расходов, наблюдается недостаточно тщательное планирование государственных программ.

После бюджетной реформы произошел существенный сдвиг в парадигме государственного управления: от управления ресурсами к управлению по результатам⁷.

⁶ Бюджетная система Российской Федерации. Учебник. Долганова Ю.С., Истомина Н.А., ред. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2019.

⁷ Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Методическое пособие по разработке (коррекции) и организации реализации государственных программ. Учебно-методическое пособие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2014.

Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: цели, ход реализации, вызовы

В условиях глобальных вызовов, санкционных ограничений и необходимости модернизации экономики перед Правительством РФ поставлена задача активизировать развитие промышленного сектора, повысить его технологическую и конкурентную устойчивость. Ключевой механизм в государственном управлении сегодня — государственные программы, которые являются не только основой формирования бюджета, но и комплексом действий (не всегда финансовых), направленных на достижение приоритетов и целей государственной политики.

Согласно Федеральному закону от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в общей системе планово-прогнозных документов РФ комплекс государственных программ представлен как один из элементов основных направлений деятельности Правительства РФ (государственной программы вооружения, схемы территориального планирования РФ и планов деятельности ФОИВ и др.), но имеет ряд особенностей: целевой характер; конкретные количественные и качественные целевые показатели; в исполнении государственной программы круг ответственных исполнителей разграничен и определен.

Более того, на сегодняшний день государственные программы становятся основой планирования и формирования бюджета.

После проведенных в 2021 г. реформ в определении государственных программ появилась «взаимозвязка» с национальными целями развития страны, назначен куратор из числа заместителей Председателя Правительства РФ, а также утверждены управляющие советы, основной ролью которых является управление разработкой и реализацией госпрограммы [12].

Государственная программа РФ представляет собой документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий (результатов), взаимозвязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, а также инструментов государственной политики, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики по соответствующим направлениям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ⁸, в том

числе направленных на достижение национальных целей развития РФ, определенных Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и перспективу до 2036 года»⁹.

Государственные программы могут корректироваться, дополняться с учетом текущих вызовов. В настоящее время действует 51 госпрограмма, сгруппированная по восьми направлениям: «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», «Возможности для самореализации и развития талантов», «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», «Развитие науки, промышленности и технологий», «Цифровая трансформация», «Сбалансированное региональное развитие», «Обеспечение национальной безопасности и международного сотрудничества»¹⁰.

В государственное программирование вовлечены следующие типы субъектов: ответственный исполнитель, соисполнитель и участник. В рамках реализации национальных приоритетов в промышленности, направленных на модернизацию производственного сектора, внедрение инновационных технологий, повышение экспортного потенциала, развитие отдельных отраслей промышленности были приняты несколько программ: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие авиационной промышленности», «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», ответственным исполнителем в которых выступает Министерство промышленности и торговли РФ.

Меры реализации включают широкий спектр механизмов государственной поддержки:

- субсидии, гранты и налоговые льготы;
- создание технопарков, инновационных кластеров и индустриальных зон;
- развитие цифровой инфраструктуры, автоматизации и роботизации производств;
- внедрение системы государственных заказов и поддержки экспортных инициатив;
- развитие системы профессиональных стандартов и сертификации для повышения доверия к отечественной продукции.

⁸ Заключение Счетной палаты Российской Федерации от 12.10.2024 № ЗСП-138/24 на проект Федерального закона № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/411626485>

⁹ Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400820533/>

¹⁰ Сайт госпрограмм. URL: <https://programs.economy.gov.ru/programs>

Стимулирующие развитие меры разработаны для транспортного и специального машиностроения, материальной и производственной базы промышленности, потребительских товаров, беспилотных авиационных систем, фармацевтической и медицинской промышленности. Государство поддерживает научные исследования, внедрение новых технологий, сотрудничество между университетами, научно-исследовательскими институтами и промышленными предприятиями. В рамках программы реализуются проекты по созданию инновационных центров, технопарков и технополисов, что способствует ускорению коммерциализации научных разработок.

Ключевым из перечня государственных программ в сфере промышленности является проект «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденный постановлением Правительства РФ¹¹, решающий общие отраслевые задачи по развитию промышленного потенциала, созданию системных долгосрочных стимулов для повышения конкурентоспособности российских промышленных компаний на внутреннем и мировом рынках. В тексте Постановления указано, что программа описывает систему мер промышленной политики для гражданских отраслей с низким уровнем участия государства в капитале организаций промышленности. Отмечается, что замедление темпов роста российской промышленности носит структурный характер и обусловлено неравномерным развитием рынков и организаций промышленности. Соответственно, меры государственного стимулирования должны быть селективными в отношении различных отраслей.

Инновационный путь развития сопряжен с необходимостью глубокой трансформации промышленности РФ. В связи с этим наноиндустрия и информационные технологии должны стать основой модернизации и построения постиндустриальной экономики.

Несмотря на то, что государственные программы разрабатываются и как развивающий и поддерживающий экономику инструмент и постоянно совершенствуются, экспертами уже выявлен ряд системных проблем: сложности в доступе к финансированию и недостаточная координация между участниками программного процесса. В научном сообществе уже исследуется результативность вы-

полнения госпрограмм. Исследователи связывают неудовлетворительные результаты реализации с недостаточной разработанностью, что фактически «запрограммировано» в паспортах самих программ, и приводят убедительные доводы. Эффективность реализации программ оценивается на основании достижения плановых значений индикаторов при мониторинге реализации, что не способствует достижению изначально заданных целей. Проводится анализ соответствия между целевыми показателями и фактическими результатами, выработаны предложения по совершенствованию качественных и количественных показателей выполнения программ в области промышленности. Также выявлен ряд ограничений при разработке и реализации государственных программ: организационно-функциональные, нормативные, культурные; обнаружено наличие институциональной ловушки, для преодоления которой требуется ряд методологических и организационных преобразований в системе государственного управления в Российской Федерации [13]. В связи с указанными проблемами в государственном программировании возникает необходимость усиления межведомственного взаимодействия и создания единой платформы для координации усилий, расширения поддержки инновационных стартапов и малых предприятий, использования достижений в области искусственного интеллекта.

ВЫВОДЫ

В последнее время отношения между Россией и странами Запада весьма напряженные, особенно с началом специальной военной операции (СВО). Несмотря на резкое обострение отношений, межгосударственная коммуникация по дипломатическим каналам не прерывается, участие Российской Федерации в международных организациях сокращается, но сохраняется. Кризис в мировой политике также не добавляет добрососедства: изоляция одних стран, повсеместные меры санкционного давления, развертывание торговых войн, обострение военных конфликтов применяются одновременно с институциональными механизмами МВФ, ВТО, Всемирного банка в интересах других государств.

Перечисленные факторы отражаются в основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации. Перед государством стоит задача по обеспечению развития экономики в условиях внешнего санкционного давления, адаптации экономики к текущим вызовам, обеспечению макроэкономической стабильности. Для решения этих задач разрабатываются и утверждаются документы

¹¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: <https://base.garant.ru/70643464/>

о стратегическом планировании, пересматривается приоритетность отраслей, перестраивается структура бюджетных расходов, ограничивается свобода информации.

Концептуально промышленную сферу экономики можно разделить на гражданскую и оборонную в силу исторически сложившихся организационно-структурных различий. При этом цели государственной политики в промышленной сфере следующие:

- в оборонной — создание перспективных образцов вооружения и военной техники, способных отвечать современным угрозам, и их серийное производство;
- в гражданской — стимулирование производства конкурентоспособных отечественных товаров, которые пользуются спросом на внешнем и внутреннем рынках.

При государственном управлении гражданской промышленностью преобладающее значение имеет осуществление общесистемной политики, направленной на разработку мер для развития реального сектора экономики в целом, а для управления оборонно-промышленным комплексом характерна селективная промышленная политика, направленная на избирательное воздействие на субъекты экономической деятельности.

За реализацию промышленной политики в РФ отвечает Министерство промышленности и торговли как ведомство, проводящее государственную политику и осуществляющее управление в промышленной сфере, а также координирующее деятельность в этой сфере иных ФОИВ. Критерии оценки государственной промышленной политики носят многомерный характер, обусловленный всеми аспектами государственной политики: безопасностью, устойчивостью, гуманистичностью государства. Основные направления отраслевой политики, осуществляемой в рамках деятельности федеральных органов государственной власти на макроуровне, включают: структурную политику, инновационную политику, инвестиционную политику.

В контексте структуры современная эффективная промышленная политика подразумевает диалог между равноправными участниками разработки и реализации промышленной политики — государством, бизнесом, научными и общественными организациями. Немаловажным фактором реализации промышленной политики является дальнейшее осуществление концепции открытости во взаимодействии Минпромторга РФ с референтными группами. Тесная работа с промышленными предприятиями, иными ФОИВ, профильными органами

исполнительной власти субъектов РФ, отраслевыми ассоциациями, профсоюзами — важное направление деятельности как Минпромторга, так и других федеральных отраслевых органов исполнительной власти.

ОПК традиционно является одним из ведущих источников инноваций и технологического прогресса. Государство субсидирует научные исследования и разработки, стартапы и инновационные предприятия. Это способствует развитию новых производств, повышению конкурентоспособности национальной экономики. Таким образом, осуществляется трансфер инновационных технологий и научных разработок из оборонно-промышленного комплекса в гражданские сектора.

С точки зрения инвестиционной политики важно более весомое финансовое обеспечение промышленной политики российской кредитно-банковской системой. Важна государственная поддержка роста капитализации российского фондового рынка, чтобы использовать недооцененный на сегодняшний день механизм. Особую роль в обеспечении развития промышленной инфраструктуры и технологического прогресса играют государственные корпорации, такие как «Ростех», «Росатом», «Роскосмос».

Бюджет занимает центральное положение в финансовой системе страны. После бюджетной реформы произошел существенный сдвиг в парадигме государственного управления: от управления ресурсами к управлению по результатам. Ключевой механизм в государственном управлении сегодня — государственные программы, которые являются не только основой формирования бюджета, но и комплексом действий (не всегда финансовых), направленных на достижение приоритетов и целей государственной политики.

В рамках реализации национальных приоритетов в промышленности, направленных на модернизацию производственного сектора, внедрение инновационных технологий, повышение экспортного потенциала, развитие отдельных отраслей промышленности, были приняты несколько программ: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие авиационной промышленности», «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности». Меры стимулирования развития касаются таких секторов производства, как транспортное и специальное машиностроение, материальная и производственная база промышленности, потребительские товары, беспилотные авиационные системы, фармацевтическая и медицинская промышленность.

Несмотря на совершенствование механизмов государственных программ, имеют место системные проблемы: сложности в доступе к финансированию и недостаточная координация между участниками программного процесса. В связи с указанными проблемами в государственном программирова-

нии возникает необходимость усиления межведомственного взаимодействия и создания единой платформы для координации усилий, расширения поддержки инновационных стартапов и малых предприятий, использования достижений в области искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Халиюлина И.Н. Вступление России в ВТО: проблемы и перспективы. *Научные записки молодых исследователей*. 2021;(5):5-15. URL: <https://elibrary.ru/kwtrvx>
2. Махненко С.И., Брауэр И.Е. Проблемы вступления России в ВТО. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021;6-2(76):89-91. URL: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-6-2-89-91>
3. Делегеоз Е.Г. Взаимодействие России и ВТО в условиях международно-правовых и экономических санкций: историко-правовой аспект. *Юридическая наука*. 2023;(11):262-265. URL: <https://elibrary.ru/mklnep>
4. Дубинкина К.А. Особенности взаимодействия Международного валютного фонда и Российской Федерации. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;4:419-424. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.4.518858>
5. Клунко Н.С., Егорова Л.В. Промышленная трансформация России на фоне Специальной военной операции: санкции и параллельный импорт. *Интерактивная наука*. 2023;(79):72-77. URL: <https://elibrary.ru/fqeuvt>
6. Тарасов А.Г. Деглобализация: новая тенденция или новое название? *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2024;(3):58-68. URL: <https://elibrary.ru/lxkxhb>
7. Каплин С.Ю. Государственная корпорация как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет; 2011. URL: <https://elibrary.ru/qffiy1>
8. Мечикова М.Н. Институционально-экономический механизм реализации промышленной политики в современной России: структурно-уровневый подход. *Экономика промышленности*. 2011;1:29-37. URL: <https://www.elibrary.ru/qhkmtf>
9. Халимбекова Б.Н. Основные направления формирования и реализации государственной промышленной политики в современных условиях. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2009;18(1):64-75. URL: <https://www.elibrary.ru/kvleux10>
10. Мозиас П.М. Промышленная политика Китая: на перекрестке мнений. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*. 2024;(4):92-129. URL: <https://doi.org/10.31249/rva/2024.04.06>
11. Терентьев В.А. Реализация крупных инфраструктурных проектов России при помощи государственных корпораций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):112-119. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-112-119>
12. Братарчук Т.В., Филиппович О.Н. Реализация государственных программ в регионах Российской Федерации. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2022. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=438439>
13. Братченко С.А. К вопросу об управлении государственными программами (на примере государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»). *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021;(3):88-108. URL: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_88_108

REFERENCES

1. Halijulina I.N. Russia's Accession to the World Trade Organization: Problems and Prospects. *Scientific Notes of Young Scientists*. 2021;(5):5-15. URL: <https://elibrary.ru/kwtrvx> (In Russ.).
2. Mahnenko S.I., Brauer I.E. Problems of Russia's accession to the WTO. *Journal of Economy and Business*. 2021;6-2(76):89-91. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-6-2-89-91>
3. Delegeoz E.G. Interaction between Russia and the WTO in the conditions of international legal and economic sanctions: Historical and legal aspect. *Legal Science*. 2023;(11):262-265. URL: <https://elibrary.ru/mklnep> (In Russ.).
4. Dubinkina K.A. Features of interaction between the International Monetary Fund and the Russian Federation. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2022;4:419-424. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.4.518858>
5. Klunko N.S., Egorova L.V. Russia's Industrial Transformation Amid the Special Military Operation: Sanctions and parallel import. *Interactive Science*. 2023;(79):72-77. URL: <https://elibrary.ru/fqeuvt> (In Russ.).

6. Tarasov, A.G. Cooperation of the GCC countries with Asian partners in the field of renewable energy. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2024;(3):58-68. URL: <https://elibrary.ru/lxkkhb> (In Russ.).
7. Kaplin S. Yu. State corporation as a legal entity: Cand. Leg. Sci. diss. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University; 2011. URL: <https://elibrary.ru/qffiy1> (In Russ.).
8. Mechikova M.N. The institutional and economic mechanism of industrial policy implementation in modern Russia: A structural-level approach. *Industrial Economics*. 2011;1:29-37. URL: <https://www.elibrary.ru/qhkmtpt>
9. Halimbekova B.N. The main directions of formation and implementation of the state industrial policy in modern conditions. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2009;18(1):64-75. URL: <https://www.elibrary.ru/kvleux>
10. Mozias P.M. The Chinese industrial policy debate. *The Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign literature. Series 9, Oriental and African Studies*. 2024;(4):92-129. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/rva/2024.04.06>
11. Terent'ev V.A. Implementation of large infrastructure projects in Russia with the help of state corporations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):112-119. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-112-119>
12. Bratarchuk T. V., Filippovich O.N. Implementation of state programs in the regions of the Russian Federation. Moscow: Publishing and Trading Corporation Dashkov & Co., 2022. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=438439> (In Russ.).
13. Bratchenko S.A. On the issue of the administration of state programs (on the example of the state program "Development of industry and increasing its competitiveness"). *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(3):88-108. (In Russ.). URL: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_88_108

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Айдар Ильгамович Бикбулатов — аспирант кафедры государственного управления и политических технологий, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Aidar I. Bikbulatov — PhD student at the Department of Public Administration and Political Technologies, Institute of Public Administration and Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0003-6953-932X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
s136320@guu.ru; bik-aidar-max770@mail.ru

Олег Анатольевич Судоргин — доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Oleg A. Sudorgin — Dr. Sci. (Political), Prof. of the Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-7670-7238>
oa_sudorgin@guu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.11.2025; после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 25.11.2025; revised on 16.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-132-141
УДК 81'23:378.147(045)

Эволюция парадигмы «язык – мышление» как теоретический фундамент новой модели профессионально ориентированного языкового образования

М.В. Мельничук, Е.А. Стародубцева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию современной трансформации теоретических представлений о соотношении языка и мышления как методологического фундамента для обновления профессионально ориентированного языкового образования в вузе. В контексте когнитивного и цифрового поворотов в науке классические парадигмы (от гипотезы лингвистической относительности до деятельностного подхода) пересматриваются, что требует нового осмысления роли языка в формировании профессионального сознания и компетенций. В работе раскрывается эволюция ключевых теорий, подчеркивающих динамическое со-конструирование реальности в речевой деятельности. Особое внимание уделено практическому значению этой теоретической трансформации для образовательной инженерии, включая проектирование учебных курсов, основанных на моделировании профессиональных дискурсов, и внедрение заданий, направленных на концептуализацию профессионального опыта средствами иностранного языка. Переосмысление базовых отношений «язык – мышление» позволяет не просто адаптировать, а принципиально реконструировать систему языковой подготовки специалистов, делая ее агентом развития целостного профессионального мышления в условиях цифровой реальности. **Ключевые слова:** язык; языковые структуры; мышление; когнитивные процессы; профессионально ориентированное языковое образование

Для цитирования: Мельничук М.В., Стародубцева Е.А. Эволюция парадигмы «язык – мышление» как теоретический фундамент новой модели профессионально ориентированного языкового образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):132-141. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-132-141

ORIGINAL PAPER

Evolution of the “Language-Thought” Paradigm as the Theoretical Foundation for a New Model of Professionally Oriented Language Education

M.V. Melnichuk, E.A. Starodubtseva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article explores the contemporary transformation of theoretical views on the relationship between language and thought as a methodological foundation for updating professionally oriented language education at the university level. Within the context of the cognitive and digital turns in science, classical paradigms (from the linguistic relativity hypothesis to the activity-based approach) are being reconsidered, necessitating a fresh understanding of language's role in shaping professional consciousness and competencies. The work examines the evolution of key theories, highlighting the dynamic co-construction of reality in speech activity. Particular attention is paid to the practical significance of this theoretical transformation for educational engineering, including the design of course curricula based on the modelling of professional discourses and the implementation of tasks aimed at conceptualizing professional experience through a foreign language. Revisiting the fundamental “language-thought” relationship enables not merely an adaptation, but a fundamental reconstruction of the system for training specialists' language skills, transforming it into an agent for developing holistic professional thinking in the context of digital reality.

Keywords: language; linguistic structures; thinking; cognitive processes; professionally oriented language education

For citation: Melnichuk M.V., Starodubtseva E.A. Evolution of the “language-thought” paradigm as the theoretical foundation for a new model of professionally oriented language education. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):132-141. DOI:10.26794/2226-7867-2026-16-2-132-141

© Мельничук М.В., Стародубцева Е.А., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Язык и мышление тесно связаны и играют важную роль в том, как мы воспринимаем мир и выражаем мысли. Эта взаимосвязь является предметом изучения целого ряда наук, включая философию, лингвистику и психологию. Анализ взаимосвязей между языковыми структурами и когнитивными процессами выявил сложные механизмы их взаимодействия и взаимовлияния.

В современную эпоху глобализации и цифровой революции значимость изучения этой взаимосвязи возрастает многократно, особенно в условиях культурного и информационного разнообразия, которые стимулируют углубленное исследование лингвистических и когнитивных процессов.

Вопросы возникновения, функционирования, взаимозависимости и соотносительности мышления индивидуума и его языкового проявления во всех сферах человеческой жизни в той или иной степени представляли собой значительную часть философского самоосмысления в общественной жизни и цивилизационном развитии. Понимание мышления как наиболее развитой формы отображения человеком окружающего мира постулирует процессы его проявления в различных формах, которые сложным образом взаимодействуют друг с другом.

В зависимости от вида конкретного проявления мыслительного процесса, а именно: практического, подразумевающего активно-деятельный характер, или образного, характеризующегося наглядными методами, или, собственно, речевого, несущего логическую и словесную нагрузку, — обнаруживается значительная разница при обобщенном восприятии объективной действительности, ее явлений, предметов и их взаимосвязанных отношений.

Проблема роли языка в этом процессе, в различных формах его осуществления, является темой философских рассуждений с самых ранних времен возникновения человечества, и решения ее предлагались различные, иногда диаметрально противоположные, в зависимости от уровня развития науки, той или иной мировоззренческой парадигмы или основополагающей философской концептуальной установки.

Проблема, сложно разрешимая сама по себе, значительным образом затрудняет поиск решения тем обстоятельством, что взаимная зависимость и влияние друг на друга мышления и языка не являются неизменными в ходе цивилизационного развития. На разных этапах становления человеческого общества функционирование языка и его

воздействие на мышление в ходе этого функционирования существенно изменялись.

Проводя условную линию на умозрительном графике возрастания влияния языкового феномена, можно обнаружить его экспоненциальный рост — от ограниченного первоначально средства общения в актуальной жизнедеятельности социума до все более весомого включения в сам процесс мышления, вплоть до последующего стимулирующего влияния на его развитие и совершенствование.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XIX ВЕКА

Начиная с самых древних и примитивных воззрений на мышление как на автономный и независимый от языка род деятельности и, соответственно, на язык как самостоятельное средство для выражения мыслей, многие ученые пытались найти закономерности, по которым это средство, то есть язык, делает доступным внешнему миру сугубо индивидуальный, внутренний, психологически обусловленный процесс выработки индивидуумом мысли.

Античные философы, такие как Платон и Аристотель, заложили основы для изучения взаимосвязи языка и мышления, предложив первые концепции, которые впоследствии развивались в философии, лингвистике и когнитивной науке. Платон в диалоге «Кратил» поднял вопрос о природе языка и его связи с реальностью, рассматривая язык как инструмент выражения мыслей и идей. Аристотель за полтысячелетия до нашей эры полагал, что речь необходима человеку лишь для выражения уже возникшей у него мысли. Эти ранние представления стали фундаментом для дальнейших дискуссий о соотношении языка, мышления и действительности.

Теория лектона стоиков, введшая понятие смыслового содержания высказывания (лектон), предвосхитила современные идеи о ментальных репрезентациях, подчеркивая, что мышление и язык связаны через смысловые структуры, которые могут быть выражены различными способами. Эпикур, рассматривая язык как продукт естественных потребностей человека, заложил основы для изучения языка как социального и когнитивного феномена, акцентируя внимание на его роли в отражении восприятия мира.

Античные идеи стали отправной точкой для развития таких направлений, как философия языка

(работы Л. Витгенштейна), лингвистика (гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа) и когнитивная наука (исследования о роли языка в формировании мышления). Эти направления продолжают развивать и углублять понимание взаимосвязи языка и мышления, опираясь на фундаментальные принципы, сформулированные еще в античности.

Тем самым античные авторы заложили теоретический фундамент для изучения взаимодействия языка и мышления, предложив первые концепции, которые остаются актуальными и служат основой для новых исследований в лингвистике, философии и когнитивной науке. Их идеи не только сохраняют свою значимость, но и продолжают вдохновлять ученых на поиск новых подходов к пониманию сложных механизмов взаимовлияния языка и мышления.

Рационалисты XVII в. нашей эры, считая человека существом преимущественно рациональным, то есть мыслящим, считали само возникновение языка обусловленным потребностью выражения предварительно сформированных идей. Отметим, что кажущаяся очевидность этого взгляда до настоящего времени владеет умами некоторых исследователей и ведет их к защите теории обусловленности языка законами логического мышления. Тем более что факт получения логическими категориями своего внешнего выражения в языке достаточно изучен и подтвержден. Учеными установлено, что для передачи логических конструктов в языке используются соответствующие грамматические построения.

Для полноты картины необходимо отметить и существование довольно экзотического принципиального положения антиментализма, из которого выводится базис бихевиоризма.

Принципиально новым, поворотным моментом в поиске этой закономерности стало постулирование в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом теории о неразрывной связи языка и мышления, их принципиальной неразрывности, полной диалектической взаимообусловленности. Одна из сложных задач, с которыми сталкиваются философы, — это необходимость перехода от мира идей к реальному миру. Язык является непосредственным отражением мыслей. Аналогично тому, как философы придали идеям самостоятельное существование, они вынуждены были сделать язык самостоятельной сферой. Проблема перехода от мира мыслей к реальному миру становится проблемой перехода от языка к жизни [1].

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ

Прорывом в философском осмыслении проблемы взаимосоотнесенности мышления и языка стало утверждение о принципиальной невозможности полноценного мышления без языка, так же как нельзя представить себе функционирование языка вне мышления. Надо отметить, что имманентное единение языка и мышления подтверждается учеными нашего времени, использующими достижения различных наук последнего столетия. Ф. Соссюр, в частности, предлагал образ листа бумаги при иллюстрации отношения мышления и языка [2]. Если мысль уподоблять одной из сторон листа бумаги, то ее языковое воплощение — другая сторона этого листа. Соответственно, если разрезать этот умозрительный лист с одной из сторон, неминуемо будет разрезана и его оборотная сторона. В этом смысле дополняются утверждения о зависимости грамматики языка от логических категорий. Логическое содержание, соединяемое с его грамматическим выражением, образует в языке не обособленные, а совместно выступающие логико-грамматические категории, устанавливающие грамматическую форму как в морфологических, так и в других конструкциях предложения. Выступающие в языке категории мышления и грамматики, представленные членами предложения, объединяются связующими их грамматическими формами.

Неразрывными являются также интериндивидуальная и интраиндивидуальная функции языка. При теоретической возможности использования второй (внутрииндивидуальной) функции языка, при исключении функционирования первой, не удастся сколь-нибудь значительный временной период индивидуально мыслить на мертвом языке, то есть переставшем быть средством межиндивидуального общения.

Не являясь лингвистами в узкоспециальном значении, К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах определили общее направление в решении проблемы взаимозависимости языка и мышления. Сама эта проблема интересовала их только как часть теории социального развития и встраивалась в концепцию классовой борьбы как двигателя этого развития. Собственно лингвистическую теорию с опорой на марксизм разрабатывал их идейный последователь Жан-Жак Лесеркль [3], который предпринял синтез и переработку идей К. Маркса и Ф. Энгельса, а также теоретически близких им

В.Н. Волошинова [4], Ж. Делеза [5] и Ф. Гваттари [6], являющихся представителями течения постмарксизма.

В научной традиции сложились два принципиально различных взгляда на природу языка. Один из них, который можно условно обозначить как психоцентристский, видит истоки речевой деятельности в глубинах индивидуальной психики. Сторонники этой позиции утверждают, что любое высказывание — это прежде всего личностный, творческий акт, неповторимый продукт работы сознания отдельного человека. Устойчивые языковые конструкции, будь то звуковые формы, грамматические правила или словарный состав, трактуются в данном ключе лишь как окаменевшие, застывшие следы этой бесконечно текучей стихии индивидуальной речи. Задача исследователя, следовательно, состоит в том, чтобы проникнуть в психофизиологические механизмы, управляющие порождением речи, и найти законы языка именно там.

Другой взгляд, прямо противоположный первому, делает акцент на надличностной, социальной природе языкового феномена. С этой точки зрения язык предстает не как порождение индивида, а как объективная, самодостаточная система, существующая вне и помимо воли отдельного говорящего. Эта система составлена из строгих, неизменных элементов и отношений между ними, которые и образуют норму для всех членов определенного языкового коллектива. Именно жесткая инвариантность системы, ее устойчивость и гарантирует взаимопонимание между людьми. Соответственно, фокус лингвистической науки должен быть направлен на изучение социального аспекта, на анализ языка как коллективного достояния и социального института.

Эти две тенденции, метафорически группируя все многообразие языковых явлений вокруг двух полюсов: внутреннего, субъективного, и внешнего, социального, создают напряженное концептуальное поле. Если для первой традиции язык подобен вечному, изменчивому потоку, в котором невозможно дважды войти в одну и ту же воду, то для второй он — статичная и четко очерченная структура, неподвижная дуга, застывшая над этим бурным потоком индивидуальных речевых актов.

Становится очевидным, что полноценное теоретическое осмысление языка невозможно без учета обеих этих перспектив. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, современная лингвистика до сих пор не смогла предложить удовлетворительной теоретической модели, ко-

торая бы органично синтезировала социальное и психобиологическое измерения языка. Фактическим свидетельством этого концептуального разрыва является параллельное и зачастую изолированное развитие целых научных направлений: с одной стороны, психолингвистики и нейролингвистики, изучающих язык как функцию мозга и психики, а с другой — социоллингвистики и социологии языка, исследующих его как социальный феномен.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: ОТ НЕОГУМАНИЗМА ДО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Параллельно с этим, по мере совершенствования исследовательских методик в гуманитарных науках, постепенно кристаллизовалась и другая мощная идея. Язык стал все чаще рассматриваться не просто как инструмент коммуникации или социальный институт, но как фундаментальное основание, базисная структура, которая во многом предопределяет и формирует само человеческое мышление. Этот взгляд, поднимающий язык на новый уровень значимости, открывает принципиально иные горизонты для понимания его роли в когнитивных процессах и профессиональной деятельности.

Его зарождение в Германии в начале XVIII в. связано с именами таких представителей неогуманизма в области лингвистики, как Иоганн Готфрид Гердер [7] и Вильгельм фон Гумбольдт¹. Уже в наше время, основываясь на идее Гердера и Гумбольдта, Сепир [8, 9] и его ученик Бенджамин Ли Уорф [10] изложили свои взгляды на взаимосвязь между языком и мышлением — знаменитую гипотезу Сепира — Уорфа. Гипотеза Сепира — Уорфа воплощает лингвистический детерминизм (язык определяет мышление) и лингвистическую относительность (структурному разнообразию языков нет предела) [11].

Э. Сепир начал изучать влияние языка на мышление, используя научную базу антропологии и культурной лингвистики. В своей основополагающей работе «Language: An Introduction to the Study of Speech» [12] он рассматривал влияние языка на процессы, происходящие в культуре и общественном сознании, а также способы менталь-

¹ Гумбольдт В., фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное различие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. Уч. пос. Москва: Либроком; 2013. 376 с.

ной обработки реальности и ее интерпретации. Проведенный им комплексный анализ языкового воздействия на культурные явления позволил выдвинуть мысль о том, что язык используется не только как средство коммуникации, но служит при этом элементом системы самоидентификации членов, принадлежащих определенной культуре. Эта соотнесенность с общественно-культурной матрицей посредством языка приводит к согласованию представлений о жизни, групповых и личностных ценностях, способах и методах общественного взаимодействия. Воздействие языка Э. Сепира уподоблял эффекту линзы, которая выпукло показывает внимание и сосредоточенность сознания на различных аспектах окружающего мира. Так, например, повышенная частота употребления лексических единиц, обозначающих состояние погодных явлений или пейзажа, говорит о повышенной роли этих природных феноменов в жизни общества или их злободневности в конкретных исторических условиях. Изложенные Э. Сепиром идеи стали основой культурной лингвистики и ее связи с антропологией.

Американский специалист по лингвистике Бенджамин Уорф прославился своими углубленными разработками, позволяющими оценить влияние языка на мышление. В своих работах Б. Уорф предложил теорию о том, что структура языка может определять способы восприятия и категоризации окружающей действительности [13]. Это значит, что средства языка не только отражают процесс мышления, но активно формируют особые когнитивные схемы и алгоритмы образования категорий при восприятии реальности и способы организации и интерпретации жизненного опыта. Подтверждая, что различные языковые конструкции, такие как грамматические структуры, синтаксические правила и лексические категории, непосредственно влияют на мышление человека, он обратил внимание на различия в выражении временных понятий в языках разных народов и описал влияние этих различий на способы организации временного ряда и последовательности прохождения событий.

Большой вклад в развитие теории культурного развития, исследования языка и речи, становление такого научного направления, как семиотика, внес советский ученый Ю. Лотман. На примерах, взятых из знаковых для различных культур художественных произведений, он прослеживал взаимосвязанность языковых и мыслительных процессов. В его работе «Структура художественного текста» [14]

был предложен новый, инновационный научный подход к исследованию художественного текста. Фокусируясь на структуре и семантике художественного текста, Лотман доказывал, что творческое произведение не только отражает культурные и лингвистические особенности своего народа, но и активно формирует представления и значения внутри культурного контекста.

Использование в речи метафор и их влияние на восприятие мира изучал также американский когнитивный лингвист Д. Лакофф. Совместно с М. Джонсоном в книге «Metaphors We Live By» [15] он представил результаты изучения феномена метафор и их значимости в структурировании мыслительных процессов, доказывая, что метафоры не являются просто литературным украшением или стилистическим приемом. Метафорические концепты проникают во все сферы нашей жизни и служат основой для конструирования, формирования когнитивных рамок при моделировании реальности. Используя обширный материал метафорического мышления в различных контекстах — от повседневной речи до научных текстов, — ученые доказывают, что метафоры активно пронизывают различные аспекты нашей жизни, создавая предпосылки для представления людей о времени, пространстве, обществе, а также о самих себе.

Таким образом, уже после принципиально новаторской теории Сепира и Уорфа многие лингвисты и психологи также посвятили себя изучению взаимосвязи между языком и мышлением. Благодаря их усилиям была доказана несостоятельность гипотезы Сепира — Уорфа о «сильном» детерминизме и лингвистической относительности. Помимо уже ранее упомянутых в настоящей работе, необходимо учесть такие разработки, как категоризация Элеоноры Рош в когнитивной лингвистике [16], переводимость Жоржа Мунэна [17, 18], теория маркированности Гринберга [19], кодируемость Ч.Ф. Хоккета [20], а также исследования Берлина [21] и Кея [22, 23] о памяти людей и их реакции на основные цвета — все они опровергают теорию Сепира — Уорфа в ее экстремальном варианте.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ

На сегодняшний день в научной среде отчасти достигнут консенсус о взглядах на язык, его роль в мыслительном процессе, его влияние и зависимость от мышления и даже от различных стилей мышления. Он заключается в том, что язык рас-

смачивается не только как средство передачи информации с использованием определенных лексических единиц, объединенных грамматическими правилами. Наряду с этой функцией язык проявляет культурные особенности участников процесса коммуникации, стиль их мышления, что, в свою очередь, оказывает влияние на способы восприятия и анализа окружающей действительности. Формируясь в конкретной культурно-исторической среде и будучи зависимым от неповторимой индивидуальности носителей, язык в процессе своего функционирования определяет подход к восприятию и анализу информации. С течением времени меняется и личный жизненный опыт, что также кардинальным образом влияет на способ и стиль мышления и определяет, как мы взаимодействуем с окружающим миром, принимаем решения и решаем проблемы.

Эту связь прежде всего устанавливают, применяя методы лингвистического анализа. Используя в исследовании речевые фрагменты, содержащие конкретный лексический материал и грамматические конструкты, а также структурный строй фрагментов различных текстов, возможно выявить особенности мышления при составлении этих фрагментов и даже специфических черт, характеризующих восприятие информации об окружающем мире.

Язык и мышление тесно связаны между собой: они формируют то, как мы обрабатываем информацию, общаемся и понимаем мир. Последние исследования в области когнитивной науки, нейронауки и лингвистики углубили наше понимание этой взаимосвязи, показав, как язык влияет на когницию, а когнитивные процессы, в свою очередь, лежат в основе языкового поведения.

Современная наука о взаимосвязи языка и мышления переживает период переосмысления классических парадигм. Последние исследования 2021–2025 гг., использующие инновационные методы нейровизуализации и кросс-культурные сравнения, демонстрируют сложную, нелинейную природу этой взаимосвязи, которая не укладывается в традиционные дихотомии лингвистического релятивизма и универсализма.

Статья, опубликованная в *Nature Communications* [22], описывает исследование, которое показало, что языковая сеть мозга реагирует схожим образом на естественные языки (например, английский) и искусственные (например, эсперанто), что говорит о высокой гибкости нейронной архитектуры, отвечающей за обработку языка.

Эта гибкость позволяет человеку адаптироваться к самым разнообразным языковым системам, но при этом порождает вопросы о том, как языковые особенности влияют на когнитивные процессы.

Исследование, опубликованное в журнале *Brain and Language* в начале 2026 г. [23], показало, что структура предложений обрабатывается по-разному в зависимости от языка. С помощью нейровизуализации ученые обнаружили, что носители нидерландского языка иначе обрабатывают синтаксис, чем предполагалось ранее. Это ставит под сомнение универсальные теории обработки языка и указывает на влияние лингвистического разнообразия на когнитивные стратегии.

Нейролингвистические исследования последних лет существенно продвинули наше понимание раннего взаимодействия языковых и когнитивных процессов. Работа Piazza и коллег [24], использующая метод fNIRS, выявила удивительный феномен нейронной синхронизации между младенцами и взрослыми уже на самых ранних этапах коммуникативного взаимодействия. Эти данные свидетельствуют о существовании врожденных механизмов, связывающих языковое восприятие с социальным познанием.

Теоретические разработки последних лет, представленные в том числе в сборнике «Язык и действительность — 2024» [25], развивают концепцию языка как активного инструмента конструирования реальности. Современные исследователи все чаще рассматривают язык не как пассивное отражение когнитивных процессов, а как динамическую систему, участвующую в формировании наших представлений о мире через дискурсивные практики и социальные взаимодействия.

Критический анализ современных данных, включая новые кросс-культурные исследования, позволяет говорить о формировании новой парадигмы в изучении языка и мышления. Уходит в прошлое противопоставление крайнего лингвистического релятивизма и универсализма — современные исследования, такие как работы Юю Хинцена [26], З. Гу [27] и др., показывают, что языковые структуры действительно модулируют мышление, но делают это сложным, опосредованным образом, во взаимодействии с другими когнитивными системами.

Они анализируют механизмы влияния языковых структур на человеческое мышление через призму ключевых теоретических парадигм — от классической гипотезы лингвистической относительности до теории универсальной грамматики

и современных социокультурных подходов. Представленные эмпирические данные, полученные в ходе изучения особенностей восприятия и когнитивных процессов у билингвов, позволяют выделить как универсальные, общие для всех носителей языка паттерны мышления, так и специфические, культурно обусловленные формы познания.

ВЫВОДЫ

Результаты исследований имеют значительные практические следствия: они указывают на необходимость изменений образовательных методик, задают новые направления в разработке систем искусственного интеллекта и предлагают принципиально иные подходы к межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется этическим проблемам, возникающим в контексте стремительной цифровизации языкового пространства и использования языка в виртуальных средах.

Работы выполняют интегрирующую функцию, создавая междисциплинарные мосты между лингвистикой, когнитивной наукой, методикой обучения иностранным языкам и сферой цифровых технологий. Центральная идея исследования заключается в утверждении фундаментальной, конституирующей роли языка не только как средства общения, но и как активной силы, формирующей структуру мысли и определяющей характер глобального взаимодействия в современном мире.

Современный этап исследований языка и мышления характеризуется переходом к более сложным, интегративным моделям, учитывающим как лингвистические, так и внеязыковые факторы когнитивных процессов. Перспективными направлениями дальнейших исследований видятся изучение нейропластичности в условиях мультиязычия, расширение кросс-культурных сравнений за пределы WEIRD-популяций (традиционных, незападных, с иной экономикой), а также углубленная интеграция лингвистических и нейрокогнитивных методологий для изучения воплощенного познания (*embodied cognition*). Эти направления обещают не только углубить наше понимание связи языка и мышления, но и пересмотреть сами основания когнитивной науки и, как следствие, методики обучения.

Данные о многомерной и опосредованной взаимосвязи языковых и мыслительных процессов кардинальным образом влияют на принципы построения профессионально ориентированного языкового обучения. Сложившаяся практика, зачастую ограниченная введением специальной терминологии

и тренировкой грамматических конструкций, не соответствует актуальному представлению о языке как активном участнике формирования профессионального сознания и деятельности. Необходим пересмотр образовательной парадигмы: в центре внимания оказывается уже не просто освоение лингвистических средств, относящихся к той или иной специальности, а полноценное погружение в профессиональную среду посредством языка.

Теоретической основой подобного преобразования становится идея о том, что язык служит инструментом для дискурсивного и деятельностного конструирования профессиональной реальности. В рамках конкретного сообщества язык — это не пассивный набор обозначений, а подвижная система, которая участвует в формировании смыслов, норм и практик. Вслед за О.А. Калугиной «под профессионально ориентированным обучением иностранному языку мы понимаем формирование у обучающихся глубоких академических знаний и понимания терминологии по предмету специальности на иностранном языке, универсальных умений — таких, как готовность к межкультурной коммуникации, анализ и синтез информации, способность генерировать новые идеи, имеющие профессиональную значимость, и презентовать их на иностранном языке» [28]. Через профессиональные тексты, диалоги и документы происходит не просто обмен информацией, а формируются и коллективное создание, и сама предметная область с ее ценностями, правилами и границами. Таким образом, центральной задачей обучения становится развитие способности не просто говорить правильно, но и эффективно действовать в рамках этих смыслопорождающих процессов, используя языковые средства для решения профессиональных задач, аргументации, координации и генерации новых идей.

Профессионально ориентированное обучение иностранному языку сегодня переживает мировоззренческий перелом. Его ядро смещается от передачи специальной лексики к формированию языкового сознания профессионала — способности мыслить и действовать в категориях конкретного профессионального сообщества. Этот сдвиг опирается на три ключевых теоретических основания.

Во-первых, на конструктивистский взгляд на язык. Язык понимается не как нейтральный код для описания реальности, а как активная сила, которая ее конструирует. В рамках профессионального дискурса именно через язык определяются проблемы, выстраиваются доказательства и легитимируются решения. Поэтому обучение должно погружать сту-

дентов в процесс смыслопорождения, характерный для их области: будь то анализ юридических казусов, инженерное проектирование или финансовое моделирование.

Во-вторых, на принцип воплощенного познания. Современная когнитивная наука показывает, что мышление неотделимо от действия и контекста. Эффективное усвоение языка происходит тогда, когда речевая деятельность естественно вплетена в решение практических профессиональных задач — в симуляции, проекты, разбор кейсов. Такой подход активирует целостные нейронные сети, отвечающие за планирование, социальное взаимодействие и предметное действие, что обеспечивает более глубокое и прочное усвоение.

И, в-третьих, на признание плюралистичности профессиональных миров. Глобальный специалист

работает в условиях культурного и дискурсивного разнообразия. Важнейшей компетенцией становится металингвистическая гибкость — способность распознавать, как ключевые профессиональные концепты (например, «риск», «доверие», «инновация») наполняются разным смыслом в разных деловых культурах, и адаптировать свою коммуникацию.

Трансформация ведет к переходу от изучения языка как предмета к его освоению как среды профессионального становления. Целью становится подготовка субъекта, способного не только функционировать по заданным правилам, но и влиять на них, используя язык как инструмент мышления и инновации. Это превращает языковое образование из обслуживающей дисциплины в ключевой элемент формирования эксперта нового типа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. Москва: URSS; 2022. 642 с.
Marx K., Engels F. German ideology: A critique of modern German philosophy in the person of its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner, and German socialism in the person of its various prophets. Moscow: URSS; 2022. 642 p. (In Russ.).
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс; 1977. 695 с.
F. Saussure de. Proceedings on Linguistics Moscow: Progress; 1977. 695 p. (In Russ.).
3. Lecercler J. J. A Marxist philosophy of language. Leiden; Boston: Brill; 20=06. 236 p. URL: <https://philpapers.org/rec/LECAMP>
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Москва: Лабиринт; 1993. 192 с.
Voloshinov. V.N. Marxism and the philosophy of language. Moscow: Labyrinth; 1993. 192 p. (In Russ.).
5. Делез Ж. Логика смысла. Москва: Академический Проект; 2011. 480 с.
J. Deleuze. Logical sense. Moscow: Academic Project; 2011. 480 p. (In Russ.).
6. Гваттари Ф. Машинное бессознательное: Эссе о шизоанализе II. Ритурнели утраченного времени: Любовь Свана как семиотический коллапс. Москва: Логос; 1999:13-25. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_440341/?ysclid=mnmuf4ly2v788785421
Guattari F. The machine Unconscious: An Essay on Schizoanalysis II. The Rhythms of Lost Time: Swann's Love as a Semiotic Collapse. Moscow: Logos; 1999:13-25. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_440341/?ysclid=mnmuf4ly2v788785421 (In Russ.).
7. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Москва: Наука; 1977. 703 с.
Herder I. G. Ideas for the philosophy of human history. Moscow: Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.).
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс; Универс; 1993. 654 с.
Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress; Univers; 1993. 654 p. (In Russ.).
9. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Москва: Юрайт; 2024. 211 с. URL: <https://biblio-online.ru/book/9CA1A0A5-7D6B-47F3-A57E-7E6CBDE2669A>.
Sepir E. Language. An introduction to the study of speech. Moscow: Yurait; 2024. 211 p. URL: <https://biblio-online.ru/book/9CA1A0A5-7D6B-47F3-A57E-7E6CBDE2669A> (In Russ.).
10. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. В кн.: Языки как образ мира. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica; 2003:157-201.
Whorf B. The relationship between normative behavior and thought and language. In the Book: Languages as images of the world. Moscow: AST: Saint-Petersburg: Terra Fantastica; 2003:157-201. (In Russ.).

11. Carroll J.B. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; 1956. URL: https://www.academia.edu/36270267/Language_thought_and_reality_selected_writings_edited_and_with_an_introd_by_John_B_Carroll_foreword_by_Stuart_Chase
12. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech. New York: Harcourt, Brace and Company; 1921. 258 p. URL: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015002617648>
13. Whorf B.L. Language, Thought and reality: Selected writings. Carroll J.B., ed. Cambridge, MA: The MIT Press; 1956. 278 p. URL: <https://archive.org/details/languagethoughtr00whorf/page/n7/mode/2up>
14. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. В кн.: Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство СПб; 1998:14-285. URL: https://archive.org/details/1970_20240930
Lotman Yu.M. The structure of a literary text. In: Lotman Yu.M. About art. Saint Petersburg: Iskusstvo SPB; 1998:14-285. URL: https://archive.org/details/1970_20240930 (In Russ.).
15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; London: The University of Chicago Press; 2023. 308 p. URL: <https://archive.org/details/metaphorsweliveb00lako>
16. Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories. In: Moore T.E., ed. Cognitive development and the acquisition of language. New York: Academic Press; 1973:111-144. URL: <https://philpapers.org/rec/ROSOTI-5>
17. Mounin G. Les Problèmes théoriques de la traduction. Paris: Gallimard; 1963. 296 p.
18. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт. В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва: Международные отношения; 1978:36-41. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/mounin-78.htm?ysclid=mnmx2khlhx473475908>
Mounin G. Theoretical problems of translation. Translation as a language contact. In: Questions of Translation Theory in Foreign Linguistics. Moscow: International Relations; 1978:36-41. (In Russ.).
19. Greenberg J.H. Language universals: With special reference to feature hierarchies. The Hague: Mouton; 1966. 89 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/333557487_Language_universals_With_special_reference_to_feature_hierarchies
20. Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий. В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V. Москва: Прогресс; 1970:45-76. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khokkett-70.htm?ysclid=mnmx76re1k200630914>
Hockett C.F. The problem of linguistic universals. In: New in Linguistics. Issue V. Moscow: Progress; 1970:45-76. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khokkett-70.htm?ysclid=mnmx76re1k200630914> (In Russ.).
21. Berlin B., Kay B. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press; 1969. 209 p. URL: <https://archive.org/details/basiccolortermst0000berl>
22. Cai J., Hadjinicolaou A.E., Paulk A.C. et al. Natural language processing models reveal neural dynamics of human conversation. *Nature Communications*. 2025;16(1):3376. URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-025-58620-w>
23. Cai X., Yin Y., Zhang Q. Neural mechanisms of long-term sensorimotor adaptation in L1 and L2 speech motor control systems. *Language and Speech*. 2026;272:105668. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2025.105668>
24. Piazza E.A., Hasenfratz L., Hasson U., Lew-Williams C. Infant and adult brains are coupled to the dynamics of natural communication. *Psychological Science*. 2019;31(1):6-17. URL: <https://doi.org/10.1177/0956797619878698>
25. Язык и действительность. В сб.: Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Т. 9. Москва: Спутник+; 2024. 592 с. URL: https://www.academia.edu/123129022/_Язык_и_действительность_2024_сборник_статей_Langue_et_réalité_2024_actes_du_colloque
Language and reality. In collection: Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak. Vol. 9. Moscow: Sputnik+; 2024. 592 p. URL: https://www.academia.edu/123129022/_Язык_и_действительность_2024_сборник_статей_Langue_et_réalité_2024_actes_du_colloque (In Russ.).
26. Hinzen W., Martin T., Wiltschko M. A new argument for linguistic determinants of human thought. *Linguistics and Philosophy*. 2024;47(6):1027-1043. URL: <https://doi.org/10.1007/s10988-024-09404-w>
27. Gu Zongwen. A Dynamic interplay between language and thought. *Arts Studies and Criticism*. 2025;6(3). URL: <https://doi.org/10.32629/asc.v6i3.4143>
28. Калугина О.А. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам посредством научно-исследовательской работы студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(с):56-61. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-с-56-61>
Kalugina O.A. Professionally-oriented teaching of foreign languages through student research projects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(с):56-61. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-с-56-61> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina V. Melnichuk — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Prof., Head of the Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-6732-0440>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mvmelnichuk@fa.ru

Елена Алексеевна Стародубцева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena A. Starodubtseva — Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8031-3474>

EAStarodubtseva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 18.02.2026; после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 18.02.2026; revised on 02.03.2026; accepted for publication on 23.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Культура советской песни в годы Великой Отечественной войны: от пропагандистских образов к формированию личностных нарративов

Е.А. Карапетян

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные аспекты песенного творчества как особой сферы российской культуры в период Великой Отечественной войны. Автор акцентирует свое внимание на его эволюции от пропагандистских моделей, господствовавших в 1930-х гг. XX в. и проецируемых на общественное сознание, к общечеловеческим индивидуалистическим нарративам, которые апеллировали к внутреннему миру и системе ценностей отдельного человека, находящегося в водовороте общественных потрясений и военного лихолетья в 1940-х гг. Исходя из этого, **целью статьи** является рассмотрение основных аспектов песенного творчества как особой сферы российской культуры в период Великой Отечественной войны. В процессе исследования автор использовал следующие **методы**: герменевтический, компаративистский, метод системного анализа, сравнительный и др. В качестве источников автором был задействован комплекс военных песен периода Великой Отечественной войны. Он также исследовал различные аспекты песенного творчества советских исполнителей и композиторов тех лет, жанровые особенности текстов поэтических произведений, фольклорные, бытовые элементы песенного творчества в рассматриваемый период. В статье также анализировались различные жанровые и стилистические особенности советской песни, вызванные к жизни военным временем и теми задачами, которые ставились перед советским обществом в этот непростой исторический период. **Результаты.** Автор проанализировал различные аспекты творческой деятельности авторов советских песен, раскрыл процесс смены поколений в советской музыкальной культуре, произошедший в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в статье выделялось общее и особенное в творческом подходе отдельных авторов, а также были рассмотрены особенности государственной политики тех лет, направленной на формирование и развитие музыкальной культуры в рассматриваемый период истории. **Выводы.** Автор обосновал связь происходящих судьбоносных для существования советского общества и государства событий с культурными тенденциями того времени, нашедшими выражение в советской песне как наиболее ярком проявлении национального духа и народного сознания в этот сложный период в истории страны. **Ключевые слова:** песенное творчество; культура; Великая Отечественная война; идеология; нарратив

Для цитирования: Карапетян Е.А. Культура советской песни в годы Великой Отечественной войны: от пропагандистских образов к формированию личностных нарративов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):142-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-142-149

The Culture of Soviet Song During the Great Patriotic War: From Propaganda Images to the Formation of Personal Narratives

E.A. Karapetyan

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The article examines the main aspects of song writing as a special sphere of Russian culture during the Great Patriotic War. The author focuses on its evolution from the dominated propaganda models projected onto public consciousness in the 1930s of the 20th century to universal individualistic narratives that appealed to the inner world and value system of an individual who found himself in the maelstrom of social upheavals and war years of 1940s. Based on this, the **purpose** of the article is to examine the main aspects of song writing as a special sphere of Russian culture during the Great Patriotic War. In the course of the study, the author used the following **methods**: hermeneutic, comparative, system analysis, comparative, etc. The author used a set of military songs from the Great Patriotic War as sources. He also studied various aspects of the songwriting of Soviet performers and composers of those years, as well as genre features of the texts of poetic works, folklore,

everyday elements of songwriting in the period under review. Various genre and stylistic features of the Soviet song brought into existence by wartime and the tasks that were set before the Soviet society in this difficult historical period are also analyzed in the article. **Results.** The author analyzed various aspects of the creative activity of the authors of Soviet songs, revealed the process of generational change in the Soviet musical culture that occurred during the Great Patriotic War. In addition, the article highlighted the general and specific in the creative approach of individual authors. The features of the state policy of those years aimed at the formation and development of musical culture in the period of history under review and are also considered in the article. **Conclusions.** The author substantiated the connection between the events that were fateful for the existence of Soviet society and the state with the cultural trends of that time, which found expression in the Soviet song, as the most vivid manifestation of the national spirit and popular consciousness in this difficult period in the history of the country. **Keywords:** songwriting; culture; Great Patriotic War; ideology; narrative

For citation: Karapetyan E.A. The culture of Soviet song during the Great Patriotic War: From propaganda images to the formation of personal narratives. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):142-149. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-142-149

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны советская песенная культура, возникшая в постреволюционный период и набравшая силу в 1930-х гг. XX столетия, вступила в новый этап своего творческого развития. Концентрация всех народных сил в этот период привела к рождению целого ряда ярких произведений, которые навсегда остались в отечественной культуре. Особенно ярко это проявилось в песенном творчестве.

Так, в годы Великой Отечественной войны оформился, по сути, новый музыкальный жанр — советская военная песня. Как отмечает Я.В. Глушаков, «война оказала огромное влияние на все без исключения виды искусства, но особенным образом она повлияла на самый демократичный жанр — массовую песню» [1, с. 111].

Сегодня не вызывает сомнений, что этот период стал временем наивысших достижений в сфере массовой эстрадной песни — пожалуй, лучшее, что было создано в данном направлении искусства за весь XX в. Песня в годы Великой Отечественной войны обрела мощную силу идейно-нравственного, эстетического и эмоционального воздействия. В песнях военного времени были выражены основные константы русской культуры: идея патриотизма, стремление к прекрасному и справедливости [2]. Без преувеличения, военная песня становилась достоянием миллионов людей, надолго оставаясь в их памяти.

В период Великой Отечественной войны песня звучала отовсюду: она распространялась на миллионах патефонных пластинок, часто звучала по радио, а особенно ярко песни воплощались в кинематографе того времени. Многие композиции из кинофильмов о войне стали настоящими шедеврами советской классики.

С началом войны одними из первых среди деятелей искусств, творчески мобилизовавших себя на борьбу с врагом, были поэты и композиторы. Уже вскоре после начала боевых действий вышла в свет

песня «Священная война» (муз. А. Александрова, сл. В. Лебедева-Кумача). В этой песне, исполненной высокого пафоса, звучал яростный призыв подняться на борьбу с врагом и сплотиться ради защиты свободы и независимости Родины:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

В тот же период появилась песня «Синий платочек» (муз. Г. Петербургского, сл. Я. Галицкого, Г. Максимова). Это была трогательная история любви, просто и искренне передававшая гамму чувств между близкими людьми.

Песня «Вечер на рейде» (муз. В. Соловьева-Седого, сл. А. Чуркина), созданная в 1941 г., легко запоминалась слушателям и вызывала яркие эмоции:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой¹.

ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО: СМЕНА НАРРАТИВОВ

В предшествующее Великой Отечественной войне десятилетие в советской песенной культуре ощущался острый дефицит тонкой эмоциональной душевной связи, доверительного общения авторов со слушателем, личной их близости к создаваемым произведениям. В этот период в песнях звучала в основном гордость за достижения социализма и свершения советских трудящихся. Как правило, их отличала чрез-

¹ Песни, опаленные войной: Песенник. Н. Новгород: Нижегород. Ярмарка; 1995. 254 с.

мерная пафосность и бравурность. Это было время индустриализации и масштабного строительства социализма во всех областях общественной жизни, поэтому песенное творчество отражало именно эти аспекты существования советского общества.

Период 1940-х гг. отличался совсем другими мотивами в песенном искусстве. В это время задушевность и лиричность стали преобладать над идеологическими и политическими мотивами в песенной культуре.

1940-е гг. наполнили советские песни интонациями значительно более личного плана. В них отражалась жизнь отдельного человека, его трагическая судьба в данный период исторического времени, повествовалось о его надеждах и чаяниях в это непростое время. В них значительное внимание было уделено переживаниям отдельной человеческой личности, находящейся в тяжелой ситуации нравственного и морального выбора, попавшей в беспримерный водоворот событий и оказавшейся на кризисном изломе. И здесь огромную роль играло музыкальное сопровождение стихотворных текстов.

Примером может служить творчество И. Дунаевского, сотрудничавшего со многими поэтами. В 1930-е гг. музыкальные композиции в основном повествовали об идеологических и политических задачах, о достижениях советского народа, о правильности пути социализма, выбранного им в процессе исторических свершений. Но в 1940-е гг. творчество композитора претерпевает изменения: он обращается к другим темам, связанным с личной жизнью и судьбой человека, оказавшегося на гребне исторического процесса.

Советские авторы-песенники следовали той же тенденции. Так, например, подобные мотивы звучали в творчестве Е. Долматовского и Н. Богословского в песне «Любимый город»:

Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернется,
За ним родные ветры прилетят,
Любимый город другу улыбнется:
Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд².

Схожие мотивы прослеживаются также в творческом тандеме М. Исаковского и М. Блантера в ставшей всемирно знаменитой песне «Катюша». Это музыкальное произведение имело поистине всенародный успех, и эту песню напевали не только

в Советском Союзе, но и во всем мире множество людей, знавших о подвиге советского народа.

В песне звучали понятные всем и близкие любому человеку мотивы: расставание с домом, с девушкой, которую любишь. В ней была надежда на то, что она сможет дожидаться бойца и что сам боец останется жив и с победой вернется домой. Война вызвала потребность в такой лирической песне:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла³.

Человек этого периода не столь интересовался политическими, идеологическими мотивами военных действий. Значительно ближе ему были внутренние переживания, страдания людей того времени, где бы они ни находились, — в тылу, на фронте, путешествуя по дорогам войны или живя в блокадном Ленинграде.

Здесь важно отметить, что военная песня 1940-х гг. создавалась в основном именно молодыми авторами, которые были во многом чужды советской идеологизированности 1930-х гг. и смотрели на мир не зашоренными политической идеологией глазами.

Знаменитые композиторы военных лет — М. Фрадкин, М. Табачников, Т. Хренников, Н. Богословский — не достигли в то время еще 30 лет; поэтам Е. Долматовскому было 28 лет, А. Фатьянову — не исполнилось и 23 лет. Молодость авторов во многом определила переход от идеологических мотивов к общечеловеческим — лиричности, проникновенности, душевности. Именно благодаря этому в песенном фольклоре война предстает как «социально-личностное событие» [4, с. 66].

В то же время оставалось много авторов и композиторов, которые ориентировались исключительно на политический, идеологический аспект своего творчества. Они по-прежнему создавали свои произведения в духе политики соцреализма, прославляя деяния партии и трудового народа. Эти произведения имели пафосный панегирический характер, в них значительное место занимала советская патетика, основанная на образе воина-героя, находящегося в постоянной борьбе с врагом, и обличении кровавых преступлений фашистского агрессора.

² Песни, опаленные войной: Песенник. Н. Новгород; 1995:254 с.

³ Песни наших побед. Переложение для фортепиано. М.: Советский композитор; 1987:72 с.

Несмотря на некоторую схематичность трактовок советских авторов тех лет, данные события, конечно же, действительно имели место. В песнях тех лет говорилось о верности советской Родине и делу партии, о сознательности и революционности народных масс. Такие песни отличались определенной шаблонностью и политической предзаданностью. Но в определенной степени они отражали существующую тогда реальность. Как правило, они основывались на трехчастном драматическом ключе.

Так, например, в песне К. Корчмарева и А. Жарова «Воины народа, сталинцы, на бой», вышедшей в 1941 г., особый акцент делался на борьбу с нападением агрессивного, не знающего пощады врага. Это произведение содержало в себе различные оттенки его негативного художественного образа. Враг в нем назывался подлым, а все его действия — воровскими и аморальными. Также в этой песне высказывалась непоколебимая уверенность в том, что он будет разбит и уничтожен.

«Песенная энергия рождает волны, которые незримой броней окружают взвод. Поющая армия непобедима» [3, с. 355].

Одной из характерных особенностей таких произведений было восхваление великого вождя советского народа И.В. Сталина, за которого поднимаются на бой бойцы и командиры. Прославлялись его дальновидность, мудрость, а также отеческая любовь к храбрым сынам Отечества. Подчеркивались его полководческие таланты как военачальника и его грандиозные свершения как государственного деятеля.

В песнях также указывалось на то, что советский народ в годину великих испытаний уповает именно на его мудрость и прозорливость, которые приведут к победе над врагом. Подобные мотивы проявлялись уже в самих названиях этих патетических произведений. Например, в таких песнях, как «Спуску не дадим» (муз. П. Рупина, сл. Г. Корейши), «Отомстим» (муз. Л. Книпера, сл. Л. Высотина), «Не отдадим» (муз. В. Витлина, сл. Н. Тихонова), «Нас не испугаешь» (муз. А. Новикова, сл. В. Кухначова) и других.

Во многих песнях подобного рода ощущалась инерция довоенного советского песенного творчества, основанная еще на песенных произведениях времен гражданской войны, которые были наполнены восторгом побед и свершений Красной армии, а также романтическими образами бойцов и героев.

При этом значительный акцент был сделан на непобедимость самой Красной армии и ее военачальников, так называемых «красных маршалов». Как правило, такие произведения отличались оптимиз-

мом, безудержным энтузиазмом и ожиданием новых побед и свершений. В них говорилось о героическом будущем советского народа, который легко сможет справиться со всеми противниками, где бы они ни находились, — на внутренних фронтах гражданской войны или на внешних рубежах нашей Родины.

Однако все эти мотивы, звучащие в подобных песенных произведениях, мало соотносились с реальностью тех лет. Время легких побед и превентивных наступательных доктрин с наступлением 1941 г. прошло, и советскому народу приходилось бороться с опытным и циничным врагом, который не останавливался ни перед чем в своем желании уничтожить Родину Советов.

Суровые испытания, обрушившиеся на советский народ в тот период, не шли ни в какое сравнение даже с теми, которые людям пришлось переживать в период гражданской войны и последующих военных столкновений с Польшей, Финляндией, империалистической Японией.

Первоначально многим представлялось, что военные действия продлятся недолго и враг будет разбит очень скоро на чужой территории и малой кровью. Однако очень скоро речь уже пошла о самом существовании советского общества и государства, поэтому преобладавшие в предвоенной советской пропаганде шапкозакидательские, наивно-пропагандистские мотивы стали совершенно неуместными. Очень скоро и советские люди, и советское руководство осознали весь масштаб разворачивающейся трагедии и всю степень угрозы, нависшей над советским обществом.

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

В песенном художественном творчестве это осознание также происходило постепенно. В 1941 г. вышла в свет песня Р. Глиера и И. Доронина в патетическом военно-хоровом исполнении под названием «С нами Сталин, наш отец, будет Гитлеру конец». Впоследствии появление таких песен было сложно представить в 1942–1943 гг.

В начале же войны песни такого рода были редкостью, например: «Мечь балтийцев», «Песня о Советской армии», «Смерть врагам», «Песня смелых». Эти массовые идеологизированные песни должны были привнести оптимизм в сознание советского народа и мобилизовать массы на борьбу с коварным врагом. Но в советском обществе популярностью пользовались не они, а песни, в которых явно звучало гуманистическое, человеческое измерение, связанное с простыми радостями и печалю-

ми в годы военного лихолетья. Они повествовали о любви, разлуке, доме, неожиданных встречах, были наполнены воспоминаниями о детях, родителях, супругах.

Такие песни, в отличие от идеологизированных произведений других композиторов, пользовались большой популярностью у слушателей. Поэтому не случайно в годы Великой Отечественной войны расцвел талант именно поэтов-фронтовиков, писавших о людях и для простых людей. Таким, например, был дар поэта-фронтовика А. Фатьянова. Автор не стремился к вычурной поэтике, в его стихах преобладали народные лирические мотивы.

Наиболее ярким выражением его творчества стала песня под названием «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», написанная в 1947 г. в содружестве с В. Соловьевым-Седым.

Надо отметить, что пропаганда в годы Великой Отечественной войны также почувствовала настроения масс и стала менять существующие агитационные нарративы, в том числе и в песенном творчестве, — с советского патетического до индивидуально проникновенного. В нем пропагандистские образы должны были проникать в сознание слушателей через лирические человеческие образы, через эмоциональное восприятие личностью происходящих вокруг трагических событий и явлений.

Так, например, в фильме «Два бойца», вышедшем в 1943 г., изначально планировалось основной сделать «Песню о Ленинграде», которая должна была исполняться бойцами в момент отражения вражеского наступления. Но впоследствии приоритет был отдан песням лирической направленности, в которых звучали общечеловеческие мотивы, завоевавшие особую любовь зрителей, — «Темной ночи» и «Шаландам», сочиненным Н. Богословским и В. Агатовым.

Песня «Темная ночь» (муз. Н. Богословского, сл. В. Агатова) поистине стала шедевром советского песенного искусства в годы Великой Отечественной войны. Ее отличали реализм, доступность восприятия, простота слов и выражений, ей был свойствен тонкий психологизм и особая интимная близость по отношению к слушателям:

Темная ночь, только пули свистят по степи,

Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.

В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,

И у детской кровати тайком ты слезу утираешь⁴.

⁴ Песни военных лет. Для голоса с аккомпанементом фортепиано и гитары. М.: изд-во В.Н. Зайцева; 2010. 96:89.

Схожие с ней художественные характеристики имела песня «В землянке», вышедшая в 1942 г. Ей также удалось завоевать всенародную любовь.

Особой популярностью пользовались песни, в которых звучали шуточные мотивы. Конечно, эти песни нельзя было считать полностью юмористическими: к шутке в них примешивались печаль и грусть. Тем не менее они могли поднять боевой дух и советским воинам на фронте, и труженикам в тылу.

Например, здесь можно вспомнить «Песню фронтовых сапожников» (муз. С. Каца, сл. В. Софронова), появившуюся в 1943 г. Песня рассказывала историю о том, как немецкий солдат-мародер пытался снять обувь с раненого бойца Красной армии; боец очнулся и ударил врага обутой ногой в лицо. К счастью, обувь была изготовлена на славу, а удар оказался очень эффективным.

В 1942 г. на советской эстраде появилась песня «Прогулка» (муз. Н. Минха, сл. С. Алымова). В этой песне рассказывалась история о том, как моряк встретился с девушкой на свидании. Девушка ждала от него проявления бурных чувств и жарких объятий. Однако моряк недавно получил ранение в правую руку и поэтому обнимал девушку левой рукой, а она не могла взять в толк, почему он так застенчив в проявлении своих чувств, и просила обнять ее и правой рукой тоже, чтобы объятия были крепче.

В песне «Рогулька» (сл. и муз. Б. Мокроусова), вышедшей в 1944 г., судно терпит кораблекрушение, одному из моряков удается выплыть. Но, поскольку на воде ему было держаться тяжело, он решил воспользоваться бакеном, плававшим неподалеку, а затем с удивлением обнаружил, что это не простой морской бакен, а вражеская мина, которую он ухватил за торчащие из воды рожки и использовал ее в качестве спасательного круга.

В основе многих таких песен лежали бытовые подробности из повседневной жизни человека того времени, которые приобретали необычные, парадоксальные характеристики. Такой, в частности, была песня «Котелок» (муз. С. Фогельсона, сл. В. Дыховичного).

Таким же настроением отличались песни «Смуглянка» (муз. А. Новикова, сл. Я. Шведова), «Пора в путь-дорогу» (муз. В. Соловьева-Седого, сл. С. Фогельсона), «Веселый танкист» (муз. А. Цфасмана, сл. В. Дыховичного) и другие.

В это время нельзя не отметить обращение советских авторов к фольклорным истокам песни. Конечно, это происходило не прямолинейно: мотивы народного творчества советские авторы использовали опосредованно, но тем не менее они стали важной частью их песенного наследия.

Особое место в рассматриваемый период занимала проблема соотношения музыки и слова в советской песенной культуре. В ней поэтические и музыкальные структуры соединялись. Однако это не значит, что они находились в полной гармонии между собой. Тем не менее именно в военной песне сформировался определенный баланс между музыкальной и поэтической стороной песенного творчества.

Так, в этот период особое внимание уделялось звуковой стороне поэзии, а музыкальные произведения зачастую имели философский литературно-художественный смысл. Именно этому многие песни времен Великой Отечественной войны были обязаны легкостью восприятия, понятностью и органичностью. Этот симбиоз мелодии и слова во многом объяснял их популярность среди народа, поскольку они во многом отражали повседневное существование советского человека, его бытовую сторону жизни.

Они давали возможность обычному советскому человеку отождествлять себя с их героями, и с этой точки зрения они являлись чрезвычайно значимой частью не только советской эстрады военного времени, но и народной культуры с ее неперенными песенными застольями. Советская военная песня периода 1940-х гг. существовала как бы в пограничном музыкальном пространстве между авторским подходом и народными традициями. Это-то и придавало ей особую популярность и доверие со стороны слушателей. Ведь она отвечала на жизненно важные запросы человека военного времени.

Военная песня этого периода обладала интегративной функцией, устанавливая взаимосвязь между историческими событиями и их реминисценциями в художественном песенном творчестве. Ее лексическое наполнение отражает актуальные для этого периода жизни советского народа концепты: «война», «фронт», «бой», «родина», «победа», «жизнь», «смерть», «любовь», «разлука», «ждать», «встреча» и другие [5, с. 147]. Она отражает культурную память и историю народа, определенный культурный код и особенности социальных отношений того времени. Анализ военной песни помогает проникнуть в основные смыслы и архетипы культуры того времени. Песни военных лет содержат элементы исторической культурной памяти о данном периоде. Они отражают смену культурных парадигм, трансформируясь под влиянием тенденций в развитии советского социума, что проявляется в элементах салонной музыки, фольклорных мотивах, задушевности или массовости с ярко просматриваемой зрелищной составляющей.

Многие песни военного времени напрямую связаны с конкретными историческими событиями того

периода, отражая эмоциональные состояния людей в тылу и на фронте. Лучшие артисты тех лет вкладывали в их исполнение всю душу, что сопровождалось мощным эмоциональным зарядом.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1940-Х ГОДОВ

Военная песня — часть культурной памяти народов Советского Союза, воплощающая константы и архетипы российской культуры. Авторы не стремились к быстрому успеху и развлекательности, однако песни органично вошли в культурную индустрию. В текстах и музыке созданы образы фронтовиков-героев, ярких исторических личностей и советского народа как носителя передовых идей и ценностей. Песни несут педагогический и агитационный заряд, воспевая героизм, храбрость, мужество, верность и любовь.

Мелодии тех лет выражают весь спектр человеческих эмоций, углубляя сферу чувств и делая человека более восприимчивым к проблемам окружающих. Их лейтмотив — противостояние смертельной угрозе и жизнеутверждающее существование. Каждый исполнитель вносил собственные интонации, подчеркивая уникальность произведения. Такие песни — отрада для солдат, помогающая им не падать духом и ощущать связь с обществом. Военная песня связывала фронтовика с домом и мирной реальностью, отражала черты характера советского человека, политические изменения и идеологические установки эпохи. При этом она была не столько средством пропаганды, сколько способом передачи внутреннего настроя, эмоционального состояния и мировоззрения личности.

Военная песня встраивается в широкий контекст русской культуры и выражает основные жизненные паттерны советского общества тех лет. Ее стоит анализировать с историко-культурной и лингвистической точек зрения: изучать историю создания, стилистику, текст, поэтические образы и символы.

Песни запечатлели коллективный образ войны и ее восприятие участниками событий. Во многих из них война рисуется через образы пепелищ, пожарищ и огня [6–13].

Образ огня, несущего разрушение, боль и смерть, в песнях военных лет воплощал собой образ войны. Слезы выступали символом страданий, перенесенных народом в годы Великой Отечественной войны.

Концепт «война» в советской песне тех лет раскрывался через разветвленную систему образных средств. Благодаря единству вербального и музыкаль-

ного компонентов эти образы воспринимались исполнителями как глубоко личные — и одновременно неотделимые от судьбы страны. Война представляла важным социально-личностным событием, осмысленным в художественной форме через призму советских идеологических ценностей и традиционного российского мировосприятия.

ВЫВОДЫ

В военной песне прослеживаются четыре концептуальные доминанты: духовная гармония, объединяющая концепты «дом», «мать», «любимая»; фронтовое братство, включающее идеи дружбы, единства и взаимовыручки; воинский подвиг, связанный с понятиями справедливости и самопожертвования; общая судьба, воплощенная в образах родной земли, дороги и времени.

Эти доминанты служат организующим началом песенного творчества. Советская песня тех лет сочлала мобилизационное ядро с элементами досуга, причем со временем мобилизационные компоненты стали преобладать.

Военная песня соединила душевное и лирическое, передающее внутренний настрой человека в условиях социальных потрясений; идеологическое, отражающее идеи социализма и марксизма; мобилизационное, формирующее систему ценностей эпохи. Все эти аспекты воплощались через масштабные лирико-социальные образы, показывающие судьбу человека в период испытаний.

Песенное творчество военных лет отражало повседневную жизнь людей на фронте и в тылу, особенности человеческих взаимоотношений и пропагандистские идеи. За годы войны оно эволюционировало: если вначале преобладали бравурные композиции о скорой победе, то позже на первый план вышли лиричность, задушевность и гуманизм. В песнях стали подчеркивать человеческие качества бойца, раскрывать его переживания, надежды и страдания.

Эта эволюция была закономерна: в тяжелые времена людей больше заботят вопросы выживания и сохранения человеческих отношений, чем следование идеологическим доктринам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глушаков Я.В. Великая Отечественная война. Песенное наследие. *Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных*. 2020;2(33):111-117. URL: <https://elibrary.ru/mgftzo>
2. Голованова Е.И., Потапчук М.А. «За себя и за того парня...»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012;13(267):29-33. URL: <https://elibrary.ru/pcwfeb>
3. Раш К. Время офицеров: Письма к русскому офицеру. Москва: Российский Фонд Культуры; 2007. 728 с.
4. Эмер Ю.А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ. *Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология*. 2012;4(20):58-67. URL: <https://elibrary.ru/pjrij>
5. Першина К.В. Песни Великой Отечественной: лексическое наполнение. Хотят ли русские войны: материалы XVI Международного форума. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; 2021: 146-148. URL: <https://elibrary.ru/tyhukm>
6. Колесникова А.В., Еськова А.В., Гришина А.В. Песни, которые победили в Великой Отечественной войне: контент-анализ. Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. Севастополь: Севастопольский государственный университет; 2021: 208-212. URL: <https://elibrary.ru/frggwc>
7. Карапетян Е.А. Языковые концепты «мужество», «храбрость», «героизм» и их репрезентация в военной песне 1941-1945 гг. Великая Отечественная война: уроки истории и современность: материалы Международной научной конференции. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств; 2015: 123-132. URL: <https://elibrary.ru/txanld>
8. Бочаров А.Г. Русская советская массовая песня 1934-1952 годов: дис. канд. филол. наук. Москва: Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; 1953.
9. Нестьев И.В. Советская массовая песня: популярный очерк. Москва: Госуд. музык. издательство; 1946.
10. Лях В.И. и Сигида Д.А. Советская массовая песня как феномен музыкального искусства XX века. *Культурная жизнь Юга России*. 2015;2(57):22-25. URL: <https://elibrary.ru/tzquad>
11. Сохор А.Н. Русская советская песня. Ленинград: Советский композитор; 1959. 506 с.
12. Сохор А.Н. Путь советской песни: В помощь слушателям народных университетов культуры. Москва: Советский композитор; 1968. 108 с.

13. Сохор А.Н. Массовая песня в период Великой Отечественной войны. На материале творчества русских советских композиторов: Дис. канд. искусствоведения. Ленинград: Ленингр. ордена Ленина гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова; 1954.

REFERENCES

1. Glushakov Ya. V. The Great Patriotic War. Song heritage. *Scientific notes of the Russian Academy of Music named after The Gnessins*. 2020;2(33):111-117. URL: <https://elibrary.ru/mgftzo> (In Russ.).
2. Golovanova E. I., Potapchuk M. A. "For myself and for that guy...": mental projections of the Great Patriotic War in famous words and expressions. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012;13(267):29-33. URL: <https://elibrary.ru/pcwfeb> (In Russ.).
3. Rush K. The time of officers: Letters to a Russian officer. Moscow: Rossijskij Fond Kul'tury; 2007. 728 p. (In Russ.).
4. Emer Yu. A. The concept of "war" in modern song folklore: Cognitive-discursive analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology*. 2012;4(20):58-67. URL: <https://elibrary.ru/pjipij> (In Russ.).
5. Pershina K. V. Songs of the Great Patriotic War: Lexical content. Do Russians want wars: Materials of the XVI International Forum. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan; 2021: 146-148. URL: <https://elibrary.ru/tyhukm> (In Russ.).
6. Kolesnikova A. V., Eskova A. V., Grishina A. V. Songs that won the Great Patriotic War: Content analysis. Sevastopol-Stalingrad: one War, one story: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 76th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Sevastopol: Sevastopol State University; 2021: 208-212. URL: <https://elibrary.ru/frggwc> (In Russ.).
7. Karapetyan E. A. Linguistic concepts of "courage", "bravery", "heroism" and their representation in the military song of 1941-1945. The Great Patriotic War: Lessons of history and modernity. Materials of the International Scientific Conference. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts; 2015: 123-132. URL: <https://elibrary.ru/txanld> (In Russ.).
8. Bocharov A. G. Russian Soviet mass song of 1934-1952. Dis. Cand. Sci. (Philol.). Moscow: Moscow Order of Lenin State University named after M. V. Lomonosov; 1953. (In Russ.).
9. Nestiev I. V. Soviet mass song: A popular essay. Moscow: The State. music. publishing house; 1946. (In Russ.).
10. Lyakh V. I. and Sigida D. A. Soviet mass song as a phenomenon of the 20th century musical art. *Cultural life of the South of Russia*. 2015;2(57):22-25. URL: <https://elibrary.ru/tzwuad> (In Russ.).
11. Sokhor A. N. Russian Soviet song. Leningrad: Soviet composer; 1959. 506 p. (In Russ.).
12. Sokhor A. N. The path of the Soviet song: A guide for students of People's Universities of Culture. Moscow: Sovetsky Kompozitor; 1968. 108 p. (In Russ.).
13. Sokhor A. N. Mass song during the Great Patriotic War. Based on the Works of Russian Soviet composers: Diss. Cand. of Art History Degree. Leningrad: Leningrad State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov; 1954. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Аветиковна Карпетян — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
Elena A. Karapetyan — Cand. Sci (Philolog.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5292-1520>
 KarapetianEA@rgsu.net

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.12.2025; после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 25.12.2025; revised on 05.02.2026 and accepted for publication on 02.03.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Национальное проявление экзистенции

Т.М. Махаматов¹, Т.Т. Махаматов², Д.З. Музашвили³

¹ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

² Московский технический университет связи и информатики, Москва, Российская Федерация;

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – исследование национальной формы объективного проявления экзистенции, рождающейся в процессе поиска человеком своей жизненной и духовной гармонии. Авторы раскрывают мысли К. Ясперса об «экзистенции в объективности». Выявлена и раскрыта диалектика экзистенции поиска жизненной гармонии и душевного равновесия, возникающая в результате дисгармонии как в жизни индивида, так и в самом обществе. Проблемы, проявляющиеся при поиске гармонии и баланса между жизненной позицией индивида и реальностью в обществе, а также трудности реализации выбранного индивидом варианта гармонии порождают в душе человека экзистенции различной глубины и остроты. В исследовании сделаны выводы: (1) только гармония, соответствующая объективной логике жизни общества, способствует смягчению экзистенции личности; (2) экзистенции индивида, как писал К. Ясперс, всегда имеют объективную форму проявления посредством национальных традиций, обычаев и поступков человека.

Ключевые слова: поиск гармонии; экзистенция; нигилизм; экзистенция смерти; национальные традиции; Улугбек Хамдам; художественная литература

Для цитирования: Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т., Музашвили Д.З. Национальное проявление экзистенции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):150-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-150-158

The Existence of the Search for Harmony

T.M. Makhamatov¹, T.T. Makhamatov², D.Z. Muzashvili³

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

² Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation;

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the article is to study the awakening of existence in the process of a person's search for his vital and spiritual harmony. The authors use a specific analysis to reveal K. Jaspers' thoughts about "existence in objectivity." The dialectic of the existence of the search for vital harmony and mental balance resulting from the onset of disharmony both in the life of an individual and in society itself is revealed and disclosed. The problems that arise in the search for harmony and balance between an individual's life position and reality in society, as well as difficulties in the process of realizing the individual's chosen harmony option, are generated in the human soul by a number of existences of varying depth and acuteness. The conclusions of the study are, firstly, that only such harmony helps to soften the existence of the individual, which corresponds to the objective logic of society, and secondly, the existence of the individual, as K. wrote. Jaspers, they always have an objective form of manifestation through national traditions, customs and human actions.

Keywords: search for harmony; existence; nihilism; existence of death; national traditions; Ulugbek Hamdam; fiction

For citation: Makhamatov T.M., Makhamatov T.T., Muzashvili D.Z. The existence of the search for harmony. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):150-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-150-158

ВВЕДЕНИЕ

В жизни человека, как точно определил К. Ясперс, «без экзистенции все становится как бы пустым, как бы выхолощенным, как бы беспочвенным, все утрачивает свою подлинность, потому что делается нескончаемым рядом масок и всего лишь бытием, или сугубым существованием» [1, с. 56]. Согласно философии экзистенциализма, душевные страдания, определяющие общечеловеческую экзистенциальность индивида, — хрупкость, одиночество, тоска и чувствительность внутреннего мира каждого перед давлением внешнего мира — не зависят от его национальности, вероисповедания и политической позиции и сопровождают его на протяжении всего жизненного пути.

Современная философия экзистенциализма открывает конкретность генезиса экзистенции человека, так как экзистенциальность зарождается через призму традиций, обычаев, национальных и культурно-цивилизационных особенностей народа каждого индивида. Поиск форм сочетания противоположностей между универсальностью сущности экзистенции и конкретностью ее рождения и проявлений определен в некоторых художественных произведениях, где экзистенциальность персонажей выступает вызывающим катарсис эстетическим фактором.

Художественная литература образно, динамично через эмоции персонажей раскрывает как универсальные, так и национальные «одеяния» экзистенции. Яркие примеры представлены в произведениях Ф. Достоевского, А. Платонова, Ч. Айтматова [2–4], Г. Маркеса и др. Литературные персонажи помогают выявить новые основания и факторы рождения экзистенции человека, расширяют предметную область философии экзистенциализма и способствуют ее дальнейшему развитию.

По поводу значения художественной литературы для экзистенциализма известный австралийский философ Джефф Малпас отмечал, что ряд ключевых экзистенциалистских работ (или работ, которые обычно рассматривались как таковые) действительно были произведениями художественной литературы — «Тошнота» Жан-Поля Сартра и «Посторонний» Альбера Камю. Это два отличных примера. Хотя некоторые ключевые фигуры в рамках экзистенциалистской традиции или близкие к ней были скорее литературными, чем философскими, — что верно в отношении Камю и, конечно же, Беккета [5, 6]. Действительно, в романах писателей XX в. при помощи художественных образов раскрывались новые аспекты, нюансы рождения и углубления

экзистенции индивидов различного социального положения [7].

Обратимся к творчеству узбекского ученого и писателя доктора Улугбека Хамдама, который, подобно Ж.-П. Сартру и А. Камю, в своих научных и художественных произведениях раскрывает новые проявления экзистенции, порождающие ее факторы, заключенные в национальных традициях, ценностях, менталитете и образе жизни узбекского народа [8].

С одной стороны, доктор Хамдам обосновывает универсальность экзистенциального феномена, раскрывая, что в каждом индивиде, независимо от его национальной принадлежности, есть пограничное с психически больным человеком состояние, за которым скрывается потенциальная экзистенция. Как он пишет: «Иногда действительное состояние здоровых людей мало чем отличается от состояния пациентов психиатрического диспансера, разве только на здоровых белые рубашки да и галстуки надеты» [9]. С другой стороны — Хамдам отражает влияние образа жизни, национальных традиций и моральных ценностей на формирование, содержание и проявление экзистенции отдельного индивида-узбека. Исходя из вышесказанных особенностей хамдамовского раскрытия экзистенции, авторы настоящего исследования в качестве основной цели рассматривают диалектику порождения экзистенции в индивиде через призму национальных традиций.

Методология исследовательской работы определяется необходимостью перевода трудов доктора Улугбека Хамдама с узбекского на другие языки; также требуется проведение с опорой на принципы герменевтики сравнительного анализа экзистенциальности в художественных произведениях Хамдама с понятиями философии экзистенциализма. Учет особенностей факторов узбекской реальности как порождающих экзистенцию требует использования принципов историзма и системного подхода, методов сравнительного анализа, диалектического понятийного синтеза и др.

ГЕНЕЗИС ЭКЗИСТЕНЦИИ

Проблемы раскрытия диалектики генезиса и обострения экзистенции индивида в процессе разрушения и поиска человеком своей жизненной гармонии актуальны для современного экзистенциализма [10, 11]. Данное исследование занимает центральное место в экзистенциальных произведениях и научных работах Хамдама. В какой-то мере его поиск в этой области можно считать новым словом

в современной философии экзистенциализма. В его трудах на первый план выдвигается диалектика рождения и обострения экзистенции в душе человека в результате разрушения стабильности общественной жизни, когда главной проблемой каждого человека становится нахождение форм своей духовной и жизненной гармонии.

Доктор Хамдам начинает экзистенцию поиска гармонии с раскрытия особенностей рождения экзистенции у человека в детстве, далее — выход подростка из домашнего мира в большой, не совсем понятный ему внешний мир. Начальная форма экзистенции образуется в момент разрушения первичной наивной гармонии детской души, его идеализированного детского мира, когда он впервые сталкивается с жестоким, в его понимании, безразличием взрослых к его идеализированной реальности [12]. На первых страницах романа он показывает рождение детской экзистенции, выявляет и исследует действие нового порождающего экзистенцию фактора: нарушение гармонии в душе ребенка. Мальчишка Юсуф впервые сталкивается с разрушением своего детского желания проложить дорожку в пушистом и чистом снегу для своих односельчан. Бездушное разрушение автобусом красоты чистого и пушистого снега, которым любовался мальчик, и дорожки, пробитой им для односельчан, было разрушением гармонии в сознании. Бездушное, с точки зрения мальчика, действие водителя лишило его цели дальнейшего действия, породило пессимизм и нигилизм.

«Юсуф грустно и расстроено глядел на оставленный автобусом след в чистом снегу и не знал, что дальше делать. Уже неинтересно идти вперед. Автобус все испортил — разворошил, как символ чистоты и красоты, пушистый белый снег» [9, с. 12]. Экзистенция человека, рожденная в его душе в детстве, волнообразно возрождается, нахлынывает во взрослом возрасте неоднократно — в периоды жизненных трудностей: впадение в абсурд, наступление безнадежности, покинутости и, прежде всего, в процессе потери и поиска гармонии [13].

Окружающая реальность, коммуникации, кажущиеся на первый взгляд прекрасными и заманчивыми, как и прежде, в действительности оказываются лишь обманчивой и абсурдной декорацией жизни, за которой скрываются ложь, жестокость, обман, измена близких, а также безобразие и уродство жизни. Этот разлад между идеалами человека и окружающей его социальной реальностью приводит к потере жизненной гармонии, равновесия. Такая ситуация выступает причиной возрастания

экзистенции, зарождающейся в детстве и развивающейся с онтологически неизбежным одиночеством индивида.

Одиночество, как писал К. Ясперс, «не может исчезнуть, если вместе с ним и я сам не перестану существовать, как условие коммуникации» [1, с. 65]. Каждый человек понимает, что на одном берегу жизни он «один-одинешенек», а все остальные — на другом берегу. «Одиночество — не состояние, но угнетающая и динамичная экзистенция: она то усиливается, то слабеет» [14, с. 159]. Ослабление, отступление экзистенциального одиночества происходит, если вовне встречается что-то или кто-то, кажущийся индивиду близким внутренними ценностями и гармоничным его душе.

Например, человек, потерявший душевную гармонию и впавший в состояние экзистенциальности, — как герой рассказа «Камень», — находит во внешней красоте случайной молодой женщины гармонию, которую он искал. От женской красоты незнакомки как будто вокруг героя рассказа все изменяется: отступает его «невыносимый, тягостный, мучительный» мир, исчезает «гнетущее ощущение тяжелого камня, разрывающего грудь» [14, с. 161].

Хамдам обнаруживает, что коммуникация не только рождает экзистенцию, как писал Ясперс, но она, то обостряя, то смягчая, управляет экзистенцией индивида. В рассказе раскрывается, что понятие истинной гармонии не сводится лишь к внешней красоте: чтобы снять экзистенцию личности, женщина должна сочетать в себе гармонию внешней женской красоты с гуманностью и милосердием. Истинная красота, как еще Гегель писал, есть гармония внешней природной красоты явления с его внутренней духовной красотой. Обнаружение у женщины отсутствия ожидаемой гармонии внешнего и внутреннего вызывает тошноту у героя «Камня», как у Антуана Рокантена в «Тошноте» Ж.-П. Сартра [15].

Хищный блеск в глазах красавицы, ее рот, «похожий на окровавленную пасть хищника, только что расправившегося со своей жертвой», жадный взгляд на рыбу и безразличие к умерщвлению рыбы продавцом стирают видимость гармонии внешнего и внутреннего, даже перечеркивают ее внешнюю красоту. Она для экзистенциального индивида, восхищавшегося ее внешней красотой, уже перестает соответствовать его понятию гармонии. Говоря словами Ж.-П. Сартра, в ней «не остается ничего человеческого» [15, с. 29]. За внешней красотой женщины обнаруживается скрытое от постороннего взгляда внутреннее уродство, что именно и вызывает у героя экзистен-

циальную тошноту. Это то, что А. Камю обозначает как одно из проявлений абсурда — как «отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека» [16, с. 231].

Доктор Хамдам конкретизирует понятие «бесчеловечности человека» как отсутствие душевной, внутренней красоты, как нарушение гармонии между ценностями в духовном мире индивида и прагматичными ценностями окружающей действительности, в которой то скрытно, то явно происходит «невероятная убыль» внутреннего «достоинства человека» [17, с. 41].

В жизни каждого человека подобная дисгармония встречается неоднократно и не определяется социальным пространством. Однако, когда в обществе происходят глобальные изменения, в нем образуется экзистенциальное социальное пространство, порождающее в душе каждого индивида экзистенциальность разной глубины.

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ДИСГАРМОНИИ

Распад Советского Союза спровоцировал процесс искажения духовных ценностей, разрушение традиций, сформировавшихся в советском обществе на территориях всех бывших республик: порождаемые противоречия в духовном мире граждан бывшего Советского Союза разрушали их идеалы и мировоззрение, тем самым образовывая экзистенциальное пространство в обществе. Недавние советские люди становятся «бывшими советскими», они начинают понимать, осознавать, что нарушается установленная и принятая, доступная их пониманию общественная гармония; стабильность, определенность их жизни и благополучие съеживаются как шагреновая кожа, исчезают куда-то; в обществе нарушается равновесие, теряется вера в завтрашний день и наступает господство дисгармонии. Именно такую картину доктор Хамдам отражает в вопросительных рассуждениях школьного учителя Садыка, который жалуется, что «мы же — народ, утверждающий, что добились свободы, празднующий свою независимость», но почему же школьный учитель уже не может, как прежде, думать о школьных уроках, а вынужден постоянно думать о куске хлеба для семьи [9].

Лейтмотивом экзистенциализма доктора Хамдама является мысль, что каждый человек пытается найти свою жизненную гармонию, без чего не может спокойно прожить свою жизнь. Возникшая в обществе дисгармония, разрушая идею человека о стабильности, о жизненной гармонии, его стремление к ней, порождает в нем понятие абсурдности

своего бытия. Ускользание четкой цели и смысла своей жизни, наступление хаоса в окружающей его действительности усугубляет и обостряет его экзистенцию одиночества [13].

При наступлении времени дисгармонии в любом обществе перед каждым его членом возникает выбор пути, ведущего к душевной и жизненной гармонии. Определившись, можно превратиться в Рокантена из «Тошноты» Сартра, или же оказаться в положении Мерсо из «Постороннего» Камю, или же бороться за объективную логику реальности, деятельно участвовать в преодолении абсурда как в своей душе, так и в общественной реальности, подобно мифологическому персонажу Сизифу из эссе Камю.

Редкие личности, такие как главный герой романа «Гармония» Юсуф, могут, подобно Сизифу, вздумать и, борясь и преодолевая волны своих экзистенций, дойти до понимания объективной логики происходящих в обществе изменений, осознать необходимость своего деятельного участия в этом процессе для осуществления своих целей и в этой деятельности находить свою душевную и жизненную гармонию. Юсуф принял связь своей судьбы с судьбой общества, только так он сможет преодолеть свою экзистенциальную боль [9, с. 325].

Но кто-то другой находит гармонию в ином выборе, как, например, чиновник Саид. Он, находясь под психологической властью своей жены, теряет способность самостоятельно мыслить, предает друга, ради карьеры идет на уступки своему начальнику. Такая цена — его гармония — создавать видимость активного участия в потоке жизни. Как только он исчерпал свой скудный потенциал, его, не соответствующего логике течения, не понявшего ее и не принимающего в нем деятельного участия, выбросило на берег как щепку. На место неверно выбранной гармонии приходит экзистенция отверженности, одиночества [9, с. 232–235, 292, 311].

Предприниматель Миразим находит свою жизненную гармонию в часто нечестном зарабатывании денег, постепенно впадая в омут духовной ограниченности и одиночества. Поверхностная природа такого образа деятельности, принимаемая им за гармонию, постепенно теряет свою привлекательность, начинает его морально изнашивать, выхолащивать. Миразим приходит к пониманию, что из-за отсутствия высокой жизненной цели, к которой нужно стремиться выбранная им концепция гармонии далека от изменяющейся реальности страны, начинает топить его в экзистенции пустоты и абсурда. Запрещая по узбекским традициям своей жене

Захро устроиться на работу, Миразим и ее толкает в омут экзистенции одиночества, душевной пустоты, абсурда и невостребованности [9, с. 246–248, 111].

Другой результат экзистенциального социального пространства в узбекском обществе 90-х гг. XX в. проявляется в судьбе доцента Эргаша. Его, талантливо ученого-физика и преподавателя университета, распад СССР и трудности перехода к независимости Узбекистана застали врасплох. Он полностью потерял как жизненную, так и духовную гармонию, не смог найти себе новую социальную роль, новый смысл жизни. Из-за отсутствия собственной воли он не в состоянии бороться за свое достоинство, ценности и идеалы. Отсутствие поддержки со стороны университета, общества, а также без должного понимания и поддержки жены Эргаш впадает в мир одиночества и невостребованности.

Он оказывается в положении человека абсурда, о котором писал А. Камю: «принадлежит времени и с ужасом осознает, что время — его злейший враг. Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало бы отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд» [16, с. 230]. У Эргаша положение худшее, чем у героев пьесы С. Беккета «В ожидании Годо», которые получали, хотя и пустые, но обещания помощи от некоего Годо [7].

Другой, утрированно-религиозный вариант гармонии встречается у Амира, старшего брата Юсуфа. Он, как и многие бывшие граждане Советского Союза, фанатично подчиняет себя, других, всю окружающую его социальную реальность и погружает в далекие от реальности, искаженно познанные и неадекватно понятые им религиозные ценности. Как писал С. Кьеркегор, «всякое этическое и этико-религиозное познание по сути своей соотносится с экзистированием познающего субъекта» [18, с. 198].

В этой своей деятельности, в невостребованной обществом активности, он находит ложную и коварную жизненную и духовную гармонию и впадает в экзистенцию абсурда и одиночества. Его гармония-пустышка, найденная в религии, дурманит Амира как опиум, который не столько утешает, сколько уводит из реалий. В Амире первоначально господствует ницшеанский активный нигилизм, «как насилие, направленное на разрушение» [18]. В результате он приходит к полному отрицанию всего внешнего мира как «недостойного» своим религиозным идеалам.

Как показывает доктор Хамдам, действие ложной гармонии таково, что люди, придерживающиеся так называемой искаженной и абстрактной формы гармонии, рано или поздно окажутся в духовном

кризисе и погрузятся в пассивный нигилизм в его ницшеанском понимании. Согласно Ф. Ницше, одним из значений нигилизма является «падение и регресс мощи духа: пассивный нигилизм» [19]. Такой нигилизм направлен во внутренний мир человека, он порождает в человеке экзистенцию неполноценности, одиночества, бросает в омут абсурда в разных его проявлениях. Так и происходит с Амиром — проявление результата неверного выбора своей жизненной гармонии.

ЭКЗИСТЕНЦИИ СМЕРТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОДЕЯНИЯХ

Согласно доктору Улугбеку Хамдаму, экзистенции, порождаемые трудностями поиска духовной и жизненной гармонии, объективируются, или же, если говорить словами К. Ясперса, проявляются как «экзистенции в объективности» сквозь призму национальных обычаев, традиционного общественного бытия каждого народа и этнических групп. Важно подчеркнуть, что универсальные, общечеловеческие экзистенции — одиночество, абсурд, покинутость, отчаяние и смерть — возникают и проявляют себя в странах Африки в одной форме, в Латинской Америке — в другой, в буддийской, конфуцианской и мусульманской странах Азии — в совершенно иных формах.

В этом аспекте в экзистенциализме доктора Хамдама внимание исследователей привлекает философия смерти, в которой в национальных одеяниях проявляют себя открытые классиками экзистенциализма особенности экзистенции смерти. Как известно, М. Хайдеггер в параграфе 47 своего знаменитого труда «Бытие и время» писал, что экзистенция смерти возникает прежде всего у оставшихся в живых при ушедшем из жизни. «Смерть, — пишет Хайдеггер, — приоткрывается, правда, как утрата, но больше как такая, которую испытывают оставшиеся в живых» [19, с. 272]. К. Ясперс также придерживается близкого Хайдеггеру понимания смерти и пишет, что «смерть как процесс существует только как смерть другого» [1, с. 225].

У Хамдама же экзистенция смерти, благодаря национальной окраске, приобретает большую конкретность, разнообразность. Он раскрывает, как смерть одного узбека на чужбине усиливает у его соотечественника экзистенцию тоски по своей родине, порождает боль потери коммуникации на родном языке, усиливает чувство языкового одиночества. Смерть друга — человека другой национальности — у узбека вызывает экзистенцию одиночества и осознание своей покинутости и полную абсурдность своей жизни [20, с. 51–52].

Но каждый узбек, как и человек любой национальности, закат собственной жизни, неумолимое приближение своей смерти находит в облике стареющих родственников и друзей. Ведь любого индивида при мысли о быстротечности жизни поглощает экзистенциальная грусть, и он ощущает, что «смерть есть самое страшное зло, которое больше всего страшит человека...» [21, с. 737].

Однако у узбеков понимание и восприятие как своей смерти, так и смерти других — близких и чужих — более многозначно. Свою смерть узбек воспринимает как неизбежное возвращение к Аллаху и в лоно природы: он готовится встретить ее достойно и мечтает быть похороненным в родной земле, где похоронены его предки. Но узбек-родитель, как родитель любой национальности, не может воспринимать смерть своего ребенка как должное: она разрушает душевное равновесие родителя, порождает в нем понимание абсурдности окружающей действительности и толкает на безнадежный бунт разума.

Доктор Хамдам, исследуя силу национального менталитета и моральных ценностей, раскрывает, что смерть может быть также результатом убийства, совершенного узбеком под давлением традиционной общественной морали из-за попытки исключить индивида из его же сообщества за потерю чести и достоинства. В этом случае убийство человеком виновника попирания его чести выступает не как рядовое убийство, не как обычное преступление, но как кровавое, в то же время якобы справедливое восстановление человеком-убийцей своей чести перед своими земляками. В таком случае одобряемое большинством его земляков совершенное им убийство выступает для него как преодоление экзистенции отверженности из своего сообщества.

Так происходит с Пулатом, главным героем романа «Отец», который, не разобравшись в сути извещения (сплетни), под давлением общественного понятия чести убивает единственную и любимую дочь за то, что она родила внебрачного ребенка. Восстановив убийством свою честь перед сообществом и преодолев одну экзистенцию, он получает другую, более болезненную и глубокую — вечные страдания за убийство собственного ребенка.

Здесь прослеживается параллель с библейской историей Авраама и его сына Исаака, описанной С. Кьеркегором в «Страхе и трепете». В библейской истории, хотя Бог ниспослал Аврааму агнца и спас его от детоубийства, старец всю оставшуюся жизнь страдал от осознания, что он собирался, пусть даже по воле Бога, убить своего единственного и любимого сына. Пулат же оставался в одиночестве со своей

экзистенцией опозоренности перед беспощадными односельчанами и исполненным смертным приговором дочери. Никто из односельчан даже не пытался помочь ему одуматься, как бы «ниспослать агнца». Этой трагической сценой Хамдам раскрывает проявляющуюся негативную силу давления узбекских традиционных моральных ценностей на душу индивида, их потенциал создавать в обществе экзистенциальное пространство [20; 22].

Традиционные нравственно-этические ценности и образ общественной жизни узбеков, с одной стороны, сохраняют позитивные достижения народа, устойчивость и стабильность их жизнедеятельности. Но, с другой — они часто оказывают негативное давление на психологию личности узбеков, тем самым порождают экзистенциальное пространство в национальном социуме и скрытую экзистенцию в душах членов сообщества, вынуждая их ради соблюдения господствующих нравственных требований ломать себя, свою судьбу, идти на отречение от своих близких или даже на их убийство [23].

Формирование и обострение экзистенции у проникнувшегося национальным менталитетом индивида-узбека обусловлены дисгармонией между его личными ценностями и господствующими традиционными ценностями общества, в которых, по словам Ницше, человек ищет смысл, которого в них нет: «Ищущий в конце концов падает духом». Согласно Ницше, когда властвуют ценности масс, тиранизирующие индивидов, выступающих за признание незаменимости каждого индивида, это приводит восставших индивидов к потере веры в себя и превращению в нигилистов [17, с. 96; 24].

Противоречие между первоначально внешними для индивида ценностями общества, иногда массы, разрушающее духовную и жизненную гармонию личности, имеет место во всех обществах и во все времена. Однако в традиционных обществах, каковым является и Узбекистан, вышеуказанное противоречие имеет устойчивый и порой очень обостренный характер, что часто приводит к нарушению душевной гармонии человека. Индивид бывает вынужден искать соответствующую его интересам жизненную гармонию. В борьбе за достижение своей душевной и социальной гармонии люди погружаются в мир экзистенции, в котором некоторые теряют себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование приводит к выводу, что нарушение духовной и жизненной гармонии разного уровня и глубины преследует каждого человека в течение всей его жизни. Индивид стремится

и обязан достичь гармонии, без чего у него не будет стабильной и относительно спокойной жизни. Как дисгармония, так и достижение гармонии, да и вся жизнь человека, полная различных форм и глубины экзистенции, обрамлена в национальные одеяния, проходя через призму национального образа жизни, национальных традиций народов, в независимости

от региона проживания (Африка, Латинская Америка, Азия и Европа) [25, 26].

Обнаружение национальной окраски проявлений экзистенции и ее исследование в художественных образах, как показал наш анализ, является главным достижением доктора Улугбека Хамдама в области экзистенциальной философии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ясперс, Карл. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. Пер. с нем. Москва: «Канон+»; РООИ «Реабилитация»; 2021.
2. Бужор Е. С., Шевченко О. В. О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф. М. Достоевского. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):75-83. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83>
3. Варава В. В. Первый русский экзистенциалист: о повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи». *Наука. Искусство. Культура*. 2022;2(34):77-98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48724305>
4. Варава В. В. Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования. М.: Родина; 2020. URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-349-357>
5. Malpas J. Existentialism as Literature. In book: *The Cambridge companion to existentialism*; 2012:289-321. URL: <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521513340.015>
6. Calder, J. *The Philosophy of Samuel Beckett*. London; 2001. <https://archive.org/details/philosophyofsamu0000cald>
7. Беккет С. В ожидании Годо: пьесы. Пер. с фр. Москва: 2019; 284, [2] с.
8. Hamdam, U. *Jahon adabiyoti: Modernism va postmodernism*. Toshkent: Akademnashr; 2020. (На узб.).
9. Хамдам У. Мувозанат. Toshkent: Yangi asrlar avlodi; 2024. (На узб.).
10. Saarinen J. A. A critical examination of existential feeling. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018;17(3):363-374. URL: <https://doi.org/10.1007/s11097-017-9512-4>
11. Makhmatov T. How the philosophy of existentialism was formed. *XLinguae*. 2025;18(3):179-188. URL: <https://doi.org/10.18355/XL.2025.18.03.12>
12. Варава В. В., Махаматов Т. М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова. *Философия и общество*. 2021;100(3):143-155. URL: <https://doi.org/10.30884/jfo/2021.03.09>
13. Музашвили Д. З. Проблема одиночества в социальной философии. *Философия и общество*. 2010;3(59):101-109. URL: <https://www.elibrary.ru/nbfejh>
14. Хамдам У. Забытая мелодия ная. Пер. с узб. Ташкент: Мухаррир; 2013.
15. Сарт Ж-П. Тошнота: Роман. Пер. с фр. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2003.
16. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. Сумерки богов. Пер. с фр. М.: Политиздат; 1989:222-318.
17. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. Пер. с нем. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2025.
18. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Пер. с дат. М.: Академический проект; 2021.
19. Хайдеггер, Мартин. Бытие и время. Пер. с нем. Москва: Ad Marginem; 1997.
20. Хамдам У. Ота: роман. Тошкент: Ешлар матбуоти; 2023. (На узб.).
21. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого. В кн: *Христианство. Марксизм. Экзистенциализм*. Москва: Академический проект; ФНИСЦ РАН; Трикта; 2022.
22. Гагарина М. А., Соловова Н. А., Неврюев А. Н. Отношение россиян к смертной казни: роль личностных и социально-психологических характеристик. *Психология и право*. 2024;14(3):13-25. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140302>
23. Махаматов Т. М. Диалектика экзистенции социального пространства. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2023;13(5):75-83. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83>
24. Хайдеггер М. Ницше и пустота. Москва: Родина; 2023.
25. Wardle, D. A contemporary sense of existentialism. *South African Journal of Philosophy*. 2016:336-344. URL: <https://doi.org/10.1080/02580136.2016.1209932>

26. Barun K.J. Features of Existentialism. *IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 2020;25(8)9:60-63. URL: <https://doi.org/10.9790/0837-2508096063>

REFERENCES

1. Jaspers, Karl. *Philosophy. The second book. Enlightenment of existence*. Translated from German. Moscow: "Canon+"; ROOI "Rehabilitation"; 2021. (In Russ.).
2. Buzhor E.S., Shevchenko O.V. On the motives of hell, purgatory and paradise in the works of F.M. Dostoevsky. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):75-83. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83>
3. Varava V.V. The first Russian existentialist: About F.M. Dostoevsky's novel "White Nights". *Science. Art. Culture*. 2022;2(34):77-98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48724305> (In Russ.).
4. Varava V.V. The seventh day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence. Moscow: Rodina; 2020. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-349-357>
5. Malpas J. Existentialism as literature. In book: *The Cambridge companion to existentialism*; 2012:289-321. URL: <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521513340.015>
6. Calder J. *The Philosophy of Samuel Beckett*. London; 2001. URL: <https://archive.org/details/philosophyofsamu0000cald>
7. Beckett S. *Waiting for Godot: Plays*. Translated from French. Moscow; 2019. 284, [2] p.
8. Hamdam U. *Jahon adabiyoti: Modernism va postmodernism*. Toshkent: Akademnashr; 2020. (In Uzbek).
9. Hamdam U. *Muvozanat*. Toshkent: Yangi asrlar avlodi; 2024. (In Uzbek).
10. Saarinen, J.A. A critical examination of existential feeling. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018;17(3):363-374. URL: <https://doi.org/10.1007/s11097-017-9512-4>
11. Makhmatov T. How the philosophy of existentialism was formed. *XLinguae*. 2025;18(3):179-188. URL: <https://doi.org/10.18355/XL.2025.18.03.12>
12. Varava V.V., Makhmatov T.M. New forms of existence in the works of Ch. Aitmatov. *Philosophy and society*. 2021;100(3):143-155. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.03.09>
13. Muzashvili D.Z. The problem of loneliness in social philosophy. *Philosophy about society*. 2010;3(59):101-109. URL: <https://www.elibrary.ru/nbfejh> (In Russ.).
14. Hamdam U. *The forgotten melody of naya*. Transl. from Uzbek. Tashkent: Muharrir; 2013.
15. Sart J.P. *Nausea: A novel*. Transl. from French. Saint Petersburg: ABC Classics; 2003. (In Russ.).
16. Camus A. *The myth of Sisyphus. An essay on the absurd. Twilight of the Gods*. Transl. from French. Moscow: Politizdat; 1989:222-318. (In Russ.).
17. F. Nietzsche *The will to power: The experience of reassessing all values*. Translated from German. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus; 2025. (In Russ.).
18. Kierkegaard S. *The final unscientific afterword to the Philosophical Crumbs*. Transl. from the dates. Moscow: Academic Project; 2021. (In Russ.).
19. Heidegger Martin. *Genesis and time*. Transl. from German. Moscow: Ad Marginem; 1997. (In Russ.).
20. Hamdam, U. *Ota: roman*. Toshkent: Yeshlar matbuotil; 2023. (In Uzbek).
21. Berdyaev N.A. *The existential dialectic of the Divine and the human*. In: *Christianity. Marxism. Existentialism*. Moscow: Academic Project; FNISC RAS; Triksa; 2022. (In Russ.).
22. Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N. The attitude of Russians to the death penalty: the role of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology and law*. 2024;14(3):13-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140302>
23. Makhmatov T.M. Dialectics of the existence of social space. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):75-83. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83>
24. Heidegger M. *Nietzsche and the void*. Moscow: Rodina; 2023. (In Russ.).
25. Wardle D. A contemporary sense of existentialism. *South African Journal of Philosophy*. 2016:336-344. URL: <https://doi.org/10.1080/02580136.2016.1209932>
26. Barun K.J. Features of existentialism. *IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 2020;25(8)9:60-63. URL: <https://doi.org/10.9790/0837-2508096063>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Tair M. Makhamatov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Тимур Таирович Махаматов — кандидат философских наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Российская Федерация

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

Timour.makhamatov@gmail.com

Диана Зурабовна Музашвили — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Diana Z. Muzashvili — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

DZMuzashvili@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Т.М. Махаматов — концепция исследования, анализ сущностной и контекстной системы объективной формы экзистенции, философский анализ влияния национальных традиций на экзистенцию личности, интерпретация исторической памяти как рефлексии сущности, перевод литературы с узбекского на русский язык.

Т.Т. Махаматов — разработка системного подхода к анализу исторической памяти, исследование роли религиозного сознания на образ жизни индивида, перевод и интерпретация источников на английском языке.

Д.З. Музашвили — анализ исторической памяти в контексте национальной идентичности и коллективного субъекта, обзор и синтез современных дискуссий и источников, формулирование основных выводов и интеграция субъективной и объективной форм экзистенции через национальный менталитет.

Authors' contributions:

T.M. Makhamatov — conceptualization of the research, analysis of the essential and contextual concepts of historical memory within the framework of classical and non-classical rationality, philosophical interpretation of historical memory as a reflection of essence.

T.T. Makhamatov — development of systemic and autopoietic approaches to the analysis of historical memory, investigation of historical memory as a means of self-reflection of the state-system, analysis of the opposition between epistemological and ontological holism.

D.Z. Muzashvili — analysis of historical memory in the context of national identity and collective subject, review and synthesis of contemporary debates and sources, formulation of the main conclusions and integration of subjective and systemic ontology in the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.